

© (ТЧВ)
У-49

ISSN. 0130.531X

УЛУГ-ХЕМ

26 1990

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

УЛУГ-ХЕМ

Литературно-художественный альманах

Основан
в 1946 году

В номере:

Проза

А. ДАРЖАЙ, К. ЧЕРЛИГ-ООЛ, Г. КРАВЧЕНКО, М. КОЖЕЛДЕЙ

К 45-летию Победы

Поэзия

К. КУДАЖИ, Н. КУУЛАР, А. УЕРЖАА, Х. АРТЫК, Э. ЦАЛЛАГОВА, Л. САНЧАЙ, Э. МИЖИТ.

Для юных читателей

О. НАМЧЫЛАК, Н. ЧЕМЕЗОВ, Х. АК

Стихи — детям

А. ШОЮН, Ч. КАРА-КУСКЕ

Сатира и юмор

М. ФИЛИПЧЕНКО, А. ТАБАЧНИКОВ

Из литературного наследия

М. ТАТАРИНЦЕВА об И. Сафьянове.

Воспоминания

И. САМБУ

Публицистика

Б. ТАТАРИНЦЕВ

Календарь и календароведение

М. ХАДДАХАНЭ

ТУВИНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ — 1990

С (Тув.)
У49

Редакционная коллегия:

А. А. ДАРЖАЙ, С. В. КОЗЛОВА (редактор),
Ю. Ш. КЮНЗЕГЕШ (ответственный редактор),
Г. И. ПРИНЦЕВА, М. А. ХАДАХАНЭ

У $\frac{4700000000-01}{133[01]-90}$ 27-90

© ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1990.

Проза

Александр ДАРЖАЙ

БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ

Рассказ

В середине двенадцатой луны прямо на лесной дороге между селами Кара-Дуругом и Ак-Дагом замерз седой горбоносый старик лет шестидесяти, а может, и семидесяти.

В кармане пальто у старика нашли полбутылки водки, во внутреннем кармане пиджака лежали триста рублей, тщательно завернутые в бумагу. Следов насилия на теле не обнаружили. Старик лежал на спине, раскинув руки в стороны, в глазницах блестели две капли заледеневших слез. Видно, они выступили, когда старик понял, что расстаётся с белым светом, что умирает вдали от людей на открытой всем ветрам поляне — стар-не стар, а кому охота просто так умирать!

Председатели двух сельских Советов, два участковых милиционера, старейшие жители обоих сел — из Кара-Дуруга дедушка Доржу, из Ак-Дага дедушка Сандю, водители доставивших их к месту происшествия легковых машин — все они вместе осмотрели тело замерзшего старика, но не смогли его опознать. Оказалось, умерший ни к одному из этих сел никакого отношения не имел. Сошел, видимо, с автобуса, следовавшего либо из Чадана, либо из Кызыла, где-то на дороге через Кара-Дуруг и пошел пешком в Ак-Даг — в ту сторону вели его следы. Посоветовались все вместе и решили: раз шел в Ак-Даг, значит, там есть люди, которые его знают...

— Посмотри-ка ты как следует, дед. Может быть, узнаешь. Вспомни: жил ли в наших местах такой человек? — спросил Сандю председатель Ак-Дагского сельсовета Дыкаа Монгушевич.

Дедушка Сандю наклонился к лежащему на снегу человеку и стал снова внимательно его разглядывать. Сколько ни всматривался, никак не мог признать в нем знакомого человека.

— Не-ет, такой старик у нас не жил. Может, он родня людям, приехавшим в село из других мест? Не бывает же на свете человека без роду-племени, дети мои.

— И у нас тоже такой человек никогда не появлялся. Все же родственники его должны быть в Ак-Даге,— поддержал дедушка Доржу.

Восемь человек из двух сел окружили девятого, лежавшего на снегу, и молча глядели на него. Тишина стояла кругом, только в дупле старого тополя гудел ветер, словно старался помочь разгадать эту людскую тайну.

— Не дело нам так стоять. Надо что-то решить и предпринять. Как бы там ни было, человек умер. Тем более — пожилой человек. Уважаемый был, конечно, среди своих близких,— нарушил молчание Дыкаа Монгушевич.

— Что посоветуете, дарга?— спросил председатель Кара-Дуругского сельсовета Дакаа Кууларович.

— Давайте так, товарищи! Попробуем, не опознают ли его приезжие, новые жители обоих наших сел. Если и это ничего не даст, то, раз он шел в сторону Ак-Дага, там и похороним его. На расходы деньги у нас имеются,— предложил Дыкаа Монгушевич.

— Ну, как, товарищи?— спросил всех Дакаа Кууларович. Никто не ответил. Тогда он решительно сказал:— Значит, согласны. Если так, то две машины мы с Дыкаа-дарга берем с собой. Остальные остаются здесь. Нельзя ведь его оставлять одного. Разведите костер.

— Правильно. Ну, давай, Мишка, едем.— Дыкаа Монгушевич повел с собой водителя к машине.

Две машины разъехались в разные стороны. Около умершего остались участковые, Монгуш Надан-оол из Кара-Дуруга и Тюлюш Пар-оол из Ак-Дага, и оба дедушки, Доржу и Сандю.

Если ехать по лесу, то расстояние между двумя селами — ровно восемь километров. Умерший, повторяю, лежал прямо посередине — на четвертом километре. И часу не прошло, как все машины, почти одновременно, вернулись. Вышли из них приглашенные восемь человек — по четыре из каждой... И тоже не признали мертвеца. А из обоих сел уже потянулись любопытные.

Между тем, дедушка Сандю, греясь у костра, не сводил глаз с замерзшего человека. Шрам над правой бровью кого-то

ему напоминал... И вдруг дедушка Сандю вздрогнул. Давние голоса зазвучали в его ушах. Когда же это было? Сорок... Нет, тридцать восемь лет назад. Ему тогда было тридцать два года. Молодым был...

— Говори, не запирайся: украл с тока зерно?

— Нет... Я зерно не брал.

— Врешь, брал. Переправил в Ийме!

— Да не брал я! Как могу говорить, что брал, если я не брал, дарга!..

— Брал, брал. Пиши, вот здесь пиши: это ты украл, пиши давай!

— Что же я буду писать — сам на себя? Вы говорите, брал, а где ваши свидетели?

— Еще и свидетелей спрашивает!.. Есть человек, который видел. Введите сюда Мажая! — крикнул следователь в сторону закрытой двери.

И Сандю увидел Мажая. Тот держал шапку перед собой и нервно мял ее в руках.

— Знаешь этого человека?

— Знаю. Это человек из наших мест. Мажая, сын Дагба его зовут, — ответил Сандю.

— Что этот негодяй натворил, расскажи-ка с начала до конца, товарищ Мажая! Что-то совсем позабыл он о содеянном, — ехидничал следователь.

Мажая, боясь взглянуть Сандю в лицо, протянул:

— Я же письменно изложил, дарга. Зачем еще повторять?

— Ты... можешь здесь, в присутствии этого негодяя, вновь подтвердить, что говорил правду?

— Да, мой дарга. Почему бы не подтвердить! Правду говорил! — быстро, как заученное, твердил Мажая...

Следователю этого было достаточно. Так, по навету Мажая, был осужден Сандю, признан вором, саботажником и... врагом народа. Только в пятьдесят пятом году вернулся на родину. И когда вернулся, узнал: и жена его, и двое детей давным-давно покинули родные места. Ушли? Куда же? Да в те края, откуда не возвращаются... Сандю имел возможность пойти и посмотреть уже зараставшие и терявшиеся следы их последнего пристанища. Пропливая слезы на могилах родных людей, он поклялся, что при первой же встрече своими руками задушит этого Мажая... Да, должно быть, если бы Мажая в то время попался ему, живым бы не ушел. О мести он думал долгие годы, даже когда мышцы его уже ослабли и все тело состарилось, иссохло. Именно из-за желания отомстить не стал Сандю вновь

обзаводиться семьей. Боялся — женится и свяжет себя по рукам, по ногам...

Когда он вернулся на родину, Мажаа там и духу уже не было. Только старый Дагба, его отец, остался стеречь покинутый домик, но даже он не знал, куда уехал сын с невесткой и детьми. Иные высказывали предположения, что переехали они куда-то на юг. С какой стати тягаться со старым Дагба? Он же за сына не отвечает. Наветов Мажаа старик не поддержал, даже прервал с ним всякую связь: прямо на глазах его жены и детей родному сыну плюнул в лицо. Так слышал Сандю от людей.

И только достигнув пятидесяти лет, Сандю опомнился, понял, что он мог натворить... Теперь он постоянно думал: как же этот Мажаа живет? Какими стали его дети, неужели, как и подлый их отец, привыкли жить наветами? Если это так — кому опять плюют они ядом в невинную душу, в чью счастливую семью посылают беду и горе?

Разменяв седьмой десяток лет, Сандю ощутил себя совершенно одиноком на белом свете. Чуть было не закачался тогда на кончике тонкого ремешка. Выпил для храбрости да и зашагал в лес. Сделал петлю на нижнем суку березы, сел у ее комля покурить и в последний раз взглянуть на голубое небо родных мест. Вдруг над ним с карканьем пролетели два ворона. Он вздрогнул от гортанных криков этих птиц, питающихся падалью. Вскочил на ноги и ножом обрезал ремешок, свисавший с крепкого березового сука.

— Подлый Мажаа где-то еще живет. Он давно уже забыл тебя, живет себе да радуется, а ты уж заторопился умирать, Сандю! Не-ет, ты должен увидеть его смерть. И умрет он хуже собаки,— так сказал ему голос давно умершей жены, вставшей перед его глазами с двумя дочерьми-погодками.

Может быть, выпитое вино ударило в голову, а может, от тяжести мыслей, давивших на сердце, но зашатался тогда Сандю и всем могучим телом рухнул он на зеленую траву...

— Опознал я его, дети мои! — глуховато проговорил дедушка Сандю.

Как гром среди зимы, прозвучали эти слова. Все, кто собрался на дороге, окружили Сандю и смотрели то на него, то на мертвеца. Сандю больше ничего не сказал. Молча подошел к замерзшему старику. Некоторое время смотрел на него, потом повернулся, плюнул на обочину и молча зашагал по укатанной машинами дороге в Ак-Даг.

— Кто же это такой?— крикнул ему вслед Дыкаа Монгушевич.

— Это сын Дагба по имени Черный Мажая,— не останавливаясь и не оборачиваясь, ответил дедушка Сандю.

Оставшиеся около трупа Черного Мажая жители Ак-Дага постепенно, друг за другом, зашагали в село вслед за старым Сандю. Остались на месте только председатель сельсовета и милиционер. Точно так же поступили и кара-дургуские жители: только председатель сельсовета и милиционер остались...

1978

ТАРЗАН

Рассказ

— Следующий раз приедешь — привезешь мне фонарик, друг. У нас тут ведь не то, что у вас в Кызыле, лампочек на каждом столбе не навешано. А хоть и повесят где, эти пустоголовые все равно разобьют. Как идешь из кино, в темноте то корову оседлаешь, то искры из глаз об столб выбьешь, а то и с обрыва свалишься — чего только ни бывает! А этим, другим ребятам, я сколько раз заказывал — бесполезно. Ты же там везде бываешь, ты-то сможешь достать,— сказал однажды Тарзан, отозвав меня в сторону от ожидавших автобуса людей.

И вправду я часто привозил Тарзану его заказы: значки, складнички, портсигар... Но разговор с Тарзаном о фонарике оказался последним. Заказ-то я выполнил, но из Кызыла вскорости пришлось вылететь в Москву, в свое село потом долго не мог собраться, а передавать через людей не стал. Думал, как-нибудь между делом заеду все-таки в родные места и уж там, как говорится, «в торжественной обстановке» вручу. Вот и хранил покупку в нижнем ящике рабочего стола. И теперь еще, как вспомню Тарзана, сильно корю себя за это. Ведь попроси я тогда кого-нибудь, каждый бы выполнил мою просьбу: не было в нашем селе человека, который бы Тарзана не знал. Спроси хоть сейчас всякого, лет с пятидесяти и до пяти-шести: «Кто твой друг детства?»— все в один голос ответили бы: «Тарзан»...

В самом деле, Тарзан был сыном всего нашего села. Как я ни пытаюсь, как ни заставляю себя напрячь память, не вспомню ни одного случая, чтобы хоть кто-нибудь худое слово о Тарзане сказал. И сам не упомяну, и людей таких не знаю, кто бы

видел или по крайней мере слышал, как Тарзан ругался с кем-нибудь. Нет, это был удивительный человек.

Думаю, многие еще помнят многосерийный фильм «Тарзан», так на шумевший в пятидесятых годах. Подражая главному герою этого фильма, «обезьяньему Тарзану», сколько же мальчишек ломали себе руки-ноги, прыгая с дерева на дерево или с крыш... Прыгали, раскачавшись на нижней ветке тополя — так ее «тарзанкой» и прозвали — в воду, спорили, кто дольше просидит под водой. К большой беде эти опасные для жизни игры, у нас по крайней мере, не привели, шло время, дети вырастали, и все это, вместе с самим детством, осталось за завесой времени.

Тем не менее имя героя того фильма превратилось в собственное имя одного из жителей нашего села. Тарзан вечно бродил — то по улицам, то по горам, срезая типчак. До пояса входил в холодную от ледяных родничков речную воду, — мы бы не решились, до костей пробирало! — и руками ловил рыбу под обрывистым берегом. Очень любил это занятие. На то и Тарзан. Кто его так первым назвал — неизвестно, да и есть ли в селе человек, который знал бы об этом? Но когда я вот так сижу и вспоминаю прошедшие дни и людей, которые жили здесь в ту пору, представляется мне: это имя мог дать ему Василий, он заведовал школьным складом. Такие ясные голубые глаза были у Василия...

С тех самых пор, как я стал что-либо понимать, Тарзан был молодым человеком лет двадцати-тридцати. И до самого последнего времени на вопрос о возрасте он отвечал, что ему двадцать семь лет. Судя по внешнему виду Тарзана, никак бы не сказать, что у него голова не в порядке. Но в поведении и характере у него было очень много мальчишества, чего-то детского.

Парня, который сновал между домами, наверное, подметило доброе сердце Василия. Вспоминаю теперь: Тарзан всегда кормился и жил тем, что крутился возле школьной столовой. Легко ли поварам зимой, на холоде, колоть мерзлые чурбаки да таскать воду из проруби? Кто-то же должен это делать? Вот, должно быть, Василий и договорился с директором, и устроил Тарзана в школу разнорабочим.

Постоянного жилья у него, помнится, не было. В интернате или где-то возле него жил. Сколько раз менялись у нас и директора школы, и заведующие интернатом, но его никто не прогонял. Каждое лето Тарзан ломал старые печки, очищал крыши от сажки; кисти — классы белить, — делал тоже он. А зимой не только для поваров старался, но еще и отхожие места в чисто-

те содержал. Все четыре времени года не отходил от школы. И когда я учился, и потом, через десять-пятнадцать лет...

Однажды, помню, кормил я на дворе кур, сыпал им зерно, вдруг вижу: из-за забора зовет меня Тарзан. И мальчишки с ним.

— Пошли рыбачить, дружок?

— Погоди, у мамы спрошусь. Мне еще проса натолочь надо. Я сейчас!— ответил я и побежал к дому.

Влопыхах я оступился — шагнул мимо крыльца да и кувырнулся. Кожу на коленке содрал, саднило нестерпимо, да когда на это внимание обращать, оглянулся только, как бы ребята не ушли. Нет, они, с Тарзаном во главе, расселись за оградой на той длинной скамейке, где обычно мама беседует со своими подружками.

Влетел я в дом. Мама что-то шила, водрузив очки, будто седло, на переносицу.

— Кур накормил?

— Накормил. Мама, а можно я схожу порыбачу?

— Что ты говоришь, сынок. Кто же нам проса натолчет?

Как мне хотелось порыбачить! Аж в глазах стояли черносиние хариусы под затормом коряг: так и покачивают медленно плавниками, закрывают да открывают рты... С опущенной головой пошел к дверям.

— Ой, да куда же ты?— немного даже сердито окликнула мама.

— Пойду, мальчишкам скажу. Ждут ведь.

— Иди, иди, скажи. Что делать с этим Тарзаном! Ведь совсем ненамного младше меня. Все время ходит с мальчишками,— осталось сетовать маме.

Говорю мальчишкам с крыльца:

— Мама велела проса натолочь, ребята. Придется вам без меня идти,— сказал так, стал, было, поворачивать к двери, смотрю, а Тарзан открыл ворота и идет к нам.

Стою, держусь за дверную ручку и жду его. Тарзан подошел ко мне, положил на мою голову свою длинную худую руку, постоял так немного, затем молча показал: открывай. Вошли мы с ним не вместе — по одному, друг за другом.

Я прошел вглубь дома, сел на койку. Тарзан поздоровался с мамой и сел на стул, у стола. Мама встала — колени хрустнули,— положила свое шитье рядом со мной, чайник с печи переставила на стол, к Тарзану, чаю в пиалу налила и подала ему.

— Рыбачить, что ли, собрался, Тарзан?

— Порыбачить, тетушка. Как ваше здоровье?

— Да ничего вот.

— А дядя куда ушел?

— В поле, Тарзан, куда же еще.

Тарзан с шумом пил чай и между делом подмигнул мне. Я не понял, что он там придумал. Потом он посмотрел на маму.

— Тетенька, а тетенька. Проса-то вам много ли надо натолочь?— спросил.

— Много — немного... всего две ступки будет. А тебе зачем?

— Ну и удивительная же вы, тетенька... Проса ведь сначала натолочь надо, потом поесть, а там и на рыбалку, так, что ли, дружок?— и он кивнул мне.

— Что только этот Тарзан не придумает. Ну, тогда быстренько натолките да идите рыбачить,— сказала это мама, и радуга зацвела в душе у меня, как на небе после дождя.

Мигом я выскочил во двор. Одним махом достал из летней кухни, где мать обычно жарит-варит, ступку, пест деревянный, просо в тазике и давай толочь. Тем временем и ребята подошли — Маадыр-оол, Хаважык, Кызыл-оол. Незаметно и Тарзан к нам присоединился.

— Натек-ка еще ступку, сыпьте и сюда, да потолчем тоже, друзья,— распорядился.— Ах ты, папиросы забыл! Пойду, куплю. Чтобы к моему приходу все уже сделали!— и пошел.

Мы очень быстро управились с двумя ступками проса. Вторую, оказывается, Тарзан от соседей принес. Мама нас похвалила. Поели вятером тараа — жареного проса — с пенками и отравились рыбачить.

Речка, в которой мы удили, имеет два русла. Самое рыбное — Улуг-Адыр, Большой Рукав. Там крупные скосы и очень удобные коряги под водой. Речка сама не очень глубокая, но встречаются и такие места — как раз человека с головой скрывает. Не так я сказал — «удили»: мы ловили силками, а Тарзан... Подсучит брючины, в воду войдет, длинные свои руки под нависший берег засовывает и — только так! — выбрасывает на траву черные тушки хариусов. И опять: как ни напрягаю память, не припомню, чтобы Тарзан за один раз ловил много рыбы. Самое большее, штук десяток выбросит, а потом говорит: «хватит, ребята, даже речная рыба имеет счет, нельзя называть малым дар хозяина воды, ниспосланный нам...»

Пришли мы в тот раз на место рыбалки и видим: кто-то дерном перекрыл русло, запрудил речку. Четыре железные лопатки в берег воткнуты. Неподалеку от нас, в ивняке, люди галдят, голоса незнакомые. А рыбы! Вода только-только очищаться от мути начала, и хариусы в ней трепыхаются, воздух хватают, плавниками бьют по воде, по камням, по илу — вверх

пробраться пытаются. Мы с Маадыр-оолом, Кызыл-оолом и Хаважыком даже штанин не подсушили, мигом прыгнули в воду. А она вдруг зашумела, стала прибывать, покраснела, побурела... Смотрим, а это Тарзан схватил лопату и положенный поперек течения дерн в стороны отбрасывает.

— Чего ты? Рыба-то прямо в руки шла! — Жалко, упустили! — шелкнул языком Маадыр-оол.

— Быстрее берите лопаты! Разбирайте затор! — негромко прикрикнул на нас Тарзан.

Мы не стали ему перечить. Разбрасываем дерн туда и сюда, промокли до нитки, грязью испачкались... Видим, люди к нам бегут, из ивняка выскочили. Перебрались мы, не выпуская из рук лопат, на ту сторону речки, пробежали немножко вверх по косогору и спрятались в зарослях. Лежим и трясемся, словно простывшие зайчата.

Не знаю, как другим, а мне тогда поступок Тарзана был не по душе. Вот же они, рыбки, рядом были! Можно было не то, что руками ловить — ногами на берег выбивать, как мячи! Что же он натворил? Легко ли, вытянув шею, заглядывать под коряги!... А тут удача сама пришла, подкатилась, что тебе перекасти-поле в рот лежащему верблюду... «Эх, Тарзан! Не буду я больше с тобой рыбачить, и мяч гонять с тобой больше не буду!» — злился я про себя, и даже не смотрел в его сторону.

— Это все Қалчан-оол с Сыгыр-оолом, их рук дело, — погасив папиросу, проговорил Тарзан. — Вот и порыбачили мы, ребята...

— Жаль рыбы! — вздохнул Маадыр-оол. — И зачем ты воду пустил?

— Жаль рыбы? Ну и дурак же ты! Так рыбачить, что же останется? Рыба-рыбой, да и ей, наверное, есть счет. Как она потом будет размножаться? Нельзя так делать. Еще и взрывать начинают, сетями прочесывать. Падет на них когда-нибудь грех за убитых рыб. Чего жадничать? Желудок, и тот меру имеет. — Тарзан помолчал и продолжил: — В этих местах духи бродят. Все видят! А внизу, на осенних стойбищах, люди сено косят. Вода-то, как пошла вся в одно русло, должно быть, их скошенное сено унесла.

— Что же теперь делать? — взволновался Кызыл-оол. — Председателю колхоза сказать, что ли?

Тарзан ничего не ответил. Полежали мы еще немного в зарослях и пошли в село. А назавтра я услышал, — отец говорил, — что колхозное сено унесла вода. Я рассказал ему, что эту воду мы с Тарзаном направили обратно, в старое русло.

— Не скажешь, что у Тарзана ума не хватает. Правильно сделал,— одобрил отец.

Никто не припомнит, чтобы Тарзан когда-нибудь печалился. Я только дважды видел его слезы. Первый раз, когда хоронили его единственную сестренку, одну из лучших учениц нашей школы. От чего она умерла, чем болела — не знаю, даже лица этой девушки не помню — мал был еще. Но запомнил: вся школа ее хоронила. И никогда не забуду, как лились слезы Тарзана, как он приговаривал:

— Сестренка моя, единственная, красавица моя! Как же я теперь буду жить среди народа? Лучше бы я умер вместо тебя! Думал твой брат, вот выучишься ты, достигнешь больших знаний, станет он жить в твоём доме... Где я теперь найду себе сестренку? Где моя надежда — огонь очага твоего поддерживать, чай твой пить да радоваться? Драгоценная моя, единственная! Как же я буду ходить среди народа, одинокий твой бедный брат!..

Тогда, говорю опять, первый раз я видел его слезы. А второй...

Были у нас в школе две молоденькие учительницы, Софья Андреевна и Нина Ивановна. У нас и еще работали русские учителя, но эти, должно быть, тогда только приехали после института. Все интересное в нашем селе делалось при их участии и, даже так можно сказать, под их руководством. Нина Ивановна вела физкультуру. Как она ходила на лыжах! Снежная пыль столбом стояла, как, бывало, побегит. А на коньках летит — нет птицы быстрее! И спортсмены нашей школы всегда побеждали на районных соревнованиях — должно быть, ее заслуга. Я на что тогда в начальных классах учился — тоже не снимал с ног ни лыж, ни коньков.

Нина Ивановна и стала причиной слез Тарзана. И никогда прежде не волновавшуюся, не кипевшую душу его, сердце Тарзана тоже Нина Ивановна заставила загореться.

Жили они с Софьей Андреевной в учительском бараке, в маленькой комнатке, вдвоем. Тарзан приходил к ним в комнатушку, колол для них дрова, носил воду, рыбу в речке для них ловил. Подружился с ними. Софья Андреевна была человеком скромным, даже строгим, а Нина Ивановна — полная ей противоположность: чрезвычайно весела, порой и не поймешь, где она шутит, где говорит всерьез. Всегда какой-нибудь идеей, делом горела. И такая непоседа!..

Да, пролить слезы Тарзана заставила именно Нина Ивановна. Постоянно она называла Тарзана «мой милый», говори-

ла всем, что он ее «любимчик», а бедный Тарзан все эти шутки принимал всерьез и очень близко к сердцу.

Ранней весной в наше село из районного центра стал приезжать русский парень-шофер: товары возил для магазина. Возле магазина однажды и сошлись их тропки с Ниной Ивановной. Народ один, язык общий — конечно, разговорились между собой. А любовь — когда она вспыхивает, отчего? Машина Бориса почти каждый день стала приезжать к учительскому бараку, под окно Нины Ивановны. И с тех самых пор мирная жизнь Тарзана наполнилась тревогой.

Наш дом стоял тогда напротив школы. Тарзан постоянно заходил к нам. Мама сильно его любила, может, оттого, что она — женщина, мать. Всегда жалела его, никогда не говорила, что, мол, слабоумный, считалась с ним, как со всеми другими взрослыми людьми. И всегда, бывало, обязательно его досыта накормит, никакой еды для него не жалела. Да не только моя мама — можно сказать; в каждом доме на селе так принимали его. Я не слышал, чтобы когда-нибудь кто-нибудь выгнал Тарзана из дому, не пустил переночевать.

Однажды субботним вечером — да нет, уже не вечер был, а ночь, — мы уже легли спать, как вдруг открылась наша дверь, вошел кто-то, прошел и сел на стул у стола. И заплакал, всхлипывая... У матери была такая привычка — ни днем, ни ночью не закрывать дверь на засовы. Говорила: кто и что возьмет из нашего захудалого домишки? Днем или ночью могут ведь люди прийти, может, проголодавшиеся, может, замерзающие, всякое бывает, нельзя плохо думать о людях. Когда, говорила, открыто живешь, и тебе люди всегда помогут, и у тебя всегда будет много друзей. Когда-нибудь и с моими детьми может всякое случиться, поэтому я всегда держу открытой дверь, мне нечего скрывать от народа, нечего мне скрытничать, так она говорила. Я и сейчас помню и соблюдаю завет матери.

С началом весеннего сева отец перестал ездить домой, жил на бригадном стане. Мама встала, зажгла керосиновую лампу. За столом сидел Тарзан.

— Что с тобой, Тарзан? — спросила мама.

— Нину Борис усадил в свою машину и увез. Нина же меня называла «милый». Когда машина... машина Бориса еще приедет к нам, я проткну ей шины! А самого его подвешу вниз головой на верхушке самого высокого тополя Булун-Терека! Худо ему будет, тетенька. Увидишь, так я и сделаю! — сказал Тарзан и продолжал утирать слезы рукавом.

Мама присела у печки и стала сворачивать себе махороч-

ную самокрутку. Что же будет?— думаю я, лежу, высунув голову из-под одеяла, делаю вид, что сплю, а самого любопытство так и сжигает — страсть!

Мама сидела, курила, смотрела в лицо Тарзана и искала слова, чтобы его утешить. Понимала, видимо, что в таком трудном деле надо дать разумный, точный и очень хитроумный совет.

— Ну, ладно, Тарзан. Красны девки у народа перевелись, что ли? Не подобает мужчине из-за девок слезы лить. Кроме нашего, в какой дом еще заходил плакать?

— Нет, никуда не заходил.

— Вот и хорошо. А то узнают посторонние люди, стыдно ведь будет, неудобно. Бог с ней, с Ниной, из Союза еще девушки придут, красивее ее. Тогда и заарканим какую-нибудь из них. Да я тебе сама сосватаю. А теперь не плачь, Тарзан.

— И вправду придут девушки? Из Союза? Красивее ее? С золотыми косами?.. Тогда не буду плакать, тетенька. Что с ней поделаешь, с Ниной... А машина — зачем же мне ей шины прокальвать? Пусть ездит Борис. Решили жить вместе — пусть живут.

— Да-да, Тарзан! Пусть живут! В какую сторону они поехали?

— В сторону Чаа-Холя.

— Ну, тогда давай так, мой Тарзан!— сказала мама, встала с места, где сидела, из посудного шкапчика достала молоко в берестяном бидончике, а в другую руку взяла тос-карак, девятиглазку, деревянную палочку с девятью углублениями на конце: такими разбрызгивают молоко или аржаан при обряде благословения или жертвоприношения.— Выйдем на улицу. Побрызгаем вслед этим бедняжкам. Эти дети уже нашли свой путь. А для тебя я такую девушку окручу! Красавицу!— сказала она и вывела Тарзана с собой.

Я натянул одеяло на голову и так и заливаюсь смехом. Прошло немного времени, мама с Тарзаном заходят в дом, чай пить садятся. Самые важные, самые доходчивые до сердца слова, должно быть, мама там, на улице, ему сказала. Какие? Не спросил я об этом тогда, в детстве, у мамы, и потом, десятилетия спустя, когда уже взрослым стал, тоже не спросил. Только сейчас об этом сожалею.

Тарзан не пропал среди людей. Играл наравне со всеми, начиная с пятидесятилетних — а их в нашем селе почитали уже как стариков,— и кончая детьми их детей. Весной — в лапту, мяч гоняли, осенью — в почекушку, а зимой на льду на коньках катались, а то затевали и хоккей. Меня поражает одно: он дейст-

вительно не старился, говорил, что ему двадцать семь, И как будто так оно и было. Вот уже двадцать лет прошло, как я школу окончил, а он все такой же. А ведь самое большее лет на шесть-семь он моложе моих родителей. Приезжал я в село в гости уже со своими детьми, и Тарзан все так же, как, бывало, когда я был маленьким, гонял с мальчишками мяч, и мне вспоминалось детство и хотелось гонять мяч с ними...

Никто и ничем его не укорял. Не видел я человека, который бы руку на него поднял, скверными словами его обругал. В магазине его без очереди пропускали. Большого почета, чем ему, никому в селе не оказывали: в кино только он один бесплатно ходил и даже имел, в передних рядах, свое постоянное место, стар и млад это знали и никто на это место не садился. И недоумком его никто не обзывал: просто Тарзан — сын всего села.

В нижнем ящике моего письменного стола все еще лежит тот фонарик. Тот, кто должен был получить его, так и не увидел своего заказа. Пока я ждал да собирался встретиться с ним, как только освобожусь от дел, и торжественно вручить ему подарок, он внезапно — как когда-то его сестренка, — тяжело заболел и почти сразу умер.

Приезжаю теперь в свое село, и не знаю отчего, но оно мне почему-то кажется пустынным. Гляжу на мальчишек, гоняющих футбол — и они как будто неловкими стали. Может, оттого, что, как ни стараюсь, не могу разглядеть среди них высокого сутуловатого человека?..

Тарзана хоронили всем селом. Его хоронили так, как самого почтенного человека. С ним, Тарзаном, ушло детство всего нашего села. Нет же здесь ни пятидесятилетнего мужчины, ни пятилетнего ребенка, который не играл бы с ним в мяч, не катался бы на коньках.

Друг моего детства Тарзан лет на двадцать старше меня. Но в моей памяти он навсегда остается десятилетним мальчуганом.

Я выполнил твой заказ, Тарзан! Отнесу я фонарик к твоему последнему пристанищу, положу на могилу — пусть горит, пока не погаснет сам. Только ты прости меня. Слишком уж я опоздал...

ПОТЕРЯЛСЯ ЯГНЕНОК

— Попей, сынок, чайку да пригони отару. Вечерет. Солнце уже на закате, поторопись,— просила мама, думая, что я откажусь.

Какая же это вкуснятина — жареное просо с молоком! Я без стеснения — на работу же тороплюсь!— вдоволь наелся и побесжал за отарой.

Лучи вечернего солнца, падая на красные скалы Сын-Чайбаса, зажигали их огнем. Отара паслась на пригорке, среди молодой хвойной поросли. Вокруг, точно угасающие угли в костре, горели желтые и красные цветы.

Подростком я, бывало, не расставался с книгой. Зачитавшись «Тарасом Бульбой» Гоголя, лишь изредка поднимал голову и смотрел в сторону Манчурека, где паслись наши овцы. Постепенно тени острых гор, похожих на караван верблюдов, словно удалялись от меня. А сами горы были уже укутаны золотисто-радужным шарфом вечерней росы — как будто принарядились, готовясь к свиданию со звездами.

Пока я, сдерживая криком отару, спускался со склона, наступили сумерки, из дальнего леса послышались пересвисты иволги. Как хорош таежный вечер!

Едва я вошел в юрту, мама заметила:

— Оказывается, мы не доглядели за ягненком Каас-Хой. Он тоже уходил с отарой и не вернулся. Может, заснул где?— предположила она.

Отставив пиалу с чаем, я выбежал из юрты и увидел: мечется в поисках своего ягненка овца по кличке Каас-Хой.

Мы с сестрой обошли все вечернее пастбище, но никого не нашли. Наступала ночь. Тревожно вскрикнула косуля. «А вдруг моего ягненка съест сова?»— подумал я.

Над вершинами гор замигали огоньки звезд — похоже, как будто на горячую печь рассыпали серу. Мне показалось, что самая темень прошла — стало светлее. Но ягненка, если он и вправду уснул в высокой траве, где же теперь найдешь?.. И мы вернулись домой.

В ту ночь я толком так и не смог уснуть. Овечка все кричала, словно спрашивала: «Где мое дите, где мое дите?..»

Когда я проснулся, услышал голоса сестер:

— Все заячьи лежки мы обошли — нигде его нет. Отара

из нижнего аала сегодня там паслась, пойди, посмотри, может, к ним прибился,— стали они посылать меня.

Пришел я в тот аал. Овцы, полакомившись прохладной от утренней росы травой, лежали спокойно. Возле кошары две девочки заставляли рыжую овцу кормить молоком ягненка, совсем на нее не похожего: белого и с черной головой.

— Где паслась ваша отара сегодня утром?— спросил я.

— Не знаю, где-то в предгорье,— неохотно ответила строгая девчонка.

— Где это —«в предгорье»? У Сыын-Чайбаса паслись?

— Кто их знает, где Сыын-Чайбас, а где Элик-Чайбас, Маралье да Косулье, что за странности такие, и чего ты бормочешь?— усмехнулась она.

— Вчера там, на вечерней пастьбе, мой ягненок потерялся, уснул, должно быть. Да вот он, сам белый, головка черная. А ну, отдайте!— не отставал я.

— Да ты сам, наверное, уснул. Проспал, лиса и съела твоего ягненка. Или ты все еще спишь да бредишь во сне? Проснись, братишка!— насмехались в ответ девчонки.— Думаешь, у тебя одного есть белый черноголовый ягненок? Наш это, из близнецов, вот и приушаем к нему эту овцу.

— Вы что, моего ягненка обманом взять хотите? Ишь вы какие! Вот я пойду, маме расскажу. Приведут нашу овечку Каас-Хой, она своего узнает, вот увидите!— пригрозив им так, убежал.

— Там наш ягненок! Мне не отдают, к чужой, рыжей овце приучают!— сказал. И мама потащила овцу на поводу в тот аал.

Где же видано, чтобы мать, будь она овца или корова, или какое другое животное, не узнала своего детеныша! Жалобным и в то же время радостным блеяньем позвала ягненка наша Каас-Хой, и черноголовый подбежал к ней, уткнулся в ее сосцы. Девчонки приумолкли, не зная, что и делать.

Хозяйка того аала сказала:

— Не обижайтесь, на них, соседка. Они сюда на каникулы приехали, не знают толком своего скота.

— Да ты, наверное, играл с девчонками из других аалов, вот и потерял своего ягненка, а теперь людей заставляешь хлопотать, эх, ты!..— расхрабрились обе, опять давай меня поддразнивать.

...Много лет прошло с тех пор. Погодите: посчитаю. Десятый класс окончил четыре года назад, в армии служил два года — еще два остается. Вернулся из армии, стал шоферить. На СИЛе, как и до призыва.

Однажды поздно вечером возвращался домой с Чодуралыг-Сайыра, возил туда каменную соль чабанам. Поднялась метель, да такая, что фары снегом забивало. Еду по хребтам Сайыра. Вдруг вижу, у дороги что-то в метели колышется. Остановился. — Беда, друг. Вся отара погибнет. Помогите! — Парень в овчинной шубе, плотный такой, крепкий, сел в кабину рядом со мной.

— Ну, показывай, где?

— Сворачивай влево, чуть выше надо будет подняться. Да смотри, здесь круто...

Прибыли на место. В дугообразном изгибе горы, ох, и овец набилось!.. Даже испугаться у них не было сил. От света фар не то, чтобы шархануться — не шелохнулись. А ветер хлестал подобно камнепаду.

— Вначале остриженных в аал отвезем, — распорядился парень и стал грузить в кузов самых беспомощных, не защищенных от снега длинной шерстью. Одни вопили, тряслись, давились мокрым снегом. Другие были неподвижны, как набрякшие бревна. Заполнили мы кузов, поехали. Тут-то я разглядел как следует нового знакомого, вспомнил, где видал его раньше. На борьбе хуреш, где же еще! Знаменитый в наших местах борец Тоюн-оол сидел со мной рядом.

Приехали к ним в аал, а там — гостья, да еще кто — моя сестра Барынмаа! Она свой скот всегда на зиму у кого-нибудь из соседей оставляла. Вот и приехала просить Тоюн-оолов принять ее отару на зимовку.

Стали мы сгружать овец с машины. Считаю, половина — чуть живы. Взял Тоюн-оол водку, привезенную гостьей, стал оттирать замерзших животных. Некоторым даже в рот вливал ложкой. Из тех тридцати, которые встать не могли, почти всех поднял. Только две погибли. Всю ночь он не спал, а как только ветер утих, побежал и пригнал всю отару.

Наутро приехал водовоз, рассказал: в соседнем аале много погибло овец.

— Лежат, а ягнята бегают вокруг мертвых маток и так кричат — душа переворачивается...

— Слава богу, у нас все обошлось, — проговорила хозяйка юрты Бевеймаа. — Вот только три маленьких ягненка застыли, дочка сильно убивается.

— Не плачь, маленькая, я тебе своих ягнят отдам, — уговаривала девочку Барынмаа.

— И правда, сестра, надо обязательно помочь тем, кто скота лишился, совхозную отару не еберег, — поддержал я.

— Как же так, всего несколько овец нам оставляете, а мы уже стали их присваивать,— застеснялись чабаны.

— Ничего, скот есть скот, вырастет.

— Ну, ладно, мы вам после вернем,— вмешался Тоюн-оол.— ЗИЛ теперь в Кызыл пойдет, ты бы съездила, Бевей, у тебя же там дела.

— Ой, Алеша, если так, правда, возьми меня с собой,— обрадовалась хозяйка.

— Ну, ладно, чтобы только не говорили: «однокласснице не помог», придется взять,— с напускной важностью согласился я.— Тогда торопитесь, сейчас и еду.

Буран прошел. Стоянка была засыпана галькой, смешавшейся с мерзлым навозом. Посмотришь, и представляется: из-под ледяного этого покрова страшные сказочные чудовища клыкастые пасти высунули — острия скал так торчат.

Я выехал из аала. В кабине со мной сидели теперь сестра с Бевеймой. Обе руки у меня совсем занемели. Однако на душе было светло от мысли, что помог чабанам. Тоюн распахнул дверь сараюшки, оттуда повалили белые, словно сушеный творог, ягнята. Он, улыбаясь, махал нам рукой. Еще теплее стало у меня на душе. Бевеймаа с моей сестрой болтали, громко смеясь.

История с заснувшим ягненком вспомнилась мне.

В старших классах мы, ребята из разных сумонных школ, учились вместе в райцентре. Вот и оказалась со мной за партой та девчонка из соседнего аала, которая когда-то не хотела отдать черноголового. Кто бы мог подумать, что всего за три года девчонки могут так вырасти и измениться! Стройная да красивая — ну, совсем дангына, царица из сказки! Глянет на тебя, засмеется — ямочки на щеках такие забавные, потешно даже... При виде этой девчонки у меня сердце стало замирать. Вон она какая: точь в точь рыбка в серебряных волнах родного Алаша.

Когда-то я был любознательным мальчишкой: под корни деревьев заглядывал, рыбу ловил, любовался пестрыми камушками на дне речном... Что теперь со мной случилось? Неужели все прекрасное, что я видел на свете, затмила эта девчонка?..

Мысли о Бевейме не покидали меня в то время. А она? Как она ко мне относится? Иначе, чем перепиской, и не выяснить. Робок был я, но взял в помощники одного из своих друзей, самого красноречивого, и вдвоем мы написали огненные строки любви:

«В сердце моем — буря огня.
Что же ты — не видишь меня?
Взор твой меня сводит с ума.
Видишь, я грущу, Бевеймаа...»—

ах ты, ну вот незадача, оказывается, это из песни «Сулико». Я же не списывал... А Бевеймаа мне как-то раз и говорит:

— В детстве я очень огня боялась. Оттого и назвали меня так...

Никакого ответа она мне на то письмо не дала. Словно испугалась огня моего сердца. Окончила школу и уехала.

Что это было у меня? Любовь или просто увлечение? Разлуку не очень переживал...

При виде домов и людей воспоминания исчезли, как утренняя роса. Высадив в нашем селе сестру, мы с Бевеймой вдвоем отправились дальше.

— Значит, не зря ты в детстве отбирала моего ягненка? Видишь, хорошим чабаном стала,— пытался я развлечь пассажирку.

— Да, и муж у меня хороший. Неплохо работаем. А ты как думаешь?

— Да что же еще думать, где еще найдешь человека лучше, чем борец Тоюн!— искренне ответил я.

— Слишком-то не расхваливай, не то зазнаюсь...

— Да я же видел, какой он мастер — с овцами! Прирожденный чабан!— продолжал я.

— Спасибо на добром слове, Алеша. А познакомился бы ты с моей младшей сестренкой, Бовеймой... И с Тоюном будете большими друзьями.

— А что же... Где она теперь? Я слышал, все учится?

— Институт в этом году закончит. В детском доме сейчас практику проходит. Заедем к ней туда, а?

— Удобно ли? У нее, должно быть, есть друг...

— Не слыхала. Никого не было. Легко ли встретить человека, чтобы сразу пришелся по душе... Всяких-то много...

— А если есть друг? Знаешь что: скажет, что есть, давай сразу спросим, не выпивает ли он. Если только скажет, что пьющий — заберу ее и увезу!— расхрабрился я.

Бевеймаа так расохоталась — еле выговорила:

— Всяко бывает, может и за неделю решиться судьба...

В Кызыле мы и вправду заехали в детдом. Был тихий час, ребяташки спали. Девушка с длинными косами сидела в одной из спален с книгой в руках, да так увлеклась чтением, что и головы не поднимала.

— Эй, Бовеймаа!— тихо позвала Бевеймаа.

Девушка обернулась, поднялась... Чтобы сестры наговорились, я отошел в сторону.

Стою в конце коридора, жду. Они там смеются... Не обращал ведь я раньше внимания на эту, младшую. А теперь вижу: хороша!

Вот и они подошли.

— Стесняется наш педагог, Алеша, насилу привела,— сказала старшая. От такой ее шутки посветлело на душе.

— Здравствуйте,— сказал я. Она протянула мне руку. Улыбнулась, и на щеках те же ямочки заиграли...

— Так домой хочется!— блеснула она белоснежными зубами.— На воскресенье съездить бы...

— Да уж попроси,— подсказала младшей старшая сестра.

— Как бы хорошо — без пересадок! А то на автобусе сперва до Чадана, потом до Сут-Холя — мученье, да и только...

— Что ж, я готов. Как раз к воскресенью мне и обратно,— с радостью ответил я.

К тому времени, как закончилась моя командировка, Бевеймаа еще не исчерпала всех своих дел в городе. Так что мы с Бовеймой, несколько смущенные, уехали вдвоем.

И впрямь за одну неделю переплелись наши судьбы. Не проспал любовь, как того ягненка! И что значит — судьба: когда-то Бевеймаа, испугавшись огня моего сердца, убежала, а потом, когда я отслужил в Армии, окреп, стал настоящим мужчиной, мне встретилась ее сестренка Бовеймаа. Подругой на всю жизнь стала.

Теперь Бовей учителствует в моем родном селе. Сам все шоферу, свояк Тоюн так и чабанит. Отара, которую он тогда, в буран, спасал от гибели, разрослась несметно. Зажиточный хозяин, у него и совхозный скот цел, и своего много. Гостеприимный: кто бы ни заехал к нему на стоянку, не отпустит, свежей бараниной не накормив.

«Скот любит свою лежку, а свояк — свояка», — есть такая поговорка в народе. Я шофер, всегда помогаю Тоюну и Бевейме. Хорошо мы живем, одной трудовой связкой.

Красивое это зрелище, когда на синих скалах скачут ягнята! Только копытца стучат. А их голоса — да это же настоящая мелодия гор! Откуда бы всему этому взяться, если бы не труд человеческих рук...

Для меня что ягненок, что дитя человеческое, равны. Потешны на весенней стоянке, среди молодой травы, уснувшие ягнята. Ушки наострены, носик уткнулся в кончик хвоста... Спят себе посыпают... Вот что значит теплое материнское молоко.

Пусть же всегда кипит в каждой чаше белое молоко.

В ПОРУ ТАЙМЕНЬИХ ИГРИЦ

Поезд с ревом мчался сквозь тьму. «До Тувы еще так далеко...— думал Секпер.— На Хемчике сейчас самое хорошее время: вербы цветут, кукушки кукуют, лето наступает... И Лора ждет, любимая».

Взгляд Лоры, словно бездонная глубина вод, словно мерцающие звезды, звал, тревожил душу.

Он не останавливался ни в Кызыле, ни в Чадане. На попутных машинах добрался до родных мест.

Вот и Хемчик бежит, журча. Внизу, у воды, виднеется одинокий рыбак. Сбежав к нему, Секпер поздоровался.

— Как перебраться через это море, отец?

— Море, говоришь... Еще несколько ясных лет — и высохнет это русло. А ты, парень, наверное, настоящее море видел? Где служил?

— Возле Хабаровска. И по морю ходил. Тревожно во время шторма, что и говорить...

— Чего только ты, наверное, не видел. А с Хемчиком что... Перебresti можно. Вода, правда, холодная, до костей пробирает. Возьми в нижнем аале лошадь, вот и переберешься, сынок. Вчера должны были лодку притащить, да я не знаю, где она будет.

— Фу, жарко! Искупаюсь. Хоть пыль с себя смою.

— Дело говоришь. Грязный. Даже коршун испугался тебя, улетел. А то ведь с утра здесь кружил, хотел моего тайменя попробовать.

— Так вы уже одолели одного?

— Небольшого. Плескался на быстрине, я его с двух шагов достал.

— Чем — вилами? Вот этими — вместо гарпуна? Вот это да!..

— Не могу усидеть дома, когда иволга поет.

— Так иволги уже запели?

— С неделю уже. Смотри, вон таймени выются!словно черные птицы играют. Красиво, правда?

— Не вижу, где?

— Поднимись на камень. Видишь затор, где вода переливается?

— Да.

— Теперь гляди поверх трех желтых камней.

— Ох, какой же большой! Только где его голова?

— Это самец. Роет нору для икры. У него голова большая,

грудь широкая, его и называют таймень-бык. А тонкий и длинный — это самка.

— Головастый уплыл, а его подруга осталась...

— Говорят, икринок бывает... ну, миллионы. Но малявками становятся процентов семь-восемь. Остальные не выживают.

— Как интересно! Я ничего этого не знал.

— Ну, я про тайменей много знаю. Не зря же меня зовут Белдер-Ашак — охотник на тайменя. Во время нереста, сынок, рыбак не должен поднимать вилы на самку. Охотиться нужно за самцами, когда они ссорятся, не могут поделить подруг. Во всем есть смысл, сынок. Раньше тайменя на овец, баранов меляли. Почетная пища — его мясо. В аалах по Хемчику часто можно увидеть тайменьи позвонки: белые, как бусы, на бечевку нанизаны. Очень красиво.

— Интересно. Вы курите?

— Спасибо, сынок. Вон, под деревом, возле корня, серый мешок лежит. Тащи его сюда. Там жареная рыба, угощайся. Да, сынок, интересно, что на свете есть такое...

— Вкусно-то как! Знаете, словно во сне: только подошел к Хемчику, а уже рыбу ем! — Секпер улыбнулся и развел руками.

Звонкий смех девушек прервал их разговор.

— А мы-то пели: «В армию ушел, ни тебе, ни мне, вот и хорошо!» А ты здесь к старикам приткнулся, от нас скрываешься.

Старик, поняв, в чем дело, перекинул вилы через плечо и медленно пошел вверх по реке. Девушки, одна светловолосая, с тихим голосом, другая побойчее, с черными длинными косами, смеялись, поглядывая на Секпера.

«Пусть вороненок сдохнет, если попадусь на их удочку», — пообещал себе Секпер.

— Когда приехали? Только что? Наверное, проголодались в дороге? У нас большой праздник, Терезе девятнадцать исполняется. Не побрезгуйте, просим вас на чашку чаю.

— Спасибо. Я и правда проголодался. А лошадь потом мне дадите? На тот берег мне нужно.

— Конечно, дадим! Все, что пожелает наш гость!

Секпер вошел в юрту. Чисто и красиво было в ней. На полу — белые войлочные ковры, по краям — цветы, в глубине юрты — низенький столик. И этот запах сочного, хорошо сваренного мяса... Давно не ел такого!

Секперу поднесли пиалу араки.

— Мясо хорошо после того, как выпьешь. За то, что ты вернулся домой, солдат!

Тосты потянулись один за другим, пища так и таяла во рту. Девушки вдруг стали ослепительно красивыми, цветы в букетах заколыхались, словно на поляне...

Он уже никуда не спешил. Когда приехала машина с друзьями Терезы, шепнул чернокозой:

— Пойдем, посмотрим на быстрину. Знаешь, как там играют таймени!

— Идем,— улыбнулась она.

В тальниковую рощу, все дальше и дальше в сумерки, уходили двое. От горячих поцелуев забылись все обещания...

Сырость высыхает, опьянение проходит. Секпер проснулся и увидел, что рассвет просачивается через дымоход юрты. Неряшливо растрепанная коса лежала на его груди. Девушка спала рядом. Секпер вспомнил, как вчера блестяли на солнце эти волосы, сейчас такие неприглядные... И тут же услышал голосок перепелки, казалось, с насмешкой выговаривавший: «Так и надо, так и надо дураку!..»

«Как болит голова!.. Дурень, сколько проехал, а Хемчик перебрести не смог!..» Секпер ударил себя ладонью по лбу и выбежал из юрты.

У берега была привязана лодка. Волны цокали — послышалось, что с сожалением. Несколько взмахов веслом — и Хемчик выплеснул солдата на берег. Привязав лодку и схватив в руку сапоги, он побежал к дому Лоры.

Жена доила корову. Она не заметила его, и он некоторое время смотрел на худенькую спину и склоненную голову своей Саглай,— таково было ее настоящее имя, а Лорой, на русский лад, прозвали ее в школе. Потом она оглянулась:

— Секпер!

Он схватил ее в объятья и закружил вокруг себя.

— Ты же вчера должен был приехать?

— Река помешала...

— Вот глупый! Крикнул бы — я сама перевезла бы тебя.

Погоны вон все землей испачканы, дай, я почищу...

— Не надо, я сам...

— Ну, входи в дом.

Тесть не стал собирать народ и устраивать шумную попойку. Закололи барана, посидели своей семьей, наговорились вдосталь. Секпер с женой сходили в кино, потом гуляли вдоль Хемчика. Шумных водопадов и перекатов на воде не было заметно. Глубокая медленная река текла, чуть журча. На плечи Саглай, чтобы не простудилась она в тонком платье, он накинул китель. Долго сидели вдвоем, слушая шум родного Хемчика.

А уже на следующий день Секпер окунулся в трудовую жизнь колхоза. Дали ему новый трактор, и на вспашке он занял первое место.

Хорошо жилось Секперу. Но вдруг — друзья-механизаторы это заметили — как-то сразу он изменился, стал невнимательным и вспыльчивым.

Во время сева, заглянув в хмурое лицо друга, Чоодар спросил его:

— Что случилось, Секпер? Станный ты стал, грустишь. Неприятности?

— Да. Хотел с тобой посоветоваться. Останови трактор,— и, наклонившись к другу, прошептал ему что-то на ухо.— Ошибка одной ночи напомнила о себе,— закончил громче.

Чоодар вздохнул.

— Да, дело непростое. Что-ж, теперь нужно все рассказать жене. А ей это... Болезнь болезнь и есть, вылечат. А вот что на душе останется... Эх, как же это ты!..

— Сам виноват. Писала же она мне: не заплутайся в дороге...

— Ты вот что. Расскажи Саглай — и скорее к врачу. Родственникам скажи, на учебу едешь.

Наутро к Чоодару кто-то постучался. Он открыл дверь и увидел Секпера, бледного и угрюмого, с подозрительно красной щекой. «Видно, Лора пощечиной наградила»,— подумал Чоодар.

— Заведи мотор, отвези меня в райцентр, друг.

— Дай оденусь. Налей пока бензину.

Через несколько дней Чоодар услышал, что его друг уехал на курсы, учиться. «Ничего, это — хорошие слухи»,— подумал.

Однажды, проходя мимо дома друга, Чоодар увидел двухлетнего сынишку Секпера. Тот расхаживал по двору, навесив на грудь все военные значки отца.

«Ох, в этой жизни все было бы хорошо, если бы не мы сами...— подумалось Чоодару.

Когда иволга поет и муравей летает, начинается время тайных игр. Даже у неразумных существ красива пора зарождения новых жизней. А что делаем мы, разумные люди...

Если берег не обвалится, можно направлять течение реки; если мужчина не ошибется, может стать властелином своей судьбы,— так говорит старый Белдер-Ашак. А теперь все зависит от женщины, от того, какая у Лоры душа. Здорово замарался ты, дружок мой Секпер, а как ждала тебя твоя тихая подруга Лора!

А-а, что говорить... Простит она или нет — это уж теперь ее дело.

КРАСНАЯ СОЛЬ

Когда пригревает весеннее солнце, ягнята начинают грызть друг на друге шерсть; это значит, прорезались у них зубы, они хотят есть сено, лизать соль. В такую пору дед и сказал нам:

— Без соли еда не вкусна, без желания сил нету. Я поеду за солью, а вы пасите ягнят, пусть они на воле щиплют травку.

Навьючив волов, он отправился к Соляной горе, Дус-Дагу. Далеко, на Овюрской стороне, эта гора — так слышали мы.

Нелегкое дело пасти ягнят. С младшим братом Эрес-оолом мы отгоняем их на солнечную сторону Красных гор. Там уже кое-где сошел снег, от теплых лучей парит земля, хорошо ягням щипать чуть влажную траву. Полакомившись всласть вкусной весенней зеленью, они начинают резвиться. Так хочется им бодаться друг с другом! От роду им всего-то месяц, но кажутся большими баранами — такие резвые, шерстистые. Над ушами у них уже торчат рожки с мизинец. Может, оттого, что рожки чешутся, так охота им бодаться? Весна радует и барашков, и нас, маленьких пастухов.

Вдруг мелькнула черная тень на белом снегу — это горный орел кружится над ягнятами. Они насторожились, подняли торчком уши, копытцами бьют землю. Орел пулей кидается на крайнего ягненка, раздался крик... Жутко нам: на белом снегу будто змея заиграла — брызнула лентой алая кровь. Орел, легко, словно белую шапку, подняв ягненка, улетел за горы. Схватил я камень, и, плача от обиды, взбежал на горку. «Эх, было бы у меня ружье!» — думал, а злость так и кипела. Но нельзя стрелять в орла, таков наш обычай: он считается другом мужчины. Ничего себе друг, вон какое горе он мне причинил!.. Так вот думал я, гоняясь за отбившимися от отары ягнятами, — они, бедные, не меньше моего испугались крылатого хищника.

Вечером долго кричала, будто плакала, овца, мать того ягненка, какого утащил орел. «Где мой ягненок-белохвостик, дайте мне его, хочу его кормить», — блеяла, как слова выговаривала. Посыпалась тут на меня брань старших сестер и матери. Я молча слушал и терпел, а как же иначе, я же виноват... Хорошо, что в тот вечер не было дома отца, а то бы он плетью-камчой хлестнул. Позор это чабану, сказал бы, а еще, — только попробуй хныкать, проглядел орла, значит, ты плохой мужчина...

На другой день я помогал матери приучать ту овцу к чужому ягненку. Я держал в руке пиалу соленого чаю. Мама, намочив там хвостик чужого ягненка, подносила его к вымени овцы, затем запела протяжную зазывную мелодию.

Овца, которая только что брыкалась, зубами отбрасывала от себя чужого ягненка, теперь, слушая песню матери, успокоилась и, понюхав вертящийся хвостик, начала лизать его. Ягненок еще быстрее забавлялся хвостиком и принялся ее сосать. Это еще сильнее забавляло овцу, и вот она вообще успокоилась.

— Займись теперь ты, приучай их друг к другу, — велела мать.

Я сел позади овцы и начал петь мамину зазывную песню. Старался хоть чем-то искупить свою вину перед дедушкой. Он-то привезет соль ягням, а их и не досчитается... Сильно я переживал из-за этого.

Почему дедушка так долго не возвращается домой? Встревожились люди в аале. За ним поехал наш отец. Через двое суток он вернулся с поникшей головой. Сойдя с коня, снял шапку, зашел в юрту и молча начал разбирать дедушкину постель. А это знак: он показывает, что умер человек. Мужчины молча сняли шапки, закурили и кто-то из них вежливо подал трубку бабушке.

Я спросил отца:

— Где дедушка? Почему его так долго нет?

— Он уехал за красной солью. Тебе велел хорошо пасти ягнят и еще наказал беречь соль.

Около кошары лежали усталые волы. Их спины были стертые тяжелым грузом. Огромные плитки каменной соли привезли на них. До сих пор перед моими глазами блестит на солнце розовато-белая каменная соль, добытая жизнью дедушки. «Эта соль, вроде, красная, за какой еще красной солью уехал мой дедушка?» — думал я каждый раз, как приходилось поднимать на лошадь его тяжелое седло.

Однажды, проснувшись ночью, я услышал разговор взрослых.

— Зря вы старика в такую даль отправили...

— Сам настаивал, мол, не первый раз ездил уже и людей знает, они помогут...

— Он залез в карьер, топором начал стучать по стене пещеры, тут и обрушилась на него гряда соляных камней. Только на другой день приехали люди, увидели на привязи голодных волов и догадались, что случилась беда. Да уже поздно было, даже вытащить его тело не смогли. Теперь нужно проводить его дух в небеса.

«Вот что значит — «уехал за красной солью», — догадавшись, я плакал в постели. По наивности я винил себя: проглядел же того ягненка, а может, в нем жил дух дедушки?..»

...Став взрослым, я приехал на Дус-Даг. Среди зеленых хвойных деревьев возвышаются бело-розовые скалы. Это тувинская каменная соль. Целые горы соли! Здесь строится комбинат, оснащенный бурильными машинами и экскаваторами. Топором уже давно не отбивают плитки соли, и на волах, конечно, не возят. Сотнями тонн теперь возят соль могучие «КамАЗы».

Один из бурильщиков, по имени Арган-оол Тумат, поведал мне легенду-быль.

Видите, вон там синее, как море, озеро Убса-Нур? За Ир-битеем начинается бескрайняя степь. Там раньше тучами ходили дзерены. Когда они шли на водопой, запросто можно было спутать их с отарами домашних коз.

Кто-то из рода Тюлюшей заметил, что животные не просто стекаются сюда, они лижут белые камни. Один из того рода, Тюлюш, первым попробовал языком этот камень и воскликнул: «Дус!»—«Соль!»

Соль! Это слово эхом пронеслось по всей Туве. Не надо больше гонять караваны в Пекин. Первым из тувинцев человек из рода Тюлюш продырявил скалу, первым его топор расколол каменный пласт. Не значит ли это, что он — первый горняк Тувы? У входа в пещеры Дус-Дага издревле висел топор Тюлюша.

Помню сверкающие на солнце дус-караа, глаза соли — кристалльные минералы. Бабушка, особо почитая их, прятала в своей подушке. Соскребет, бывало, с них белый порошок и лечит им людям больные глаза...

Родится ребенок — тувинцы исстари сразу купали его в соленой воде: наверное, закаливали тело младенца, чтобы оно было стойким против всякой хвори.

Арган-оол показал мне белые бугорки на холме, сросшиеся с землей, и сказал:

— Это древние могильники: там покоится прах людей, приехавших сюда за солью. Среди них, может быть, и твой дед.

Как мудро сказал в древности неведомый нам человек: «Уехал за красной солью»,— значит, умер, больше ему не возвратиться домой; значит, нужно молча почитать память погибшего...

Мы с Арган-оолом помолчали, сидя на холме. Потом он дал мне кристаллы Соляных гор. Я молча их принял и подумал: «Почему так горька соль? Может, от предсмертных слез деда? Или — от наших, по нем пролитых?..»

Где бы я ни был, всюду буду носить с собой эти кристаллы — «глаза соли»...

Григорий КРАВЧЕНКО

НОЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(Воспоминания бывшего партизана армии Кравченко и Щетинкина)

Подавление Перовского восстания сибирских крестьян колчаковский генерал Афанасьев возложил на ротмистра Плюцинского. Тот был польщен назначением и прилагал все усилия, чтобы оправдать доверие его превосходительства. Из девятого Нижнеудинского полка он сформировал особый ударный отряд и направил его под командой штаб-капитана Ошуркова в село Вершино-Рыбное. Отряд двигался по маршруту Клюквенная — Ной — Корымово — Астафьевка — Салонечно-Талое — Вершино-Рыбное.

12 января 1919 года в два часа дня отряд Ошуркова прибыл в Салонечно-Талое. Решено было наступать на Вершино-Рыбное перед рассветом. Стояли пятидесятиградусные морозы.

В три часа ночи, когда всех объял сон, без единого выстрела были сняты часовые белых, и партизаны-конники на всем скаку влетели в село. Поравнявшись с помещением штаба, командир отряда Александров бросил гранату. Поднялась паника, солдаты никого не слушали. Белогвардейцы в замешательстве покинули село. Партизаны беглецов не преследовали и остались до утра в Салонечно-Талом. Утром собрали трофеи — 40 винтовок и около двух тысяч патронов. В плен было взято 36 солдат. У белых убитыми были прапорщик Зинин и два пулеметчика. Партизаны жертв не имели.

После бегства из Талого, часам к одиннадцати дня, белогвардейский отряд подъезжал к деревне Астафьевке. Ошурков был раздосадован конфузным началом операции. По лицу его бродила мрачная ухмылка. В голове зрел жестокий план расправы с астафьевцами.

Ошурков подозвал к себе одного из поручиков и долго ехал бок о бок с ним, о чем-то беседуя. Затем поручик стал отставать и скоро оказался у последней подводой, везущей труп прапорщика Зинина. Он остановил подводку, спрыгнул с седла, повернул удобнее труп и несколькими ударами клинка отрубил ему нос и уши и рассек рот. Солдат-подводчик остолбенел — так и стоял навтыжку, держа руку под козырек.

— Погоняй, ворона! — крикнул поручик солдату и, вскочив на коня, во весь опор помчался вперед. Скоро он скрылся за лесом, а солдат все еще стоял у саней, бессмысленно вращая бел-

ками глаз. Наконец он, вскочив в сани, дико вскрикнул и погнался за офицером.

На площади у сборни полукругом стоял народ. Посреди площади поставили стол, и на том столе лежал обезображенный труп прапорщика Зинина.

— Смотрите и любуйтесь!— истерически кричал Ошурков.— Вот работа ваших большевиков. Доблестный офицер стал жертвой расправы кучки бандитов. За офицера Зинина они заплатят нам очень дорого! Староста, подать мне список, у кого родственники в партизанах. И всех сочувствующих большевикам.

Стояла гробовая тишина. Напряжение возрастало.

— Ну, скоро ты там?— закричал Ошурков.

Расталкивая круг, к офицеру важно шел местный торговец, недавно назначенный старостой колчаковскими властями. Он низко поклонился и подал небольшой лист бумаги. В это время в середину круга поспешно вышел рослый крестьянин в полушубке. Бросив о землю шапку, он с силой разорвал на себе ворот рубахи.

— Натё, сволочи, убивайте!— задыхаясь, кричал крестьянин.— Нас много, всех не перебьете!

Ошурков попятился назад, дрожащей рукой расстегивая кобуру. И когда рука захватила рукоять нагана, воздух прорезал высокий надрывный фальцет:

— Красные идут!..

Рука штабс-капитана застыла на кобуре. Он растерялся. Крики солдат и рапорт подскочившего офицера вывели его из оцепенения. Ошурков круто повернулся, с силой ударил крестьянина нагайкой, выругался и помчался вслед за отрядом.

Из-за леса показался большой медный диск луны. Прошел час, второй, третий. Партизаны не появлялись. Отряд Ошуркова на ходу приводил в порядок расстроившиеся части. В заднем ряду молодой солдат не выдержал:

— Мажем лыжи, что наскипидаренные...

— Тише, дура, к стенке захотел, что ли?— оборвал его пожилой.

Не останавливаясь в деревне Карымовке, отряд к утру прибыл в большое село Ной. Через час к Ошуркову явилась делегация местных кулаков. Они торжественно передали хлеб-соль и большой лист бумаги — список партизан и других сельских «смутьянов». Против каждой фамилии краткая характеристика, а против четверых поставлены крестики.

К полудню эти четверо со связанными руками уже стояли посреди сборни. За столом, развалившись, сидел Ошурков. Ря-

дом с ним несколько офицеров и местные кулаки. Штабс-капитан начал допрос:

— Фамилия, идиот!

— Сапов Демьян Яковлевич,— еле слышно прошептал старик.

— Так вот, уважаемый Демьян Яковлевич.— Ошурков при слове «уважаемый» подмигнул соседу:— Я думаю, для тебя, старого хрена, полсотни хватит? Ложись-ка, дружище, на лавку, а вы, хлопцы, всыпьте ему горячих.

— Выдержит ли?— засомневался кто-то из офицеров.

— Он? Да что вы, батенька мой! Он еще ни одну невесту не пропустит. Начали! Я сам буду считать удары.

Два дюжих казака схватили Сапова, быстро сорвали с него холщовые штаны и повалили на лавку. Рослый детина уселся на ноги старика, второй держал его за голову. По бокам стояли двое с плетьюми. Толстые ременные нагайки оканчивались подушками с зашитым в середине свинцом. У казаков свой прием порки: ударить и потянуть на себя.

— Раз!

— Ой-е-е-о!...— диким голосом взвыл старик.

— Два, три, четыре...

Чаще засвистели удары. Старик сначала кричал, затем слышался лишь тяжелый стон и к двадцатому удару он затих совершенно. Рубаха его пропиталась кровью.

— Довольно! Давайте вот этого, что смотрит зверем.

Казаки столкнули старика со скамейки. Он свалился безжизненным телом. На лавку положили широкоплечего коренастого мужчину — Михаила Лисенко.

— Фамилия?— процедил сквозь зубы Ошурков.

Лисенко не ответил.

— Тебе, что же, Советов захотелось?— издевался штабс-капитан.

И снова промолчал Лисенко. Ошурков побагровел, глаза его налились кровью:— Разговаривать не хочешь?! Лупите его!

Началась порка. Стиснув зубы и схватив руками ножки лавки, Лисенко не вскрикнул при первом ударе и дальше не произнес ни одного слова. Взбешенный упорством крестьянина, Ошурков бегал вокруг лавки, кричал на казаков, грозил положить их самих на лавку и выпороть. Наконец вырвал у одного плеть и начал бить сам. И как ни издевался Ошурков, ничего не добился от Лисенко. Разъяренный, обессиленный, опустился белогвардеец на стул. Двух остальных крестьян секли быстро, с какой-то особой поспешностью. Порка не достигла цели.

Штабс-капитан неистовствовал. Он подбежал к своим жертвам, лежавшим на полу, прохрипел:

— Признаете себя виновными, чертово племя?

Никто не ответил ему. Багровый и задыхающийся от ярости, он выхватил из ножен клинок и ударил Михаила Лисенко по лицу. Алым фонтаном брызнула кровь, что-то похожее на глухой стон вырвалось из груди крестьянина. Он медленно повернул набок голову, закрыл глаза. Такая выходка Ошуркова одурманила остальных офицеров и они, как стая голодных шакалов, почуяв кровь, набросились на свои жертвы. Всем четверым отрезали уши, выкололи глаза.

Изуродованных крестьян вывели на улицу. Они еще могли кое-как двигаться и, взявшись за руки, шли, подталкиваемые казаками. Процессия живых трупов медленно двигалась по селу. Вот один из них повалился, и тогда Лисенко, собрав последние силы, высоким срывающимся голосом крикнул:

— Да здравствует Советская власть!

Рассвирепевшие истязатели накинулись на избитых снова: топтали их ногами, наступали коваными сапогами на лица, протыкали шашками... Наконец, крестьяне были повешены возле кузницы. Под страхом смерти было запрещено снимать их тела в течение суток.

Отряд Ошуркова, пополненный за это время учебной командой из Чернореченского полка, 17 января повел новое наступление на Салонечно-Талое. Чернореченская команда почти полностью состояла из молодых, только что произведенных унтер-офицеров. Они в боях дрались отчаянно. Кроме того, Ошуркову было придано одно легкое орудие из отряда Тюхменева.

Жгучая ненависть к палачам объединила теперь крестьян села Ной. Самым дорогим — именами замученных — клялись они не пощадить своих жизней в борьбе с врагом, отомстить проклятым убийцам.

Народ в Талой промысловый — охотники и рыболовы. Главное занятие — охота на пушного зверя. На медведя здесь ходят подростки. Ночная разведка обнаружила наступающего противника. Вырыв в сугробах окопы, партизанский отряд приготовился встретить врага. Наступление началось артиллерийским обстрелом. Второй снаряд упал в середине села. Завязалась перестрелка. Встречая редкий огонь партизан, противник ободрился и пошел в атаку. Хорошо было видно, как колчаковцы поднялись во весь рост и густой цепью бежали к партизанским окопам. Когда вражеская цепь приблизилась на 100—120 шагов, партизаны открыли из винтовок и пулеметов губительный огонь.

Колчаковцы этого не ожидали. Они растерялись и в панике бросились назад.

Потеряв большое количество солдат убитыми и ранеными, противник вынужден был отступить. Раздраженный вторым провалом наступления на Салонечно-Талос, Ошурков ворвался со своими отрядами в соседнюю деревню Астафьевку.

Дикий произвол колчаковцев обрушился теперь на астафьевцев. Шесть родственников партизан, раздетых, со скрученными руками, вывели на расстрел. Среди них был партизан Воронин. Жена Воронина упала на колени перед молодым поручиком, целовала его сапоги, умоляла пощадить мужа. С презрительной улыбкой белогвардеец обжег ее оскорбительной бранью и ударил сапогом в лицо.

— Не смей бить маму, дурак,— крикнул восьмилетний сынишка партизана.

— Ах ты, змееныш!— Последовала отборная брань. Сильным пинком ноги поручик отбросил мальчика в снег.

Опасаясь новых инцидентов, арестованных увели на площадь, выстроили в ряд. Молча они встретили глухой треск недружного залпа и упали один за другим...

Через несколько дней в Вершино-Рыбинской волости отряд Ошуркова был окружен. Партизаны в белых маскировочных халатах бесшумно сняли часовых. На всех дорогах были выставлены пулеметы. Деревушка оказалась в железном кольце. Партизаны выволакивали на мороз господ офицеров в нижнем белье, трясущихся от страха. Штаб Ошуркова помещался в кулацком доме. В первые минуты внезапного нападения партизан в окно штаба полетели гранаты.

— Это вам за Михаила Лисенко, это за старика Сапова, а это — за весь наш оскорбленный и поруганный народ!— гневно кричал командир Александров, бросая одну гранату за другой. Раздались оглушительные взрывы, густой дым окутал все здание. Выбегавшие из дома офицеры находили мгновенную смерть. К утру операция была закончена. Карательный белогвардейский отряд был полностью уничтожен.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

(Быль)

Смолоду, в начале тридцатых годов, ездил мой отец белковать в Северную тайгу — так называли тогда в наших местах часть Саянских хребтов по берегам Хан-Дээра. Там он и встретился впервые с простыми русскими людьми.

По Хан-Дээру шла шуга. Как же теперь достичь синих безмолвных хребтов по ту сторону реки, где должно быть много белки?.. И вот отец, связав из трех бревен маленький плотик и помолвившись бурхану, стал перебираться на тот берег.

Отец управлял плотиком при помощи только длинной жерди. Это было трудно. Внезапно плотик потерял управление и стремительно поплыл вниз по течению. Друзья отца испуганно следили за ним, с криками ужаса бежали берегом. Вот они заметили на той стороне низенькие избушки. Кто-то вышел оттуда, столкнул в воду лодку и поплыл навстречу плоту. Приблизившись к нему вплотную, человек перетащил мосго отца в лодку и вернулся к избушкам.

Друзья отца радовались, что он остался жив, и усердно благодарили бурхана за спасение охотника. Но и тревожились в душе: что за подозрительный человек с большой бородой? Что он будет делать с их товарищем? Время шло к вечеру, а отец мой не возвращался, и охотники стали волноваться. Надеялись только, что он вернется ночью.

Но отец и ночью не вернулся. Охотники потеряли последнюю надежду. И так заговорили:

— Кто из нас видел что доброе от русского человека? Помните, как свирепствовали в наших местах солааны — белыс солдаты со своими начальниками, у них еще на плечах золотые полоски. Ничем не брезговали, все забирали, а что не возьмут — сожгут... А этот...

Чего ради стремится к совсем ему незнакомому, чужому человеку? Кто знает, может быть, тоже ради добычи!?

И они решили, что завтра же переправятся на ту сторону и узнают, что случилось с их товарищем.

Все так волновались, что даже уснуть не смогли всю ночь. А утром появился мой отец. У него, оказывается, вчера вся одежда промокла, пока он пытался управлять своим маленьким плотиком. И тот высокий, сутуловатый, с длинной, по самую

грудь, бородой русский человек мало того что вытащил моего отца из лап неизбежной смерти, но и отогрел. Привел в свою избушку, уложил на кирпичную печь. Очень тепло было там. Женщина в белом платке, на вид моложе мужа, выстирала и высушила всю одежду охотника.

Хозяева избушки давали отцу желтый напиток, от которого у него закружилась голова, зарябило в глазах. А рано утром угостили еще и мягкой, желтой едой, в слоях которой было жирное мясо. Так рассказывал товарищам мой отец.

Этот русский человек жестами показал: нельзя, мол, переправляться через реку на таких маленьких плотниках.

Прошло несколько дней, и к костру тувинских охотников подошли шестеро очень усталых русских людей. На спинах — тяжелые ноши, на ногах — плоские широкие лыжи.

Зимняя ночь уже наступила, и они знаками попросили, чтобы тувинцы разрешили им переночевать у костра.

— Пожалуйста, пожалуйста! Ночуйте, отдыхайте! — также без слов ответили тувинские охотники.

И все стали угощать друг друга. Русские мужики насыпали в деревянные чашки тувинцев что-то желтое, очень твердое, хрустящее, когда жуешь, оно трескалось, будто гремел гром. А тувинцы в их ведроподобные чашки с ручками до краев всыпали жареное просо и сверху положили топленое масло.

Тувинцы очень скоро очистили свои чашки. Эти твердые мучные штуки, когда заливали горячим чаем, сразу мягчали и были очень вкусные. А русские охотники возились с просом долго. Когда они налили чай, то просо сразу распухло выше краев кружек. Как мужики ни старались есть просо, а оно все не уменьшалось, а наоборот, увеличивалось в размерах. Видимо, впервые они ели жареное просо, оно показалось им очень твердым. Русские охотники весь вечер жевали его.

Охотники разговаривали шепотом до глубокой ночи. Хотя они не знали языка друг друга, смеялись, шутили. Русские мужики поинтересовались именами тувинских охотников, а услышав имя моего отца, снова и снова уточняли и при этом добродушно смеялись. Они знаками дали понять, что тувинское имя Мандаа звучит на русском языке очень смешно и даже неприлично.

Пришла пора спать. Русские мужики глубоко воткнули в толстое бревно свои острые топоры и улеглись спать вповалку. Знаками они дали понять, что воткнуть топор в бревно — это, по русскому обычаю, означает ничего плохого не думать о товарищах-поночевщиках.

Тувинцы поступили так же, как и русские, но спали все же беспокойно, всю ночь толкали друг друга локтями.

На рассвете русские охотники встали, быстро позавтракали, собрались проворно и ушли. Тувинцы остались еще возле костра, заговорили о них:

— Так безмятежно спали, словно у себя дома! Вот что значит не думать плохого о товарищах. Нет, это другие русские люди, совсем не те жестокие белые солдаты... Наверное, это и есть красные? Вон он какой, оказывается, русский человек — дружелюбный и добродушный. Не поплыл бы в шугу тот бородач на лодке, потеряли бы мы своего товарища.

Монгуш КОЖЕЛДЕЙ

КРУТЫЕ ДОРОГИ

(Рассказ)

Стоял август. Я возвратился домой на каникулы после третьего курса юридического института. На первых порах предался безделью — купался, рыбачил с братишками, а вечерами ходил в клуб, в кино. Потом стало стыдно: «Как же так, сидеть на шее у матери на всем готовом и ничего не делать? Ведь здоровый, как бык! Надо работать!» Но мама никак не соглашалась, хотела, чтобы я еще отдохнул.

Тайком от нее сел на свой старенький велосипед и укатил на полевой стан тракторной бригады. До учебы я работал в этой бригаде. Сколько проехал на тракторе по этим черным и желтым полоскам, сколько бессонных ночей я тут провел!

Бригадир Анай-оол обрадовался моему приезду. Это был парень с приплюснутым носом, лысоватый, с модно подстриженными усами, слегка прихрамывающий; он редко показывался на селе, все торчал на стане.

— Хорошо, что приехал! У меня нет учетчика. Будешь замерять землю...

— Хотелось бы на тракторе...

Бригадир заартачился:

— Ездить на тракторе, конечно, хорошо! Но побудь учетчиком. Трактор никуда не денется, еще успеешь. Сейчас некому замерять поля. Ну, как?

Пришлось соглашаться, хотя мне было не очень это интересно. Вручили мне карту всех полей колхоза: действуй! После дождей наступили погожие дни, затрещали кузнечики на полях. В пору сильной жары замолкало тарыхтение тракторов, начинались разговоры, смех. Трактористы с трудом сдирали с ног сапожки от пота сапоги и ходили босиком по зеленому лугу, мылись в ручье, валялись на траве.

Обеденный перерыв. Повар Тас-Сарыг, худощавый мужичок с тонкой шеей и реденькой бородкой, суетливо предлагал свежие щи с капустой и картошкой. И парни, гремя ложками, приступили к еде, с шумом хлебали горячие щи.

Я тогда впервые увидел человека по имени Сапык. Это был тихий, спокойный человек лет сорока, худощавый, жилистый; на одной щеке краснел рубец, а глаза его постоянно печалились. Он вспахал больше всех. Подведя итоги, я сказал Сапыку:

— За эту десятидневку вы, акым, заняли первое место в социалистическом соревновании.

Сапык, поглядев на меня с некоторым сомнением, сказал:

— Странно. Мне казалось, что я мало сделал. Тогда в следующий раз я еще поднажму, дарга.

— Я же, акым, не дарга, а обыкновенный студент.

Вот так началось мое знакомство с Сапыком. А в последующие дни я часто садился на его «Беларусь», пахал землю. Это было для меня большим удовольствием. Объем своей работы я записал на имя Сапыка, но он стал возражать:

— Ты, дунмам, студент. Тебе не будут лишними деньги, эти гектары припиши к своей зарплате.

Я не соглашался с ним:

— Нет, нет, не говорите так. Я же езжу просто так, в свое удовольствие.

Сапык спросил:

— В каком городе, говоришь, учишься?

— В Свердловске, в юридическом институте.

Сапык внимательно посмотрел на меня:

— Говоришь, в юридическом?

— Да.

— А сколько уже окончил курсов?

— Три.

— Значит, скоро будешь самостоятельно работать?

— Через два года.

— Завидую. Я тоже хотел учиться, но жизнь распорядилась по-своему.

— Как так?

— Вместо того, чтобы стать юристом, я сам попал в руки правосудия. Дважды судим. Как-нибудь расскажу.

...Тракторист чистил и смазывал свой «Беларусь» недалеко от бригадного стана, на лужайке с родниковой водой. Я подошел, когда Сапык уже закончил работу. Он вытащил из кармана дешевую сигарету «Прима» и закурил. Речь у Сапыка негромкая, монотонная:

— Что мне скрывать, паренек? Я родом из этого села, как и ты. Мой отец тоже жил и работал здесь. Он начинал с тожзема. Ты, видимо, не знаешь об этом. А я знаю, потому что мне уже сорок лет, а тебе вполтину меньше. Ты мало повидал в жизни по сравнению со мной. А я лишь второй год живу на свободе. Ты не смущайся. Пора ошибок у меня прошла. Старой матери моей шестьдесят два года. А моей дочери... ей уже семнадцать. Она меня совсем не знает. Ее мать вышла за другого. Моя бывшая подруга скрывает имя отца от дочери. Честно говоря, мой позор скрывает.

Отец во времена ТНР активно боролся за новую жизнь. Он желал, чтобы все-все было народным. А на самом деле многое получалось не по его желанию. Ох, как он торопился! Мир же не переделаешь за один день. Первым председателем нашего сумона, который состоял из семнадцати арбанов, был мой отец. Если я расскажу народу сейчас, что выпало на его долю, то, наверное, люди будут смеяться надо мной. Потому что отец... умер он давным-давно...

Когда отец был председателем, началась война. В то время было не так, как сейчас, попроще было, возможно, были и ошибки в требованиях властей. Об этом я слышал от матери и других людей. Сам плохо помню, был совсем маленьким. Отцу поручили заготовку мяса и шерсти. Были, конечно, и другие даргалары. На собрании народ принял обязательство перевыполнить план. К осени оказалось, что выполнение плана продажи шерсти срывается. На собрании в хошунном центре нашему сумону досталось крепко. Отцу и другим поручили принять строгие меры и выполнить план. Даргалары в хошуне говорили, что в нашем сумоне некоторые араты имеют многочисленный скот, но недостаточно помогают фронту. Отец и его друзья день и ночь ездили по аалам — усиливали работу.

К осени все-таки перевыполнили план.

Однажды отца вызвали в исполком хошуна. Оттуда он при-

ехал невеселый. Не разговаривал ни с кем, не выходил из юрты. Отца обвинили в том, что он насильно, по-чиновничьи, заставлял аратов продавать шерсть. Его исключили из партии и сняли с работы в сумоне. Разговоры на этом не кончились. Некоторые люди, которые ненавидели отца, сочинили на него заявление, искажая факты и прибавляя всякие домыслы. Он был осужден. Я плохо помню, как он был осужден. Взяли отца зимой, а весной мы узнали, что он осужден. Отец так и не вернулся...

О том, что случилось тогда, я узнал, когда подрос. Говорили, что отец утонул на сплаве леса. А одним из самых «активных» людей, которые сочиняли донос на отца, был председатель сумона Самбу. Ты его должен помнить, он умер лишь в прошлом году.

В 1950 году, когда учился в четвертом классе, я чуть было не оставил школу. Тогда мне было четырнадцать лет. Что ты думаешь, паренек, как мы жили после смерти отца? Ох, жизнь была трудная! Только-только образовался колхоз, а в нем — ни одной машины, ни одного трактора. Люди старались, работали, но ни денег, ничего не получали. Весна пятидесятого года выдалась голодная. Скот сдали в колхоз. Из оставшихся у нас двух коров одна пала весной.

Мы с мамой жили вдвоем. Осенью — неурожай, убирать нечего. Ту малость зерна, какая имелась в колхозе, поделили. На каждую юрту досталось по неполному мешку. Да и тогда, бывало, люди жили лучше нашего. А что у нас? Я целый день в школе, а мама летом работала на сенокосе, поварила в бригаде и возвращалась поздно вечером. Юрта без взрослого мужчины — это не юрта. А как работали в то время повара, ты, конечно, себе и не представляешь. Сейчас-то хорошо, скажем, Тас-Сарыгу: возьмет на складе все, что требуется — хлеба, сахара, мяса...

Тогда было не так. Мама с раннего утра встает и идет в лес, на спине тащит вязанки хвороста на стан. А потом, разведя огонь, сыплет в чашу просо и варит, потом жарит сго в чугунной чаше, толчет и раздает работающим. И к обеду то же, и к ужину... Вот так и наступает ночь.

А зимой еще хуже. Когда я приходил из школы, мамы дома еще не было. В юрте холодно. Я бежал в лес за хворостом. Пока развожу огонь — хворост-то сырой! — уже темно. Я с малых лет научился сам жарить и толочь зерно. Начинаю размешивать в чаше молотую ячменную муку с чаем без молока, и в это время приходит мама. Уставшая. Увидев меня, забывает свой печаль:

— Бедненький мой сыночек! И хворосту насобира́л. Ты уже становишься человеком. Скоро станешь мужчиной, сынок. И нам будет легче.

К весне я решил бросить школу и не ходил уже несколько дней. Мама меня все заставляла: «Нельзя, сынок, без учебы. Что бы ни случилось со мной, надо учиться...»

А время на месте не стоит. Прошли еще два-три года, и колхоз встал крепко на ноги. Появились и машины, и трактора. Расширились пахотные земли. Хлеб стали убирать комбайном. Мы с мамой получили квартиру, расстались со своей старой юртой. Для меня это была самая большая радость. И учился я хорошо. И жить стало лучше. Появились у нас с мамой зерно, мука, хлеб, мы держали корову в загоне, развели огород. Кроме того, в летние каникулы я неплохо зарабатывал в колхозе, меня хвалили. Хоть небольшие, но завелись и деньги.

Да... Наш домик на краю села до сих пор стоит. Может, ты даже заходил туда. В седьмом классе я уже чувствовал себя взрослым парнем, разбирался кое в чем. Все лето проработал на сенокосе. Когда начались занятия в школе, наша бригада распалась. Вот тогда у меня опять началась старая «болезнь». Заявил маме: «Брошу школу, буду работать в колхозе». Но мама ни в какую: «Если не учиться сейчас, в такое время, то когда же учиться? Посмотри на меня, неграмотную, разве мне легко живется? Обязательно учись!»— говорила она. Я настаивал на своем: «Если я буду работать, тебе же будет легче, мама». Но и она стояла на своем, и мне ничего не оставалось, как снова приняться за учебу. Что и говорить, глупым был. Так окончил восьмой класс, а там и девятый, учился в десятом. В то время здесь была только семилетка, поэтому мы учились в Чадане.

Когда я учился в десятом, дурная моя голова заработала в другую сторону: как только вспоминал о покойном отце, тут же на ум приходил Самбу-дарга. В свободное время я старался встретиться со стариками, которые работали вместе с моим отцом, и узнавал от них многое. А они мне рассказывали без всякой утайки все, что знали о нем. Многие говорили, что отец был хорошим человеком: правдив, честен, добр. Поговорив с одним стариком, я шел к другому. Все поминали отца только добром. Тогда я начал допытываться, за что же осудили? Думал: он ведь мог и теперь жить и работать в сумоне, ведь живут же другие старые люди!..

Однажды я пришел к бригадиру, отцу нашего Анай-оола. Он мне объяснил очень просто: «Исключили из партии твоего отца, и дело могло кончиться на этом. Но жил тут Эрелчин, родной

брат председателя сумона Самбу. Во время войны он держал большой табун лошадей, немало овец и коров. Как и большинство аратов. Это был человек хитрый, скупой, умел ловко зацепить любое начальство и отличался подхалимством. Мы тогда приехали с твоим отцом в его аал. Дорóгой твой отец говорил: «Как же будем склонять Эрелчина, он ведь человек с девятью хитростями?» В самом деле, он наотрез отказался продать шерсть. Хотя весной сдал ее совсем мало. Мы объяснили ему решение хошунного хурала, предупредили, что если он не сдаст шерсть государству, будет наказан. Он очень рассердился, когда мы попросили, чтобы он нам показал все свои запасы. Выскочив из юрты, он стал кидать в нас шерстью из мешков, наваленных возле: «Судить, так судите! Я тоже найду, куда жаловаться! Зачем вы обыскиваете, отнимаете насильно? Хотел сделать войлочный ковер в юрту дочери, вот и вся шерсть. Берите ее, подавитесь!»— И по-всякому обзывал нас. Что нам было делать? Шерсть мы сдали сборщику. В других аалах, услышав об этом, боялись нас и уже не скрывали запасов. Пошел слух, что если кто спрячет шерсть, то будут производить обыск и судить. Вот так, завершив эту работу, мы рассчитались с планом. А через несколько дней вызвали твоего отца в хошком. Его исключили из партии за то, что он якобы совершал насилие над аратами. Потом Эрелчин объехал все аалы, собирая подписи под документом, а написано там было, будто твой отец творит противозаконное... И передали дело в суд. Следовательно лишь спрашивал в аалах, верно ли это — а там подтверждали. Вот так твоего отца осудили».

Другие старики говорили примерно то же: человеком, который писал жалобы и заставлял людей подписываться, был Самбу-дарга.

После встреч со стариками, знавшими отца, я стал злиться на Самбу. «Хоть он и вершит сумонные дела, но человек, видно, плохой»,— думал я.

Как-то, обменяв книги в библиотеке, я возвращался домой. Как раз в это время из конторы выскочил Самбу. В руках он держал бумаги, свернутые трубочкой. Я прошел и не поздоровался.

Самбу окликнул:

— Ээ, Сапык, иди-ка сюда!

Я остановился.

— Где ты учишься?

— В Чадане.

— В котором классе?

— В десятом.

— Стал уже парнем. А куда идешь?

— Иду домой.

— погоди, погоди, не спеши. На, держи, парень, и вывеси вот это объявление возле магазина,— заговорил он приказным тоном.

— Мне некогда.

— Чего, чего? Тебе говорит председатель сумона, а ты не слушаешься, какой зазнайка!

— Что я сделал? Я сказал: не могу.

— Замолчи, иди вывешивай!

— Не буду!

У него от злости даже щеки покраснели.

— Совсем зажрался в интернате, дурень!

— Не ты выкормил, не ты вырастил!

— Надо такого гнать из школы немедленно, посадить, чтобы глаза впали!

Эти слова вонзились мне в самое сердце. «Будет сажать в тюрьму. Как ему все это привычно»,— подумал я.

— Ты клевети на тех, на кого можешь! Сейчас прошли те времена. Наоборот, тебя, Самбу, надо посадить. За то, что ты оклеветал честных людей.

Вероятно, он понял, к чему я клоню — сразу сказал:

— Видать, и этот пошел дорогой отца!

— Ну и что же, и пойду дорогой отца, но сперва уберу с этой дороги такого негодяя, как ты!

Самбу хотел схватить меня. Но где же старику одолеть парня! Я шагнул к нему, замахнулся и... Он показался мне маленьким, ниже моего плеча, хилым. Я пошел от него прочь, не оглядываясь.

Вернулся домой встревоженный, но не сказал матери, что произошло.

Потом, когда я вернулся после каникул в Чадан, меня разбирали, чуть не исключили из школы. Я просил прощения у директора и у своих учителей. Но я скрыл от них причину раздора с Самбу-даргой. А учителя упрекали меня в самомнении, драчливости.

Тогда я и стал задумчивым. Неплохо учился в десятом классе. К весне мои учителя поверили, что я утихомирился. А Самбу долго возился, обращался в суд с заявлениями на меня. Спасибо учителям — доказали и Самбу, и органам, что из-за мелкого конфликта человека нельзя исключать из школы. Вот так мне удалось окончить десятилетку.

...Наступила весна. Я успешно сдал экзамены и получил аттестат зрелости. Возникло желание поступить в такой институт, чтобы знать все законы. Я стал искать в газетах объявления об юридических вузах. Нашел. Оказалось, что вступительные экзамены надо сдавать в самом институте. Один русский парень из Чадана решил учиться вместе со мной. Мы отправили заявления и документы. Пришли вызовы. Экзамены должны были начаться первого августа. Мне осталось только оформить в сельсовете документы на получение паспорта.

Пришел в контору за справкой о семейном положении. Там сидели секретарь и Самбу-дарга. Эх, сидел бы там в тот день один секретарь, я получил бы свою справку и ушел. Тогда, быть может, моя судьба сложилась по-другому...

Не забуду этот день — четвертое июля 1956 года. Самбу на мое приветствие не ответил, посмотрел на меня с отвращением:

— Чего пришел, парень?

— Прошу дать мне справку.

— Какую такую справку?

— О семейном положении.

— Для чего она тебе?

— Хочу учиться. Буду поступать.

— Куда?

— В Свердловск.

— Какое там, парень, учебное заведение?

— Юридический институт.

— Ха, такому хулигану, как ты, поступать туда! В учебное заведение права и порядка! Кто же это тебе разрешит?

— Школа мне дала положительную характеристику. Я, дарга, уже отправил документы. Прошу вас, не задерживайте!

Самбу тут разошелся:

— Что знает школа о тебе?! Характеристика не имеет значения. Здесь лучше знают тебя и твою родословную. Здесь определяют, что делать с тобой. Ты — злостный хулиган! Из тебя ничего хорошего не выйдет! Не учить тебя надо, а судить! Ты не подчиняешься власти, издеваешься над ней, понял?

Я не нашелся, что и ответить. Удерживал себя, чтобы не злиться: «Вот это и есть бревно на моем пути, преграда моей судьбе...— От обиды душа моя сникла.— Не спорь, что толку? Жди, держись, может, есть другие способы?»— уговаривал я сам себя.

— Ну, что я говорю тебе! Уходи отсюда, пока я тебя не сдал в милицию. Марш! Будешь сопротивляться, сейчас же милицию позову!

Было ясно, что ничего у меня не получится. Я молча вышел. Слезы от обиды текли по щекам. Не знал, что делать. Мама что-то почувствовала, когда уходил из дому, спросила беспокойно:

— Куда ты, сынок?

— Не волнуйся, мама, я скоро...

Я направился на ферму — в конец села. Скот уже угнали на летние пастбища. Здесь осталось несколько юрт, в них жили те, кто ухаживал за телятами. Жила и моя одноклассница Чодураа. Я, наверное, о ней тебе не говорил, парень? Ох, какая она была красавица в ту пору! Она-то и есть мать моей дочери. Мы тогда только-только начали сближаться.

Юрта их стояла немножко в стороне. Подойдя к ней, я не сразу осмелился войти. Накануне был там и видел Чодуру. Тогда не смог поговорить с ней: ее родители собирались уезжать на аржаан. На сей раз постоял немного возле входа — тихо. Я, наконец, вошел. Никого дома не оказалось. Это меня подбодрило, и я осмелел. «Она, наверное, осталась одна, родители-то уехали», — подумал так и уселся читать старые газеты. Скоро пришла Чодураа с двумя ведрами воды. Я улыбнулся:

— Есть небольшое дело, дарга. Найдется ли у вас время?

Чодураа улыбнулась на шутку, нежно глянула на меня:

— Время прошло, вы опоздали. Видимо, будет лучше, если вы придете завтра. А по какому делу пожаловали?

— Надо мне справку для встречи с моей знакомой красавицей, живущей неподалеку отсюда.

— Я не могу дать такую справку. Вы приведите сюда свою невесту.

— Тогда я сочту мой визит успешным. Приведу ее хоть сейчас.

— Как же ее зовут?

— Чодураа.

— Нету у нас такой.

— Куда же она подевалась?

— Вы опоздали, молодой человек. Чодураа вышла замуж два дня назад.

— Ничего, я ее догоню и возвращу.

Так мы вдвоем смеялись. А душе моей в то время было не до веселья. Но откровенность, доброе расположение Чодуры, ее нежный голос обещали счастье, и моя печаль понемногу угасла.

Пока мы вдвоем гуляли вдоль речки, зашло солнце, наступили сумерки. В летних лесах Дагыр-Шеми, покрытых зелеными лиственницами, растворилась вечерняя заря. Постепенно

угас последний луч, нежный ветерок с реки мягко гладил щеки. Чодураа слушала плеск реки и любовалась ее стремительными водами, бросала в них камешки: лицо ее в отблесках вечерней зари казалось еще ярче. Я забыл обо всем на свете, схватил девушку в объятия и стал целовать. Чодураа нежно и доверчиво приникла ко мне.

Я тогда промолчал, не сказал Чодуре о том, что случилось. Да и что было толку говорить, она ведь знала, что я поссорился с Самбу еще будучи в школе. Думал, только зря оставлю неприятный осадок в душе девушки.

Вечером собрался идти домой, но Чодураа попросила:

— Если у тебя нет неотложных дел, ночуй здесь. Я одна и мне боязно.

Может быть, и это было моей ошибкой. Чодураа тоже готовилась поступать в институт. Она спросила меня:

— Когда поедешь в Свердловск?

Я колебался, не зная, что ответить.

— Все документы полностью соберу, тогда и поеду,— сказал наконец, немного помедлив.

Мы с Чодурой ходили в кино каждый вечер. Мы любили друг друга. А когда вернулись ее родители, Чодураа сразу же уехала в Кызыл. Я проводил ее до Чадана.

— Поеду на учебу, встретимся там с тобой,— говорил я ей.

— Буду ждать,— отвечала девушка.

Уехала Чодураа, и село показалось мне пустым. Оказыва-ется, сильно привязался к ней.

Однажды я пошел в сельсовет, чтобы сделать решительный шаг. А решил я поговорить с секретарем. Будь, что будет! В конце концов, не съедят. Было около десяти часов утра. В сельсовете сидел один секретарь. Я сказал ему:

— Дарга, помогите. Пора мне ехать. Выпишите, пожалуйста, справку о семейном положении.

— Самбу ведь возражал, дунмам. Все равно он должен подписывать.

— У меня пропадет учеба. Как же это можно — задерживать из-за бумажки! Нет ведь такого закона.

— Никто тебя не задерживает. Только наш дарга противится. Поговори с ним, когда придет.

Я начал снова просить:

— Уважаемый дарга, поддержите, пожалуйста, меня. Я человек одинокий, сирота. Моя бедная мать очень хочет, чтобы я учился. Никогда не забуду вашу доброту, буду помнить всю жизнь.

Секретарь был молодым. Он задумался. Возможно, стало жалко меня. Он взял чистый бланк, начал его заполнять. От радости у меня запрыгало сердце. Секретарь уже готовился поставить печать, но в это время появился Самбу. Он был в серой капроновой шляпе, в тенниске. Под мышкой держал папку. Увидев меня, сразу заорал:

— Ты зачем выдаешь документы этому хулигану? Немедленно прекрати!

— Дарга, прошу вас, не надо,— я прикрыл справку ладонью.

Самбу резко отстранил мою руку, смял справку и закричал на меня:

— Таким, как он, буянам и хулиганам, нельзя давать государственные документы. Его отец был врагом народа, преступником! Из-за своей дерзости он был осужден и помер! И этот тоже враг!

Я сразу забыл обо всем:

— Ты сам враг! Ты прикрываешься именем Советской власти. Это ты, черт, вредитель!— выкрикнул я, сам не зная, как все это у меня вылетело:

Самбу бросился на меня:

— Держите этого разбойника! Зовите милицию!

Я взял его за руки — он схватился уже за мою рубашку, — оторвал от себя и оттолкнул старика. Он крепко стукнулся о стенку и снова бросился на меня. Тогда я ткнул его в лицо, потом еще правой рукой ударил. Он растянулся на полу. Встал, утирая кровь под носом, снова бросился на меня. Я схватил его за плечо и дернул вниз. У него порвалась рубашка. Я еще раз попытался стукнуть его кулаком, но он, пятась, убежал из конторы. Я бросил ошеломленному секретарю:

— Скорее, акым, прошу вас, поставьте печать и подпись! Я никого не боюсь! Мне теперь все равно, что жить, что помереть!..

Секретарь за несколько секунд дописал справку, сам подписал ее и поставил печать.

Мне нужно было скорее убираться из села. Ехать, ехать, что бы ни случилось!

Мамы не было дома — ушла на работу. Второпях сложил свои вещи в чемодан, взял документы и вышел на улицу. Машин не было. Пошел пешком по дороге в сторону Чадана. Оглянулся на контору. Там, в дверях, стояло несколько человек, они смотрели мне вслед.

Около двух часов прошел я прямой тропинкой, поднялся на

горку и наконец вышел на шоссе в сторону Чадана. Пошел по трассе. Вдруг сзади подъехала машина и остановилась. Оглянулся: милиция!

— Стой! Иди сюда! — позвал кто-то сердито.

Самбу тоже сидел там. Он, оказывается, нарочно забинтовал распухшую щеку большущим бинтом, видимо, в медпункте. У меня они не спросили ничего. В Чадане меня посадили в изолятор. Сердце мое похолодело.

Позже, как я ни старался, не смог объяснить ничего. Что бы я ни говорил, следователь мне не верил.

— Дело, совершенное тобой, тяжкое. Ты оскорбил представителя Советской власти, обзывал его, побил. Секретаря напугал и заставил его написать тебе справку. Ты избил человека и порвал на нем одежду.

Как я ни доказывал, что он мне не давал справки и оскорблял, мои слова не принимали во внимание. После месячного пребывания в изоляторе меня вызвали к прокурору. Он сказал без обиняков:

— Я познакомился с твоим делом, разговаривал с председателем исполкома сельсовета. Твое дело соответствует статье уголовного кодекса, — он назвал статью, вежливо разъяснив: — Во-первых, ты дерзко оскорбил органы власти, во-вторых, совершил нападение на их представителя, а в-третьих, угрозой насилия добился справки у секретаря. Во время следствия не признавал своей вины, а сваливал ее на других. Поэтому мы должны тебя изолировать. Правда ли все это или нет? Правда. Все факты подтверждены.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, кажется: с одной стороны, они правы, а с другой — я был прав. Тут ничего не поделаешь. Я действительно ударил кулаком Самбу; правда, что была порвана рубашка; когда меня ругали, оскорбляли, я противился — это тоже верно. Но у меня в то время не было ни фактов, ни свидетелей. Я не мог доказать, что Самбу, используя власть, оскорблял меня умышленно. Я в то время не знал, как его разоблачить. Вот почему я был вынужден сдаться судьбе, признать свою вину и подписаться под протоколами...

В начале октября меня привезли в наше село и осудили. Мама за эти месяцы поседела от горя. Она только плакала. А у меня не было возможности утешить ее, сказать: «Не горюй, мама. Я вернусь».

Осудили меня на три года. После суда мама накормила меня. У нее, бедной, даже руки тряслись, слезы лились ручьем. Еда не шла в горло, я не замечал ее вкуса, не понимал, горячая она была или холодная.

Обратно ехал на той же машине. Кроме мамы, меня никто и не провожал. Видимо, сердце матери не выдержало: когда я сядил в машину, она стала вспоминать давно минувшее:

— Аа, халак! Бедный мой сын! Сейчас ты доволен, Самбу? Что, я не знаю вас, Самбу! Вы и ваши люди всегда охаивали других, вы обманщики, подхалимы, подлизы! Отца моего сына вы тоже охаяли и свели в могилу. Сейчас вы охаяли моего единственного сына, и, видно, довольны!.. Все равно отольются вам мои горькие слезы! Буду ждать моего сына. Если сын не вернется, пока я жива, повешусь на твоих дверях! Стану ведьмой, страшным призраком для тебя!

Ох, сердце мое от боли чуть не разорвалось!

Говорят: «Живой человек увидит и гнедого волка». Так начались мои мучения.

Спустя год после осуждения узнал адрес Чодуры. Она оказалась в селе. Я ей во всем признался. Получил от нее письмо. Она на меня не сердилась. Писала, что сильно горюет, жалеет меня. Еще она писала о том, что вина моя — маленькая.

Оказывается, весной она возвратилась в село. Рожать. Мое сердце забилось от этой вестн. Я верил Чодуре, она человек чистый и честный. Винился, писал ей: рад, что у нас будет ребенок. Мы не прерывали переписки. Я жалел бедную девушку, о себе думал с разочарованием.

Моя бедная мать тоже все время писала мне.

Так прошли три года в неволе — в раздумьях и тоске.

В родное село вернулся летом. Как радовалась мама! Но как горевал я! Никого не хотелось видеть. Казалось, что вся моя жизнь запуталась. Увижу товарищей, с которыми вместе учился, — убегаю, сторонюсь. Но что поделаешь? Не убежишь от себя...

Когда в первый раз пришел к Чодуре, она разрыдалась. А ее родители и видеть меня не хотели. Чтобы хоть раз поглядеть на свою дочь, я пришел к ним с небольшим подарком. Ей уже было два года. Разговор был недолгим. «Покажи мне девочку», — шепнул я тихонько Чодуре. Она, пройдя в дальнюю комнату, привела милую девочку с черными-черными волосами и беленьким личиком. Я осторожно взял ее на руки. Сердце мое сильно забилось: я стыдился, смущался и радовался! Не очень огорчился, что дедушка с бабушкой моей дочери приняли меня холодно. Они не виноваты. Когда я посадил дочурку на колени, у Чодуры слезы полились из глаз, и она поспешно отвернулась. Мои руки тряслись. Разговор не клеился. Никто не притронулся к выпивке, выставленной мной на стол.

В свободной комнате мы с Чодурой немного пошептались.

— Сердишься на меня?— спросил я.

— Нет.

— Прости меня, родная, постараюсь не огорчать тебя.

— Я-то ничего. Из-за тебя мне как-то неловко перед папой и мамой,— шептала Чодураа.

— Расскажи им, что к чему, когда они успокоятся. В добрую минуту.

— Конечно. Но будет хорошо, если ты больше не сделаешь ничего постыдного.

— Никогда, клянусь тебе!

— Смотри же!

— Теперь ты как будешь? Я имею в виду твою учебу?

— Буду продолжать. В этом году перейду на третий курс.

— А девочка наша?

— Будут растить мои старики.

В это время послышался голос отца из другой комнаты:

— Просим попить чаю.

Я молча подошел к столу. Мать поставила вареное мясо и суп в плоской тарелке. Рядом стояли зеленый чай в чайнике, пиалы и тараа со сметаной.

Я не знал, с чего начать разговор. Старик заговорил первый:

— Как жил?

— Так, ничего,— сказал я несмело.

— Дочь твою, парень, будем растить мы сами, никому не отдадим. Чодураа будет продолжать учебу. Прямо скажу тебе. Никому не нужен зять, который будет тянуться к выпивкам или буяннить, а потом уезжать на срок, ведь так? Что я скажу тебе? Я тебя знаю, ты единственный у матери. Видимо, будет лучше, если одумаешься, поработаешь хорошо, получишь образование. Ничего, что ты был осужден. Надо исправить ошибку. А Чодураа пусть учится. Что вам еще сказать? Тебе, наверное, тоже будет лучше, если ты начнешь учиться. Подумай сам. Вот и вся моя речь!— отрезал старик и умолк.

Я ничего не ответил. Пригубил угощение и вышел. Шел домой, думая, что найду время позже спокойно поговорить с Чодурой. Но встреча с родителями девушки вновь разбудила неприятные мысли, они прямо грызли мою душу. Однако старался не показывать этого никому. Пробыв несколько дней дома, пошел в тракторно-полеводческую бригаду. Не хватало сменных механизаторов, и я с первого же дня начал пахать землю. Кроме работы, в душу ничего не лезло. Только ею и уте-

шался. Дневную норму перевыполнял в два раза. Мне и это казалось ерундой. В следующем месяце мои показатели были еще выше. На бригадном собрании, куда приехали председатель колхоза и парторг, отличившимся трактористам вручили премии. Я был тоже награжден.

Скоро началась страда. Однажды в свободный вечер я приехал в село. Чодуры дома не оказалось. Она накануне уехала в Кызыл. Я очень сожалел, что не сумел еще раз поговорить с ней. «Ну ладно, видимо, лучше. Пусть учится спокойно», — думал я.

Пришел приказ призвать на военную службу, кому возраст подошел. Многие ребята стали уезжать в армию. Мне тогда было уже двадцать три года. Мой военный билет остался в милиции. Вернувшись домой, я не спрашивал о нем. Думал, если призовут, приеду. В селе одни говорили, что судимых не призывают в армию, а другие утверждали обратное. Я ждал. Когда начали убирать урожай, меня вызвали в сельсовет. Пришел туда, а там оказались те же самые даргалары. Освободившись, я ни разу не встретался с Самбу. Он мне показался сильно постаревшим. Я, не поздоровавшись, молча стоял. Он тоже ничего не говорил, а секретарь сунул мне бумагу. Прочел. Это была повестка.

— Сразу ехать?

— А как же? Похулиганил, а теперь думаешь отказаться и от армейской службы? — запищал Самбу.

— Я тебе ничего такого не говорил. Еще ищешь причину для обвинения?

— Замолчи!

— Можно ли задать тебе один вопрос? — спросил я.

— Чего? — удивился Самбу и оглянулся.

— Доживешь ли ты пока... пока я не вернусь из армии?

— А что?

— Не бойся, не бойся. Я буду проситься в армию, если даже меня не будут брать. Если ты будешь еще живой, когда придешь, найдется дело до тебя, — пообещал я.

Мама провожала меня, радостная:

— Я нисколько не горюю, сынок. Буду ждать твоего возвращения с легким сердцем. Выполни свой долг хорошо.

Люди обычно скрывают свое прошлое. В армии я не рассказывал товарищам о себе. Парней-одногодков, после разных отсрочек, со мной служило немало.

Чодураа не ответила на несколько моих писем. Это сильно огорчило меня. Писал ей, просил откликнуться хоть словом. На-

конец, пришел ответ. Она уже училась на последнем курсе, и я служил последний год. Больше наша переписка не прекращалась. Чодураа объяснила: не отвечала на мои письма, желая испытать меня. Родители у нее живы-здоровы. Маленький наш человечек, наш цветок — дочку называли Чечек, — растет хорошо. По моей просьбе Чодураа прислала фотографию четырехлетней дочки. Бережно храню ее и сейчас.

Чодураа закончила учебу в начале лета и вернулась домой. Сам я вернулся в октябре. Меня удивило, что за эти годы мама почти не изменилась: прекрасно выглядела, была добра, весела.

— Когда спрашивали люди, где-сын, я с гордостью отвечала: «В армии служит!». Рада была за тебя, — рассказывала она.

Я тоже повеселел. После службы в армии ходил по поселку свободно, с хорошим настроением.

Чодураа просила приехать к ней (она работала в другом селе). Пробыв дня два дома, я поехал в Чадан. Отметился в военкомате и собирался на завтра ехать в село, где работала Чодураа. Тут меня узнал тот самый русский товарищ, с которым шесть лет назад мы собирались вместе ехать учиться в Свердловск. Мы встретились с ним в столовой. Он был в командировке: окончил в прошлом году институт, работал в Кызыле. Если бы мне наши тувинские парни предложили отметить встречу, отказался бы. А вот отказаться от приглашения русского товарища, с которым так давно не виделся, мне было неудобно. Мы пришли вместе в дом его родителей. Я все время думал: «Если бы не Самбу, я тоже закончил бы институт».

Тут нас на славу угостили. Выставили на стол жареного поросенка, курятину, было много выпивки. До этого я никогда много не пил, а тут, оказывается, перехватил.

Когда приблизилось время рейса вечернего автобуса в село, мой товарищ проводил меня до автовокзала. Помню хорошо, что я сел в автобус. Ох, парень, оказалась эта выпивка проклятой!

Не знаю, как я, пьяный, не заметил, что как раз позади меня сидел Самбу. Слышал впоследствии: он сначала и не подозревал, что я пьян, и по старой привычке начал меня упрекать, видимо, хотел оскорбить при людях. Говорят, ни парни в автобусе, ни шофер не могли удержать меня. Оказывается, я обругал Самбу всеми русскими и тувинскими ругательствами, какие только знал, и вдобавок избил. Правда, потом уже мне сказали, особых телесных повреждений у него и на этот раз не было.

Так я еще раз был разлучен с бедной матерью, с Чодурой и дочерью — на целых шесть лет!.. Расставаться со свободой из-

за такой глупости, паренек, страшно обидно! Проклинал сам себя, за все время ни разу не написал Чодуре. Решил, что у меня теперь нет права даже близко подойти к ней. Как медленно тянулось время, как я рвался к родным!

Отбыл срок, вернулся домой, встретился с матерью. Она сильно состарилась. Первое время тихо плакала. Я сказал матери, что не хочу жить в этом селе, и вскоре уехал.

Сначала работал в геолого-разведочной партии на Таймыре, потом в Якутии. Каждый месяц посылал маме половину своей зарплаты. Это поддерживало ее, она чувствовала себя неплохо. Перед выездом в Якутию написал Чодуре: «Я сейчас не могу быть с тобой, пока не расплачусь сам за свои ошибки сполна. Не хочу, чтобы моя дочь знала меня плохим. Не говори ей обо мне совсем».

Хотел поработать год-два, а проработал четыре года. За это время освоил много профессий: бурильщика, взрывника, скрепериста. Потом потянуло на родину.

Когда приехал домой, мама попросила меня остаться в колхозе. Я согласился. Мама, оказывается, сохранила все мои переводы, не истратила ни копейки. Сказала:

— Обратно бери, сынок, вот эту свою собственность. Мне хватило и своих. Будь человеком. Женись, хотя и поздно. Мне будет спокойнее.

Время от времени эти слова матери меня тревожили, заставляли вспоминать Чодуру и дочь. Зачем мне теперь другая жизнь?..

Эти слова Сапыка глубоко запали мне в душу.

— А где сейчас Чодураа и ваша дочка?— спросил я.

Он глубоко вздохнул:

— Нету у меня, парень, обиды, обиды на Чодуру. Она человек чистый. Я надеялся, что она с другим будет счастлива. У меня, как видишь, жизнь не сложилась. Где сейчас, говоришь, Чодураа? Я, конечно, незаметно справлялся о ней. Долго я не жил дома: там три года, в другом месте три года и шесть лет... Вон сколько! В течение двенадцати лет она надеялась, ждала меня. Потом вышла замуж. Как я тебе уже говорил, дочери сейчас семнадцать лет. Последние три года они живут в нашем селе. И я уже два года как здесь. Но у меня нет права встречаться с ними. Только издали гляжу на Чодуру и на дочь.

— Кто же он — муж Чодуры?

— Толком и не знаю. Слышал, что инженер. Ездит отсюда

работать в Ак-Довурак. Поговаривают, будто сильно пьет. Но точно не знаю. В лицо его видел, похоже, парень неплохой.

После этого разговора с Сапыком я долго размышлял. Советский закон охраняет права граждан, так меня учили с первого курса, да и раньше, в школе. Значит, судьба Сапыка — единичный случай? Тут есть, конечно, вина и самого Сапыка, и тех работников, которые использовали власть в своих личных, корыстных целях. Я пришел к выводу, что крикну Самбу на своем посту за всю жизнь не сделал ничего полезного людям. И совесть его была не чиста. Он-то умер уже, но такие, как он, живучи. На любом собрании они высокими словами заглушают критику, о самокритике что и говорить. Так делают, что на них не упадет ни пылинки, от всего остаются в стороне...

Слов Сапыка — «Я теперь не имею права ошибаться. Да и время моих ошибок прошло» — я не забыл.

...Вот и год, и другой пролетел. Я окончил институт, приехал в родной район не на каникулы — специалистом. И в первую очередь осведомился о Сапыке. Он по-прежнему работает на тракторе. В совхозе его хвалят. Депутат сельского Совста.

На предвыборном собрании, где на второй созыв выдвигали его кандидатуру, я как раз присутствовал. Сразу и не узнал Сапыка: в строгом черном костюме и белой рубашке, при галстукe, он выглядел привлекательно, даже седина не мешала. А вот живет все один, без семьи...

Я шел с собрания и думал: чего же, все-таки, больше в мире — счастья или печали?

К 45-летию Победы

Иван ТУРЕНКО

ЭТО БЫЛО ВЧЕРА...

(Повесть. Журнальный вариант.)

Неправда, что война прошла по нашей земле давно — полвека назад. Кажется, стоит только закрыть глаза, и вот я опять вижу весь белый свет лишь через узкую прорезь прицела родной «сорокапятки». Вновь кругом неслышно рвутся снаряды и мины, свистят пули, дыбятся земля и падают на нее и падают ее безмолвные защитники. И вновь скулы сводит судорогой, пальцы невольно сжимаются в кулаки, от напряжения становится больно, кажется, каждой клеточке плоти: ну, фашист, погоди, задам тебе перцу!..

Разрозненные встают перед мысленным взором картины прошлой войны. Хочется поведать о них, ничего не прибавляя и не приукрашивая. Всякое бывало на войне...

...В одну из темных ночей выходим на новые огневые позиции. Нужно копать окопы, прятать пушки в землю. Земля мерзлая, как камень, никакой лопатой не возьмешь. Передний край фашистов в пятидесяти метрах. Слышно, как они разговаривают, иногда заводят патефон, пьяно горланят песни. Но чуть какой шорох с нашей стороны — ведут огонь. А надо ломом, топором долбить мерзлую землю.

— А что если землю взорвать минами?—кто-то в расчете подает мысль.

— Где они, мины-то?—устало бросаю я.

— Да у немцев. Вон все поле перед нами заминировано.

Ползем к немецким позициям, на нейтральной полосе выкапываем две противотанковые мины, доставляем к себе. Остается выбросить запал перочинным ножом, в толе провертеть дырку для запала от гранаты лимонки, прикрутить к кольцу телефонный провод и уложить мину в ямку. Залегает. Тяну за провод, раздастся оглушительный взрыв. Немцы открывают по месту

взрыва огонь, но вскоре прекращают. Теперь только успевай выбрасывать из воронки комья земли.

Дело быстро пошло, и за ночь мы подготовили огневые позиции. А в следующие ночи на руках перетаскали снаряды на огневую, потому что на лошади их не подвезешь по открытому месту. По темноте перекатили орудие на передний край.

Однажды перед вечером вздумали немецкие самолеты-бомбардировщики пройти над нашим передним краем. Их было не более десятка. Наши открыли по ним такой огонь из всех видов оружия, что они вынуждены были повернуть обратно. Вот тут немцы и увидели, какая сила собралась на переднем крае. После этого они не стали пьяно горланить и орать в рупор:

— Эй, русские, переходите к нам, у нас есть шнапс и девочки.

И патефон перестал играть. Поняли, что рядом грозная сила, и наступил для них час расплаты.

Впереди, за тихой пограничной речушкой. Шешупе, цитадель германской военщины — Восточная Пруссия. Из политбесед мы уже знали, что Восточная Пруссия — это стратегический плацдарм Германии. Отсюда неоднократно совершались разбойные набеги на Прибалтику и далее — на Россию. Отсюда и Гитлер двинул свои полчища на нашу землю. Восточная Пруссия веками готовилась к войнам. В городах строили специальные убежища, подвальные окна были приспособлены под амбразуры. На перекрестках улиц возводились дома с обстрелом во все стороны. На возвышенных местах — доты, дзоты, в низинах — противотанковые рвы. Вся земля затянута колючей проволокой. Каждый клочок Восточной Пруссии — это крепость. Гитлер делал большую ставку на пруссаков, отъявленных головорезов. Пруссаки не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Сжигали в крематориях всех подряд, без разбору. Вешали, рубили, топили в колодцах... Много горя принесли они нашему народу.

И вот настал час расплаты.

Перед вторжением в Восточную Пруссию (ныне Калининградская область) в частях прошли митинги. Военный совет 3-го Белорусского фронта выпустил специальную листовку, призывающую наших воинов отомстить за те злодеяния, которые немецкие изверги творили на нашей земле. Листовка заканчивалась словами: «Смерть немецким оккупантам!»

16 октября, рано утром, после длительной массовой артподготовки, наша дивизия в составе фронта перешла в наступление. Немецко-фашистские части ждали удара, хорошо подготовились к обороне. Несколько дней шли ожесточенные,

кровопролитные бои. Казалось, все пространство в полосе наступления было соткано из огня, насквозь прошито пулями и снарядами.

Наконец, оборона была прорвана, и мы медленно стали продвигаться вперед. Взяли первый фашистский город Штаалупенен (ныне Нестерово). Немцы, отступая, все, что могли, уничтожали, сжигали хутора, угоняли жителей, скот, вывозили награбленное.

...Темной зимней ночью вместе со взводом пехотинцев выходили в дозор. Идем долго, под ногами шуршит снег. Кругом на десятки километров — ни огонька. Кажется, что все на земле вымерло, и только мы, живые, шагаем вперед.

Темнота и снег, лентой вьется проселочная дорога. Светает. Вырисовываются холмы, недалеко чернеет лес. Тихо вокруг. Так тихо, что слышно лишь усталое дыхание солдат и хруст снега под ногами. Даже не верится, что идет война.

Но вот тишину вспугивает резкий треск немецких автоматов, и война вновь властно напоминает о себе. Трассирующие пули скрещиваются на кучке идущих солдат. Залегает и начинаем окапываться в снегу, в чистом поле.

Сами-то залегли, а куда пушку спрячешь? Недалеке чернеет сарай. Решаем проскочить туда и спрятать лошадей. Путь преграждает проволочное ограждение. Выхватываю топор, привязанный к станине орудия, перерубаю проволоку. Ездовой направляет лошадей в проход. Тяжелое орудие проваливается колесами в канаву. Кузьменков, командир орудия, хватает лошадей за уздцы и тащит за собой.

Трассирующие пули летят со всех сторон. Раненая в холку лошадь с ржанием бьется, вырывается из рук Кузьменкова. Резкий щелчок — и Леонид, схватившись рукой за грудь, валится на снег. Рядом замертво падает заряжающий. Ездовой прыгает с передка, зарывается в снегу. Падаю рядом с ним. И вовремя: над головой проходит длинная пулеметная очередь.

Стрельба прекращается. Снова тихо, как будто вовсе не было выстрелов. Немцы молчат. Расчет погиб, и я остаюсь один. Немного отдышавшись, подползаю к орудию, отвязываю лопату от станины. Тихонько, лежа на боку, раскапываю снег вокруг орудия, с трудом развожу в сторону сначала одну, потом другую станину, отстопориваю щитки и опускаю их. Орудие становится приземистее — вместе с ним, стало быть, окопались в снегу.

Время от времени немец беспокоит пехотинцев, обстреливая из пулемета. Кладу снег на шапку, чтобы она была не так

заметна, высываюсь из-за бруствера, наблюдаю, откуда бьет немец. На сопке блеснул огонь — значит, там дзот или дот. Навожу орудие на еле чернеющую точку противника. Снаряд проходит выше, уменьшаю траекторию прицела: трассирующий снаряд скрывается точно в амбразуре. Раздается мощный взрыв. «Ага, гады! Вот вам!»

Оборачиваюсь на легкий шорох — коренастый солдат ползком тащит к моему орудью раненого офицера. Кричу ему:

— Назад! Немец пристрелял меня.

Не успел договорить, как опять затрещали автоматы. Видно, как трассирующие пули прекращают смертельный бег в телах воинов.

Немцы снова идут в атаку. Пехотинцы отстреливаются одиночными выстрелами, видно, совсем мало осталось наших в строю. Бью прямой наводкой туда, где немцев погуще. Стрелять приходится повернув ствол в правую сторону до отказа. Развернуть орудие одному нет возможности: колеса прочно стоят в яме. После каждого выстрела левое колесо взлетает вверх и снова становится на место, а все орудие подскакивает, как детский мячик.

Немцы откатываются обратно, оставляя на снегу черные точки трупов. Снова тихо. Расходятся тучи и появляется солнце. Оно всходит такое яркое, что кажется, будто я давно не видел и забыл, что такое солнце.

Солнце, жизнь — какая кругом красота! Кто придумал войну, кому она нужна? А в далекой Туве, наверное, сейчас тоже солнце. Почему я раньше об этом не думал? Как там девчонки-одноклассницы? Бегают, наверное, в кино и задирают мальчишек. А много ли их, мальчишек, осталось после меня? Все на фронте. Некоторые — знаю по коротким весточкам из дома — уже погибли. Придется ли увидеть кого?..

Мысли прерывает треск автоматов. Снова немцы идут в атаку. Снова мое орудие выбрасывает смертельный металл по фашистам. Подавить нашу единственную огневую точку они не могут, видимо, танков и артиллерии близко нет, а вызванный по радиации миномет — по-нашему «скрипач» — бьет куда-то за спину, по лесу. К моей пушке из пехотинцев больше никто не подползает. И пехота молчит. Есть ли кто живой? Снаряды кончились. Подползаю к убитому Кузьменкову, беру у него из рук автомат. Теперь у меня два автомата и несколько гранат.

«Врете, и один в поле — воин! Еще посмотрим, кто кого!»

К вечеру немцы снова идут в атаку, обнаглели, заметив, что орудие молчит. Кончились патроны в одном автомате, стреляю

одиночными из второго. Уже слышна речь врага. Но на ближних сопках рвутся снаряды. В панике немцы бегут. Оглядываясь и не верю своим глазам: на краю леса стоят орудия нашего артиллерийского полка.

Подходят артиллеристы, помогают вытащить орудие из канавы. Только тут вспоминаю, что почти сутки не ел. Ребята приносят котелок с мясом и булку хлеба. Уминаю все и проваливаюсь в сон.

...Вскоре знакомлюсь с новым расчетом и командиром орудия. Им становится лейтенант Волков, уроженец Туры.

...Наступаем. Враг пытается любой ценой остановить нас, используя господствующие высоты, сильно укрепленную оборону. Из показаний пленных становится ясно, что Гитлер приказал войскам Восточно-Прусской группировки не допустить выхода русских войск к Балтике. Выход к морю означал разделение немецких частей, и тогда в руках у Гитлера оставался последний оплот — Берлин.

Немцы сильно потрепаны, но боятся быть отрезанными от Балтийского моря и потому отстреливаются до последнего патрона. Это похоже на агонию смертельно раненого зверя.

По обочинам дорог валяются покореженные танки, подбитые немецкие орудия, лошади, трупы. Обычно немцы при отступлении старались убрать трупы своих, но теперь им не до них — самим бы ноги унести.

Пожилой усатый комбат, подразделению которого придан наш артиллерийский взвод, оказывается бывалым солдатом. На привале рассказывает нам, молодым, как еще в германскую русские брали прусский город Инстербург. И вот-де ему приходится брать его во второй раз. «С тех пор, — говорит он, — немцы трясутся от одних слов «Руссиш зольдат Иван».

...Наступать трудно: весна, грязь, лошади и орудия вязнут, с трудом продвигаемся вперед. Немцы без усталости, не жалея снарядов, обстреливают все подходы. Мины с глухим треском рвутся вокруг. Пехота наступает в непрерывном огне, падая и вновь поднимаясь, перебегая от воронки к воронке. Артиллеристы беглым огнем рушат все, что обнаруживают во вражеском стане, и снова догоняют пехоту.

В боях на подступах к Кенигсбергу наше подразделение сильно потрепали: в строю осталось одно 45-миллиметровое орудие. Командир лейтенант Волков, наводчик, ездовой да несколько пехотинцев — вот и весь личный состав.

Впереди — хутор. Немцы отстреливаются. Мы из своего единственного орудия открываем огонь, а потом скорей — туда,

на ходу стреляем из автоматов. Немцы бегут с хутора. Выдвигаем орудие вперед, наскоро окапываемся на каком-то огороде. Знаем уже: противник так просто с потерей не смирится, обязательно попытается отобрать хутор. Быстрыми движениями развожу станины орудия — и к прицелу. В прицеле ясно вижу двоих минометчиков, они ведут огонь по моему орудью. Заслал снаряд и прильнул к прорези прицела. Замечаю, немец тоже бросил мину в ствол миномета. Кто — кого? Стреляю. Одновременно со звуком выстрела кто-то огромным молотом изо всех сил ударяет меня по голове. Последняя мысль: «Ну вот и отвоёвываясь, солдат...»

Медленно прихожу в себя. Открываю глаза. Небо подернуто черными тучами, вместо солнца большое красное пятно. Тихо-тихо вокруг. Боли не чувствую. Шевелю руками, ногами — невредимы. Вспоминаю о дуэли с минометчиком. «А как орудие?» С трудом поднимаюсь. Земля плывет под ногами. Подхожу к орудью, заглядываю в прицел: прямо в перекрестии видна воронка на том месте, где были немецкие минометчики. Хоть я и опоздал на одну секунду, позволив немцам выпустить роковую мину, но дуэль все же выиграл.

Машинально загоняю снаряд в ствол. Подбегает лейтенант Волков. Что-то кричит, но я его не слышу. По губам догадываюсь: спрашивает, не ранен ли я.

— Нет, только миной задело, — во всю глотку кричу, хотя командир рядом.

Взводный достает индивидуальный пакет. Я схватываюсь рукой за голову: вся рука в крови. В глазах меркнет, и я беспомощно сажусь около орудия.

Лейтенант, перевязав рану, кричит в самое ухо: «Беги скорее в медсанбат».

— А как орудие? — спрашиваю я и, видимо, так громко, что взводный даже отшатнулся от меня.

— Я останусь, а ты иди.

Бреду. За углом сарая разбитые передки. На них лежит, широко раскинув руки, наш ездовой, будто спит крепким сном. Рядом — лошади с развороченными животами.

До медсанбата почти километр. Идти нужно по чистому полю. Грязь большими комьями липнет к валенкам (кирзовые сапоги еще не успели подвезти). Тихо, хотя кругом рвутся снаряды. Невольно прибавляю шаг. Скорей до шоссе! Вот она уже рядом. Но что это? Едва появляются несколько наших пехотинцев на дороге, как замертво падают. Значит, и этот участок пристрелян немцами. Выход один — в кювет, в хо-

лодную воду. Сначала обжигает, потом сил прибавляется. Скорей за холм. Там враг не достанет. Голова тяжелая, нет сил подняться. Лезу на крутую насыпь, где-то там, навсрху, медсанбат. Снег тает, и маленькие быстрые ручейки сбегают вниз мне навстречу. А я все ползу и ползу. Изю всех сил цепляюсь за прошлогоднюю траву. А в голове одно: «Я жив, жив, жив...»

Вновь выплываю из темноты. Первое, что бросается в глаза,— водоколонка. Шепчу: «Пить, пить...» Через некоторое время ко мне подходит солдат, в руках немецкая каска, доверху наполненная водой. Откуда-то издали слышна родная речь: «Думали, убит, а он жив».

В медсанбате, старом сарае, расстегивают ремень на шинели — на пол льется окровавленная вода. Меня быстро раздевают, делают перевязку и переодевают в сухое. Через несколько минут приходят санитары, выводят и меня. На выходе из сарая встречаюсь с лейтенантом, он через силу улыбается мне, вижу, что-то хочет сказать, но потом машет рукой: чего, мол, говорить, все равно не услышишь.

На дворе рвутся снаряды. Санитары поспешно укладывают раненых и гонят лошадей в тыл.

Так я оказываюсь в госпитале города Каунаса Литовской ССР.

Просыпаюсь в первое утро и глазам не верю: кругом стерильно чисто — простыни, подушки. Тихонько щупаю одеяло: вроде, настоящее. Не думал, что еще раз в жизни придется спать в такой чистой постели. И никто не стреляет. Тишина! Поворачиваю голову, и глазам не верю: рядом лежит Анатолий Филиппович Панкратов, земляк! Оба радуемся встрече, тому, что живы...

Оперирует меня женщина. Запоминается лишь одно: губы у нее крашенные и все время чему-то улыбаются. Были страшные боли, но при такой улыбчивой даме стыдно показывать немощь и боль.

Узнаем, что наша дивизия вышла из боев и ее отправляют на Дальний Восток. «А мы? Как же мы? Неужели нас бросят?» Решаем бежать из госпиталя, но как? Одежды нет, патрули сразу задержат. Выбираем тактику зануд: надоедаем врачам просьбами. Поначалу они и слушать не хотят, но потом все же сдаются и выписывают нас из госпиталя досрочно.

На полуторке добираемся до запасного полка. Здесь встречаю сержанта Илью Хабарова, родом из Турана. Решаем держаться вместе.

Вскоре нам выдают личное оружие и неприкосновенный запас продуктов на три дня. Рано утром поднимают по тревоге: предстоит прочесать лес, где появилась банда. Бросок до того затяжной, что многие из бывших раненых падают на дороге, не выдержав пагрузки. Но я, от природы сильный, не отстаю от других, хотя подошвы ног горят огнем. Поздним вечером доходим до намеченного пункта. (Потом нам сказали, что мы прошли за день свыше семидесяти километров). Крепкий сон на сеновале восстанавливает силы, и мы выходим на поимку «лесных людей». Задерживаем нескольких с автоматами — и на этом операция заканчивается.

Возвращаемся в полк как раз в час приезда «покупателей»: — Кто артиллерист — три шага вперед!

Я выхожу из строя вместе с несколькими солдатами. Попадаю в 52-й отдельный артиллерийский полк — вновь под Кенигсберг. «Даешь Кенигсберг!»

Немецкие части в ловушке. Остается лишь узкий коридор к Балтийскому морю, но и его со дня на день наши части должны перекрыть. По данным разведки, в Кенигсберге скапливаются все недобитые немецкие части. Они создают довольно сильный укрепленный пункт: делают завалы, устраивают новые огневые точки в подвалах, на чердаках, а вокруг домов — противотанковые укрепления. Хотя город-крепость и без того веками был вполне приспособлен к войне: в каждом подвале готовые амбразуры, с огневых точек хорошо просматриваются улицы и перекрестки. Надеюсь на неприступность крепости, немцы думают продержаться до подкрепления и обещанного Геббельсом нового секретного оружия.

Значит, нам надо спешить.

Шестого апреля после мощной артиллерийской подготовки наши части идут на штурм. К следующему утру выходим на окраину Кенигсберга. Город горит, черные тучи висят в воздухе. Дома разрушены, их обломками завалены улицы. Несмотря на безвыходное положение, немцы отчаянно сопротивляются, бросаются в яростные, обреченные контратаки.

Выкатываем орудие на руках и в упор бьем по подвалам, окнам, чердакам. Иной раз приходится применять личное оружие, чтобы отбить контратаки немцев.

Упорно продвигаемся вперед, к центру города. На пятый день штурма немцы капитулируют, целыми подразделениями сдаются в плен. 10 апреля Москва салютует нашим доблестным войскам: фашистское Восточно-Прусское гнездо уничтожено навеки.

Но война еще не кончается. После короткого отдыха двигаемся к Балтийскому морю, на штурм последнего оплота фашистов — порта и крепости Пиллау. Повсюду валяется покореженная немецкая техника. Некоторые танки обозначены в море одними башнями. Видимо, во время боя был отлив на море, а потом приливом затопило обездвиженные танки.

Крепость Пиллау стоит на песчаной косе, которая тянется вдоль Балтийского моря на несколько десятков километров. Коса местами до того узкая, что с берега залива Фришес-Хафф видно Балтийское море. Всюду песок многометровой толщины. Пехоте окапываться невозможно: от далекого взрыва снаряда песчаный ровик сам по себе осыпается. Большие трудности испытываем и мы, артиллеристы. Под станины орудия приходится подкладывать бревна. От каждого выстрела сбивается прицел, и снова приходится подправлять бревна.

С моря подходят немецкие корабли и ожесточенно обстреливают косу. Сосны от взрывов высоко поднимаются в небо, плавно поворачиваются в воздухе и, как спички, летят обратно к земле.

Над крепостью день и ночь стоит черная туча от взрывов снарядов и бомб. Советские бомбардировщики постоянно висят над городом: одни уходят — другие приходят. Мы бьем из всех пушек, не жалея снарядов. Фашисты, переодетые в гражданское платье, спешат на корабли, по пути бросая чемоданы, набитые награбленным барахлом, сталкивают друг друга в море. Корабли не успевают отходить от пристани, их метким огнем топят моряки-балтийцы. Только мачты торчат из воды, и черный дым далеко тянется в море.

Немцы не берут на корабли власовцев, заставляя их прикрывать отход. И власовцы звереют, бьют и бьют из подвалов, подъездов домов, с чердаков. Мало кто из них сдается в плен. Здоровые, упитанные, они еще на что-то надеются и врут на допросах, что лишь рыли окопы. А у самих ладони пахнут порохом. А под кителем у каждого один, а то и два креста висят. Видимо, забыли их снять или дороги они были предателям Родины. Немец, известно, за рытье окопов крестов не давал.

25 апреля крепость Пиллау перестает существовать. В воздух салютом взмывают красные ракеты.

Разбитые, но еще сильно вооруженные немецкие части отступают по длинной косе, надеясь вырваться из клещей советских войск. Но они обречены: наш флот полностью господствует на море, контролируя подходы к землянскому полуострову.

Кое-где с песчаной косы можно одновременно наблюдать,

что делается и на море, и в заливе. На этом узком участке скапливается большая военная сила. Немцы упорно дерутся за каждый клочок песчаной земли, уплывающей у них из-под ног навсегда. По полуострову ведет всего одна проселочная дорога. Немцы понастроили буквально на каждом бугорке дзоты и доты, а коса сплошь в ровиках и траншеях.

Накануне Первой на переднем крае устанавливается затишье. На нашу огневую позицию приходит комбат, бравый, подтянутый, чисто выбритый. Он поздравляет расчет с наступающим праздником и говорит:

— Завтра Москва будет салютовать в честь победителей. И мы в долгу не останемся, сделаем салют по врагу.

Ранним утром над нами в сторону неприятеля со свистом проходят, сверкая красными звездами, «Илы» и быстро скрываются из глаз. А через некоторое время до нас доносятся взрывы. Завязывается первомайский бой.

Снаряд за снарядом посылаю в сторону врага. Земля покрывается черным дымом. Жарко, снимаю гимнастерку. По радиции поступают команды: «Прицел... буссоль...» Бью беглым огнем. Куча гильз растет рядом. А по радиции кричат: «Молодцы! Еще огонька!» Орудие раскалилось, невозможно притронуться.

Стоп! Надо охладить ствол. Ребята приносят ведро с водой и тряпками, охлаждаем ствол. Вскоре вместе с другими артиллеристами полка снова «салютую» по врагу. И фашисты не выдерживают, бегут, даже не стараясь придать отступлению сколь-нибудь организованный порядок.

Пленные все идут и идут. Многие сдаются целыми подразделениями. Уже не говорят больше: «Гитлер капут!» И без того ясно, что «капут» приходит всему фашизму.

...Ночью поднимается стрельба из всех видов личного оружия. Ракеты, одна за другой, взлетают вверх. Спросонья спрашиваю: «Что за стрельба?» Кто-то возбужденно отвечает: «Победа!»

Подхватываю свой автомат и выскакиваю на улицу. Длинная очередь вверх. Вот он, салют долгожданной Победе!

...Давно это было. И недавно. Кажется, только вчера.

Встречаюсь с однополчанами. Отмечаю про себя, как они быстро стареют. По глазам вижу: под их напускной бравадой скрывается давняя боль. Она пришла к нам в грозную годину и не отпускает до сих пор. Стоит закрыть глаза, и вот я снова вижу весь белый свет лишь через узкую прорезь прицела пушки...

Поэзия

Кызыл-Эник КУДАЖИ

ОТЧИЙ КРАЙ — ЧЭЭНЕК

Милый, милый Чээнек,
ты — моя колыбель,
край, где вместе навек
скот пасется и зверь.

Дорогой мой Чээнек,
будь кошмою зимой,
дай весной — трав разбег,
тьнь мне дай
в летний зной..

Древний край мой, Чээнек,
нивы тучных полей,
бурный нрав горных рек,
песня сердца — хоомей!

Молодой мой Чээнек,
где с любимой живу:
юрта, словно ковчег,
нас уносит сквозь тьму!..

РЕКА БАРЫК

Берега твои пригожи,
мой Барык, приятель мой, —
как же были мы похожи
в дальней юности с тобой!

Кончив труд, такая радость
из ладошек воду пить
и, чтоб сбросить прочь усталость,
босиком в поток входить...

Нынче летом, проезжая,
я склонился над волной,
что блестела, отражая
волос, ставший сединой.

Стало грустно и обидно:
ты все молод, мой Барык!..
Мне ж тебя от слез не видно,
хоть я плакать не привык.

ДУС-ДАГ

Легендарный Дус-Даг, Соляная гора!
Нам с тобой повстречаться настала пора.
Я мальчишкой не рос посреди твоих скал,
и, как горный козленок, по ним не скакал.

Вот сегодня впервые свела нас судьба —
низко кланяюсь в пояс, увидев тебя.
Но с твоими сынами встретаться привык,
удивляясь всегда: как остер их язык!

Сарыг-оола я знал, был с Кок-оолом знаком
и не раз уязвлен острым их языком.
Оттого ли так солоно острое слово,
что в горе Соляной — их исток и основа?..

Эй, Дус-Даг! Умоляю, склоняюсь сединой:
подари на прощанье кристалл соляной.
Соль Дус-Дага в крови растворится моей —
станет слово о жизни сильней, солоней...

САН СУРИ

Есть красавицы на свете, словно алый цвет зариф..
Как забыть, что я с тобою повстречался, Сан Сури?
Ты улыбкою своею зависть в сердце пробудила,
что в далекой Кампучии выросло такое диво!

Волос твой — как темень ночи, как дремучий черный лес.
Қара-Аът, скакун мой верный, заблудиться может здесь.
Как два омута озерных, так черны глаза вот эти,—
в них, пожалуй, искупаться в знойный полдень могут дети.

Я к волам привычен с детства, их пасти не раз пришлось...
Сан Сури, я твой характер вижу, будто бы насквозь:
родилась ты там, где буйвол носом тычется в кормушку,—
стройность ног твоих и легкость выдают в тебе пастушку.

От напастей, от несчастий не погас твой ясный взор...
Я с тобою повстречался у седых Қавказских гор.
Каждым жестом, каждым взглядом людям радость ты дарила.
Будто соком виноградным молодая кровь бродила...

Пусть красавиц много всюду и велик Советский край,—
на тебя лишь только глядя, Сан Сури, я вижу рай!
Пусть в Қарпатах, на Камчатке или же с Байкалом рядом —
я тебя хотел бы снова обласкать влюбленным взглядом.

Если же в Туву приедешь, в отчий край судьбы моей,
Сан Сури, тебя я встречу и спою тебе хоомей!
Хоть у нас холодновато, обижаться нет причины,—
я тебя укурю шубой... Хорошо в тепле овчины!

А когда ты нагостишься, скажешь:— Все! Мой срок истек!—
заверну тебе подарки в белый, словно снег, платок.
Все отдам тебе я щедро, Сан Сури, моя отрада!
Лишь о сердце вот, пожалуй, у жены спросить бы надо...

КИНЖАЛ И РОГ

Вековечно в кинжале таились
месть за брата и гибель врага.
И быки тоже насмерть сражались,
разъяренно сплетая рога...

У грузин же есть танец с кинжалом:
в ярких бликах — клинок, поясок...
А потом из огромного рога
пьют за дружбу живительный сок.

Время вспомнить добром Сургуладзе,—
им гордятся Тува и Қавказ:
он, грузин, оказавшись в Саянах,
пролил кровь свою в битве за нас.

Он в былые двадцатые годы
обнажал свой булатный кинжал.
И, завидев корону марала,
враг заране в страхе дрожал!..

Пусть кинжал тот и рог избылья
станут символом нынешних дней,
чтобы солнце вставало над саклей
и над юртой тувинской моей.

Николай КУУЛАР

БЕЛЫЙ ЖЕРЕБЕНОК

Взгляни на жеребенка: он
не хочет постоять на месте.
В степи широкой он вскормлен
так сладко пахнувшей травой,
где родника журчанье — песня,
и где величествен покой.

Его движения стройны,
а ржанию тотчас вторят кони
Багыра и Амыр-Саны.¹
Из тьмы веков до дальних звезд
(как бы самих веков погоня)
ковыль поднялся в полный рост.

Взгляни на жеребенка: он
почуял дальнюю дорогу.
Родным простором опьянен
он рвется, белый, словно снег,
от материнского порога —
в карьер! Кто сдержит этот бег?

Взнуздать себя не разрешит
вдыхавший чистый воздух воли.
На чей же зов он так спешит,
что обгоняет ветер в поле?

То в завтра — это не слова —
летит свободная Тува.

¹ Легендарные герои.

ОГОНЬ ПАМЯТИ

Пронзив немую тьму веков,
ко мне пробившееся слово
сияет блеском ледников
и завораживает снова.

Далекой памяти стрела
с дрожащим горьким опереньем,
о как меня ты догнала,
легенд изустных сотворенье?

Бери, веди меня назад,
туда — Истории навстречу,—
где погибал с огнем в глазах
за слово-свет Создатель речи.

* * *

Я шел по тропинке чудесного сна
и к берегу юности вышел.
Зеленое пламя взметнула весна
до самого неба и выше.

И тотчас веселой, как прежде, гурьбой
ко мне подошли домочадцы...
А я-то хотел повстречаться с тобой,
хотя бы во сне повстречаться.

Лишь белое платье мелькнуло вдали
и все — ни улыбки, ни смеха,
и только ложились на лоно земли
следы, словно робкое эхо.

...Как сильно мы можем порою любить?!.
На это никто не ответит,
коль даже во сне невозможно забыть
тот злой, разметавший нас, ветер!

БУДИЛЬНИК

Опять меня он разбудил
за миг до жаркого объятья.
И девушка, с которой был,
исчезла — лишь мелькнуло платье.

Я написал о ней стихи,
и думал — лучшие на свете.
Но ветер, проводник стихий,
порвал, развеял строчки эти.

Судьба металась и рвалась
во сне, в кошмарной круговерти.
Опять меня будильник спас
и разбудил за миг до смерти.

* * *

Я застыл и слова не идут из меня,
Словно капли воды из замерзшей бутылки.
В голове, словно льдины, треща и звеня,
Думы движутся — боль ощущаю в затылке.

Кто б ты ни был, прохожий, ко мне поспеши.
Если враг, то злорадствуй, а друг — помоги мне.
Если солнце закатится в небе души,
Быть великой беде — все на свете погибнет.

ЛОТОС-ОБЛАКО

(Подражание VI Далай-Ламе*)

Любимая, неужто счастье
окончилось, когда на чаше
святого Лотоса не Будду
я видел — видел образ твой?
А вместо сутр, молитв священных,
пел песни красоте нетленной,
шептал: до смерти не забуду
тебя и буду век с тобой?

Прошло лишь несколько прекрасных
мгновений; и в душе напрасно
ищу я с грустью поминутной
тебя и спрашиваю где?..

* VI Далай-Лама — духовный правитель Тибета, поэт, жил на рубеже XVII—XVIII веков.

Не вижу сказочного облика.
Ты уплыла, как Лотос-Облако,
а тень твоя осталась в мутной
всезабывающей воде.

Тоску души развею делом.
Я верю: тело станет телом,
ты, Лотос — девушкой, и силу
вдохнешь в бессильного меня.
Я был беспечен и капризен,
теперь познал я сущность жизни.
Познание передам я сыну,
в душе любовь к тебе храня.

Владимир СЕРЕН-ООЛ

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ТЕТРАДИ

(Восьмистишия)

«Чистым будь, как дорога в родительский дом», —
мама след мой кропила парным молоком,
под крылом не молочные реки суля,
а поля, облаков белопенных поля.

Горд белых ночей преподнес чудеса:
словно белые юрты, над ним — паруса,
и напутствие матери свято хранит
в тополином снегу ленинградский гранит.

* * *

Мать спешила мне вслед вдоль родных берегов,
брат с отарой спустился с альпийских лугов,
лес и горы просили: «Мы тоже с тобой...»
— Нет, без вас опустеет наш край молодой!

По воздушным ухабам, теряясь из глаз,
винтокрылая быстро машина неслась...
Но тувинскую песнь, как родная сестра,
мне российская ширь напевает с утра.

* * *

Разве лишь потому, что я сам — азиат,
что во мне табуны сквозь столетья летят,
белой ночью иду на Аничков гранит
и душа каменеет у теплых копыт?

Нет! Сюда потому приношу я цветы,
что свежи на граните осколков следы,
что от воя снарядов, летевших к Неве,
и сегодня с ума сходят кони в Туве.

* * *

Белый лев на граните у черной воды
снежным комом играет, не чуя беды,
знать не зная, что вновь надевает метель
всю в огнях фонарей боевую шинель.

Снег летит из вечерних глубин синевы,
но спокойно, как прежде, дыханье Невы.
И, покуда ей душу не выстудит лед,
мне она, словно мама, тепло отдает.

Светлана КОЗЛОВА

**с грустью —
о ПРАЗДНИКАХ**

Какие праздники
случалось видеть мне в Туве и на Урале!..
Босые всадники
на степнорожденных конях преграды брали.
Не тропкой узенькой —
во весь опор до самых гор летели кони.

Узоры музыки
сплетал хомус или татарские гармони.
И жарче радуги
цвели в полях как бы невиданные розы —
рубахи, фартуки,—
был праздник сева у марийского колхоза.

И помню — ранее:
война. Но кончилась пора бомбежек лютых.
Москвы сияние.
Скупой, суровый праздник первого салюта.
Потом — сценарии,
потом — лихие стадионные красоты:
был взлет сознания,
народной радости свободные высоты.

Теперь — как дразнятся,
внушают радио, газеты и журналы,
что этих праздников,
что этой радости вовеки не бывало,
что всюду — на поле,
на стройке каменной, в доме ли за стенами,—
все только плакали,
все только охали да горестно стенали...
И что не празднуя,
как бы охвачены всеобщим наважденьем,
на площадь Красную
колонны майские текли — по принуждению...

Кому как нравится.
В какое зеркало кому милей смотреться.
Но это — в памяти.
Но это — с юности со мною в самом сердце.
И крепко помню я:
та жизнь — волнения, покой и строгость буден
была наполнена
совсем не страхом, не тоской — любовью к людям.
И жить так хочется,
чтобы они и в наши дни шагали рядом:
любовь и творчество,
любовь и труд,
любовь и честь,
любовь и правда.

КАК МОЖНО УМЕРЕТЬ...

Как можно умереть, не победив врага,
хотя бы одного, да, вон того, напротив,
который виден весь в зловещем обороте
и — растоптать тебя — занесена нога?
Как можно умереть, не победив себя,
свое трусливое стремление укрыться,
прадсовский рефлекс кому-то помолиться,
признав себя рабом и рабство возлюбя?

Как можно умереть, не победив ту ложь,
что заволочь тебе глаза туманом рада
и звание себе присваивает — «правда»,
и льстит, что ты умен и сам все разберешь?

И как существовать, не ожидая див,
привычно думая о завтрашнем обеде
и больше ни о чем — куда там о победе!
и в Правды правоте людей не убедив?

Так жить — да это ж умереть, не победив?

Чургуй-оол ДОРЖУ

* * *

Мне сказали: недавно ты ездил домой.
Ты, наверное, много узнал:
кто за красной солью ушел зимой,
кто веселую свадьбу сыграл.
Где родился сын,
где купили коня...
И еще — скажи, не тая,—
как черемухи, что у дороги стоят?
Все черны их глаза?
Белоснежен наряд?
Вспоминают они, кому плакали вслед?
Или — нет?

Антон УЕРЖАА

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ О СКАКУНЕ ЛУННОЙ МАСТИ

На спине у Саралы
перья белые росли.

Дед Хопуй угрюмо точит
острый нож, звеня...
В детском сердце норы точит
черная змея.

Лунный конь мой, Сарала.
Раскрывались два крыла.

Я — к отцу. (А он — как камень...)
— Не губи коня!
Спину выпрямим лубками!
Пожалей меня!..

Светлый конь мой, Сарала.
Разметнулись два крыла.

— У коней — природа сильных
и костяк тяжел...—
так сказал отец двужильный
и к себе прижал.

И задели, Сарала,
сердце плеткой два крыла.

Никогда кнутом свистящим
не хлестал коня.
Узун-Кыйыг — степь для скачек —
им покорена.

Сарала, пройдя предел,
в небо синее взлетел.

Не смогла его породу
выдержать земля.
В небо облаком свободным
он летит, паря.

Только перья нележки:
на крылах видны лубки.

РОДНОЙ РЕКЕ АЛАШ

Девять рек перешел и пришел к тебе.
Девять гор перешел, но пришел к тебе.

Малышом, как на мягких коленях,
я сижу на твоём берегу.
Узнаю сыновей твоих пенных
и тянусь к ним, приветствуя первым:
«Я вас братьями нареку!»

Поседевшие в свете луны,
я целую твои валуны.

Словно слезы, сверкает шуга,
слезы радости встречи со мной...
Нежный голос водой заиграл:
«Здесь прохладно, где шапка, сын мой?»

Отвечаю: «Был случай дурной,—
пыльный ветер сорвал мою шапку.
Как бы ни было мне ее жалко —
я спешил, возвращаясь домой.»

Да потеря совсем пустяковая!
Мог остаться и без головы.
Шапку мама сошьет мне и новую,
с ароматом таежной травы.

Я вернулся совсем ненадолго.
Я уйду, как зажжется заря.
Вьется жизнь моя ниткою тонкой,
но, поверь, мне иначе нельзя.

Я ищу свое счастье бедовое,
как пропавшего ночью коня.
Слышишь, сердце стучит, как подковами,
зазывая в дорогу меня?

Ухожу. Но любовь моя — мак* мой:
нежность к маме и верность тебе.
Не сорвать ни беде, ни обманам,—
ленты прочно пришиты к судьбе!

Галина ПРИНЦЕВА

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО

Холодное лето,
холодное лето,
деревья в зеленые шубы одеты,
смятение ветра,
свечение света
и синие тучи,
и дождь до рассвета.

И трепет тревоги,
и слог ее строгий,
и снова судьбе
выпадают дороги,
и вещая боль,
изнемогши томиться,
стремится в зенит
окольцованной птицей.

Скажи, что там видишь —
над миром зеленым?
Рожденных?
Умерших?
Изгоев?
Влюбленных?
И душ затворенье,
и тел сотворенье,
и дел наших суетных столпотворенье...

* Мак — две ленты, спускающиеся сзади с тувинской национальной шапки (прим. переводчика).

* * *

Ночь февраля.
Светлы поля
под снежной пеленою.
И этот снег,
и этот свет,
и пролетевшей птицы след
меж небом и землею,
дерев туманная гряда
и в темной проруби вода —
нездешней глубиною.

И стынет слово на губах,—
ведь проку нет в пустых словах
глухой порой ночью.

Людмила САНЧАЙ

ИДЕАЛ

Художник выбрал женщину красивую.
Умнейшая — философа избранница.
А воину подругой стала верная.
И очарован музыкант нежнейшею.
Боготворима мучеником добрая.
Восторженно палач лелеет кроткую...

О, сколько их — мечтательных, застенчивых,
ревнивых, гордых, строгих и решительных,
сварливых, неопрятных, робких, взбалмошных,
завистливых, кокетливых, прокуренных!..

Но все они — супруги и любовницы,
поклонницы, соперницы, изменницы...

И лишь она, вобравшая все лучшее
от падшей и святой, рабыней видится,
а через миг — богиней ослепительной:
любви огромный груз неся безропотно,

уронит вдруг его на плечи рыцарей,
готовых с этой ношею бесценною
пройти сквозь ад...
Цветет она, отвержена
прекрасной половиной человечества...
Сама — творец, она — творцов создание,
возлюбленная их. На веки вечные.

НЕ ЖАЛЕЙТЕ МЕНЯ

Не жалейте меня, не жалейте,
сколько можете, столько и бейте!..
Чтобы слез у меня не осталось,
чтоб и вас одолела усталость...
Заставляйте стоять на коленях,
придавив меня муками плена!..
Пусть покорность моя умирает,
пусть во мне дух бунтарства взиграет...

Слезы кончились... Дух мой свободен,—
жаль, вершителем быть не пригоден
человеческих судеб...

Ах, беды,
моя песня не вся еще спета:
захотите прийти за слезами —
станет сердце моими глазами.
Бить себя я уже не позволю.
Только охну, присяду от боли,
без кровинки в лице... И не встану
на колени... Пойду, тонкостанна,
легкой поступью к радостям светлым,
ничего не сказавши в ответ вам...

Рану песней зажму я покрепче —
станет сердцу хоть чуточку легче.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ОБЛАКА

Расселись по углам печали немо...
Бессонницу с собою привели...

На самом краешке еще ночного неба,
у кромки спящей тихим сном земли
я вижу дня неровную полоску,
цепочку черных облаков на ней...

И вот вчерашнего глухие отголоски
уже уносятся из памяти моей,—
ловлю с улыбкой птичью перебранку:
— Ну кто там зачирикал, черт возьми!
— Чего ты разворчался спозаранку?
Не спится человеку — ты пойми!..

Затем гляжу: полнеба розовеет,
клубятся алым дымом облака...
И доброго предчувствием повеет
от облака, белее молока...
Светло переливаясь перламутром,
другое прошептало с вышины:
— Я рада тебя видеть. С добрым утром.
Прими от нас целительные сны.

Эмма ЦАЛЛАГОВА

ИЗ ЦИКЛА «ДРУЗЬЯМ»

Зову вас в первый и в последний,
в единый раз — единый раз —
не впереди идти, не следом,
а рядом быть со мной сейчас.

Сковались дни мои, как цепи,
и, богохульствуя, кляня,
горит душа моя без цели,
горит без жара и огня.

Но не совсем она убита,
с душой убитой я — не я.

Мне не к лицу копить обиды,
слова упреков затая.

Друзья, которых я спасала,
которым светочем была,
которых чтила не по сану
и не по толстому карману,
к которым не пускала зла.

Во имя прежней нашей дружбы
явитесь из годов, из тьмы.
Пусть зов мой тягостен, ненужен,
но вы сегодня мне нужны.

Судьба измен от вас не примет.
И, потревожив явь и сны,
звуча паролем, мое имя
опять всплывет из глубины.

Моим врагам не дайте пищу
для их насмешек, торжества.
Я окликаю вас — не нищей,
по праву высшего родства.

Мне не дано в вас усомниться,
пока живу, пока дышу
и, словно раненая птица,
полет упрямый свой вершу.

От вас я жажду исцеленья.
Мне предстоит нелегкий путь,
и ваших глаз благословенье,
как воздух, нужно мне вдохнуть.

* * *

А на этой земле — только я и разлуки,
только сердце, что снова болит о тебе.
Через тысячу верст я тяну к тебе руки,
через тысячу солнц и закатных небес.

Пьяный запах в саду созревающих вишен,
годы долгих молитв я искала тебя.
Ходит ветер, ступая с деревьев на крыши,
в водосточные трубы тревогу трубя.

Через тысячу лет я приду к тебе снова,
как в преддверие счастья откину крючок,
и скажу тебе самое нужное слово,
прислонившись к стене ослабевшим плечом.

Ляжет вечер на окна невиданно синий,
и от ломкого неба, как звон хрустала,
опрокинутся наземь поющие ливни
и на улице тихой отыщут тебя.

Забредут в эту комнату свежим дыханьем,
завершат объяснения в давнем письме
и простят меня вместе с моими грехами,
и навеки уже завещают тебе.

Те же книги и вазы узнаю на полках,
тот же вальс, сквозь который смиренно ступив,
я по звукам пройду, как по хрупким осколкам,
ни о чем в этот памятный час не забыв.

И не думай, что счастье быть с нами устанет...
Если я потеряю навеки тебя,
за плечом этот город взволнованно встанет,
в водосточные трубы тревогу трубя.

НА ВОЛОСКЕ НАДЕЖДЫ

Придут прозрений
горестные сутки,
чтоб ощутить в себе,
как вес беды,
и сердце,
непокорное рассудку,
и этой непокорности
плоды.
В них тяжкий яд
забытых поражений,
что в пропасть нас толкает
с высоты.
Моя душа
в зеркальном отраженьи
вдруг устыдится
жалкой наготы.

Без мишуры —
недостижимо близко, —
без пышных складок
призрачных одежд,
она во тьме
беспомощно повиснет
на волоске
сгорающих надежд.
И будет страшным
это пробужденье
в тумане,
где ни цели,
ни дорог,
где грезится тебе,
как наважденье,
высокий
и спасительный порог.
Но так душа
устала от обманов,
и так недоставало
ей побед,
что шаг ступить —
открыть былую рану,
которой исцеленья
больше нет.
Так выбирай...
Еще стоишь ты прямо,
и есть еще
спасительный порог.
Еще душа
цепляется упрямо
за тлеющий
надежды
волосок.

* * *

Неужто все
жемчужной этой
пудрой
припудрить я,
безумная,
сумела.

Кто мне сказал,
что жалость —
это мудрость?
И как жалела я!
Как я жалела!

И втопанная в грязь,
почти немая,
ославленная
дурой и простушкой,
стою над бездной,
боли не скрывая,
несчастной,
недалекой,
непослушной.

Но каяться нельзя мне.
(Или поздно?
Огромные покрыты
расстоянья)...
Перед судьбой,
насмешливой и грозной,
не погрешу я
поздним
покаяньем.

Не обессудьте...

Труден путь
без утра.

Живу я
как могу
и как умею.
И снова жалость
превращая
в мудрость,
я говорю:
жалела —
и жалею.

* * *

Ничего я не забыла.
Все на сердце сберегла.
Горечь едкую скопила,
а растратить — не смогла.

Терпелива я (по нраву?)...
Отходя одна ко сну,
эту смертную отраву
на тебя я не плесну.

Но не стой со мною рядом.
Взглядом
взгляд мой не встречай.
Вся пропитанная ядом,
я опасней,
чем Анчар.

Как терплю я то терпенье
горькой памяти моей...
Я дарю тебе прощенье,
что проклятия
страшней.

ДЫМ УТРАТ

Уйди... И оглянуться не посмей.
Зачем тебе смотреть на эти слезы!
Пусть позднего раскаянья занозы
не потревожат мир души твоей.

Не надо слов... Над сердца пустырем
смешон и бесполезен свежий ветер.
Тропинку одиночества на свете
проходит каждый — прежде, чем умрет.

Оставь меня... И жизни родники
еще пробьют окаменелый гравий.
Еще я не сдаюсь,
еще я вправе
крепить надежды хрупкие ростки.

И пусть тогда их обдает дождем,
и ветер их ударом испытает.
Как горек дым утрат;—
но он растает —
и только край у сердца обожжен.

Тогда вернись,
 вернись на краткий миг,
чтоб я в глазах, как память, отразилась,
и приняла не милостыню — милость,
и зазвучала, как счастливый вскрик.

Зоя НАМЗЫРАЙ

АБХАЗИЯ

Как необъятен и безмерен
твой зной небесно-голубой!
Кипя, летит на жаркий берег
зеленопламенный прибой.

Край полуденный, первозданный
прозрачной дымкою объят.
И душу обдает дурманом
плантаций чайных аромат.

Многоязычье, многоцветье,
природы щедрые дары...
Как грецкие орешки, дети
от солнца лаково смуглы.

И словно из восточной сказки,
навек отвергнув суету,
несут таинственно абхазки
свою земную красоту.

Здесь берегут и честь, и дружбу,
здесь люди сердцем высоки...
И вот опять мой дух разбужен
немым течением строки.

Абхазия, сестра меж нами,
кровинка Родины моей,
как бережно коснулась память
твоей души, твоих людей.

МАГНОЛИЯ ДРУЖБЫ

Прекрасен магнолии белый цветок,
который взлелеян у Черного моря.
На память его положу между строк,
со временем —
все забывающим —
споря.

Как я любовалась его белизной,
что с белой пиалой тувинскою схожа.
И в наших Саянах так ранней весной
цветы распускаются —
белые тоже.

Своими руками в торжественный час
ее космонавты сажали здесь в землю.
И нынче красавица радует нас:
под белым цветком —
вечно юная зелень.

И я
в парке Дружбы
осенней порой
окутаю семя прохладной землею,
чтоб в будущей жизни,
расцветши весной,
оно поражало людей красотой.

Магнолия белая, как молоко,
что дружбу вскормить
в этом мире поможет...
Я помню:
растут далеко-далеко
цветы,
что с пиалами белыми схожи.

ЖЕНЩИНЫ ГУЛИСТАНА

Все в чуткой памяти предстанет:
Веселый Адлер. Плеск волны.
Узбечки три из Гулистана
И три подруги из Тувы.

Я не забуду наши речи,
я вспоминаю без конца,
как три тувинки
трем узбечкам
открыли дружески сердца.

Они нам тоже говорили
о доме, внуках, о родине.
Мы все тогда впервые были
от мест родимых вдалеке.

Три гулистанки, три сестрицы,
все три Закировны... Сейчас
мне почему-то часто снится
простая ласка ваших глаз.

Три педагога, три смуглянки,
три добрых сердца для друзей...
Нас приглашали гулистанки
побыть на родине своей.

На Улуг-Хемские просторы
мы тоже звали их гостить.
Из этих теплых разговоров
соткалась дружбы нашей нить.

И вспоминать я не устану
пожатье дружеской руки...
Тува прощалась с Гулистаном,
как могут только земляки.

ОЗЕРО РИЦА

Если взгрустну я
по озеру Рица,
вновь поднимусь
на вершины Кавказа.
Сердце
от древнего ужаса
птицей
в клетке грудной
заколотится сразу.

Там, где Афон
неприступные кручи
к небу вздымает
легко и отвесно,
рядом со мною
бродячая туча
вместе пройдет —
и нам будет не тесно.

Там вспоминаешь
бессмертные строки.
Там ледники,
источаются влагой,
капли сливают
в большие потоки,
те, что становятся
бурной Арагвой.

Там небывалые
звери и птицы,
а у цветов —
аромат животворный.
Здравствуй, Афон!
Здравствуй, озеро Рица!
Вы — как из сказки,
таинственной,
горной.

Встали дворцы
изо льда и утесов,
зыбкая мгла
между ними струится.
Но как бессмертная
синяя грёза
манит людей к себе
озеро Рица.

Кто искупается
в этих глубинах,
станет счастливей
и чище душою...

2.

Листья красные летят
 под покров снегов.
Каждому дана судьба,
 каждому любовь.
Свечку тонкую зажгу
 в поминальниках.
И запляшут на снегу
 тени мальчиков.

Кто-то скажет не к добру,
кто-то промолчит.
Мать промолвит:
 — Поутру
был мой сын убит.
А другая мать вздохнет:
— Не в войну ведь, нет,
в пятьдесят шестом году
в дом явилась смерть.

Материнские глаза —
губы режет стон...
Их святые образа
смотрят из времен.
А в глазах у образов —
слезы да печаль —
не вернуть уже сынов,
внуков не качать.

3.

Отошла золотая пора.
Век серебряный близок к концу.
По России, из края в край,
цинковый гроб несут.

Как в свинцовых сороковых,
как в моем пятьдесят шестом,
так и в этих — восьмидесятых —
жизнь и смерть на одном мосту,
и мы все по нему идем.

* * *

За поворотом дней, вдали,
откуда я пришел,
мне было нечего делить —
пустым был мой мешок.
Сыпучие пески текли
сквозь решето души.
Ложился журавлиный клик
под острые ножи.

И рвалась родовая нить.
И таял свет в окне.
Затих в сквозящей тишине
нестройный хор родни.
Цвели полынь и лебеда
на бросовых песках.
В пустой мешок легли: беда
и горе, и тоска.

На том пути я обретал
и мысли, и дела.
И вот... Прижег плечо металл,
каленный добела.
Прорвался стон... начался бег,
как из небытия,
скрипел песок, качался снег,
качался мир... и я.

Молчанье — золото... Молчу...
Язык — мой друг и враг...
За поворотом постучусь —
откроет двери брат.

Эдуард МИЖИТ

ЮЛА

Мечется, крутится
в бешеной пляске,
яркой раскраской пестря,
чья-то детская юла.

Кто же завел тебя,
чтоб позабыть
и оставить
на произвол судьбы?
А ведь точно так же
в диком вращении
и в пестрой смене
смертей и рождений,
мелких букашек и целых миров,
мечется, бьется
в бесовской пляске
наша Вселенная,
словно вот эта юла.
Но кто ж запустил тебя
и позабыл,
и обрек на безумства,
чья же детская рука?
Где же тот мальчик?
Слышишь, вернись же!
Видишь, юла уж пошла на последний виток.
Где же ты, мальчик?
И кто ты?

ОТРАЖЕНИЕ

Долго я мучился,
пытаясь прочесть
длинные строки дождя
на сером небе.
Но, не стерпев,
я поймал на ладонь
несколько капелек-букв.
А,
вглядевшись, узнал
свой
гипертрофически увеличенный
глаз,
который
пытался взглянуть в мир,
который
в нем же и отражался
весь.

А по щеке моей
стекала кровь
из глубокой и темной,
как космос,
глазницы.
Я понял тогда,
что бессилён
проникнуть в суть этого мира,
как и в смысл строк
этого долгого-долгого дождя.

НАЧАЛО

Словно с нечаянно-трепетным
вскриком предчувствия,
пробился росток
долгожданного
Слова,
с мучительно-сладостным стоном
Роженицы
раскрылась почка
на ветке
Весны.

ПРОСТИ

Как этот надрывно-тоскливый
звон струны,
который до боли натянул
все жилы души,
так и слеза на твоих ресницах
дрожит и звенит.
И если сорвется она,
то вместе с нею
ударится оземь и сердце мое
и разобьётся
с предсмертным стоном
рвущейся струны.

ПУТЬ МЫСЛИ

А что этот мир?
Этот мир
так похож на искрящийся снег
или на солнечный луч,
который, в призму втыкаясь иглою,
перерождается
в веер.
Но этот веер-ветер-вихрь
оттенков цветов
и вспышек страстей,
великих и малых загадок,
и горя, и счастья,
и слез, и прозрений
возможно снова собрать —
увидеть, осмыслить,
сфокусировав тонким лучом, —
лишь в седых волосах
мудреца
или в белых, как саван, костях
мертвеца.

ПРЕПАРИРОВАНИЕ

Она была похожа на мулатку
своей, как просмоленные канаты,
наформалиненную насквозь кожей,
когда ее коснулся тонкий ножик
с названием блестящим — скальпель,
в котором, правда, что-то и от скальпа.

Над нею юных эскулапов группа
склонилась, суется, ну скажем, грубо,
копаясь страстно дерзкими руками
в паху и в животе, и под грудями.
А смерть, уже бродя меж ними,
ее губами ухмыляется над ними.

ПОЛНОЛУНИЕ В МАЕ

После долгих скитаний по жизням,
по лесам, по мирам и пустыням,
наконец-то я выйду нечаянно
из кругов без конца и начала.

Выйду, скинув оковы страданий,
к той реке, мне от века же данной.
И своим долгожданным сияньем
озарит она мысль о слиянии.
Озарит, одарит созерцаньем
трепетания губ очертаний
от улыбки луны этой полной,
так напомнившей мне Гаутаму.

Федор ПОТЫЛИЦЫН

ПЕСНЯ ЯМЩИКА

(Быль старой Сибири)

Вьюга воев, как волчица
в самолове по зиме.
Подо льдом шуга стучится,
словно узники в тюрьме.

И полозья монотонно
тянут песню ямщика.
Ходит-бродит месяц сонно
по косматым облакам.

От зимовья до зимовья
в ночь идет обоз купца.
А купец пьет за здоровье
вороного жеребца.

А бочонок полон снова,
горяча медведь-доха.
На заимке ждет зазноба
и дешевые меха.

Но похмелье — не веселье:
у купца горит нутро.
«Брошу пить, пойду я в келью...
А сейчас — воды б с ведро!»

Утолить желая жажду,
спрыгнул он на кромку льда.
И — ямщик подумал каждый:
«Унесла доху вода...»

Вьюга воеет, как волчица,
в самолове по зиме.
Подо льдом шуга стучится,
словно узники в тюрьме.

Артык ХОВАЛЫГ

МОЙ АК-ХЕМ

Льются слезы смеха ледников
речкою студеного свечения.
Умываясь нежностью веков,
обожгусь о поцелуй течения.

Мой Ак-Хем, чистейший, как аржаан,
мое тело на руках держал.

Голос твой, не знающий грехов,
оплетает душу. Ах, нельзя!
Лишь коснешься тайных берегов,
вздрагивает страстная земля.

Мой Ак-Хем на ласковых плечах
колыбель любви моей качал.

СИЛА РУК

Если душу мою что-то жжет иль пронзает ударом,
если радости вьюн оплетает дыханье мое,
руки, — руки мои сразу к сердцу взлетают недаром,
защищая от крика, — пусть сердце красиво поет!

Если что-то внезапно и сильно меня напугает,
то, ведомые силой, совсем неподвластно мне,
словно крылья, ладони лицо закрывают, — слепая,
те мгновенья, как годы, живу я в пустой темноте.

Если сильно рассержена пошлой и скользкой обидой,
то ладонь моя — сердцем — сжимается в твердый кулак...
Те же пальцы ночами, ведомые слез пышной свитой,
на листе белоснежном выводят судеб тонкий знак.

Если грусть расставания ноет в груди нестерпимо,
и ресницы сгибает потерянных слов холодок,—
грудь мою отогреет своими руками любимый,
успокоит меня и на плечи накинёт платок.

Михаил ДУЮНГАР

ВСЕ ЧАЩЕ СНИТСЯ МАМА

Когда мне снится мама по ночам,
я замираю, счастье продлевая:
ее лицо — вселенская печаль...
Она в тепле лучей меня купает.

Ах, мама, мамочка моя,— жива!
Мы к ней бежим, нас восемь, самых нежных.
Мы — как ягнята, и пылит трава...
Любовь моя и жизнь моя безбрежны!

Кругом весна. Тяжелые одежды
мы сбросили, мы на кошме, мы рады
прижаться к маме; младший — как подснежник:
гляжу на мир из-под полы халата...

Но мама, как ты песней возвращала
ягнятам их заблудших матерей?!
Тогда впервые испытал я жалость
и полюбил всех маленьких детей...

Ты вечно что-то шила, утепляла.
Ах, маленькие ручки, как заплатки,
которыми овечий домик шаткий
от слякоти и ветра прикрывала.

Мои ошибки разъяснив мне робко,
терпела мудро выходки мои.
О самом главном говорила кротко:
«Любите свой народ и этот мир...»

Когда ко мне подходишь по ночам,
как наяву,— ребенком замираю,
но так хочу отчаянно кричать
о том, что я опять тебя теряю!

МЕЛОДИЯ НАШЕЙ МОЛОДОСТИ

Свободный перевод

Теплой летнею ночью к семье, как всегда, торопился.
Проходя мимо дома, когда-то знакомого мне,
я услышал рояль; звездный мир предо мною открылся —
полифония Баха звучала в открытом окне.

Покоряя пространство, волною меня накрывая,
в аромате сирени, украшенная тишиной,
омывала мне душу волной Енисея, взмывая
с каждым тактом все выше над грешной моралью земной.

Я врасплох был захвачен аккордами ночи бессонной
(понял: кто-то родной в доме том почему-то не спит)
и душа моя, вздрогнув, в ответ забурлила бездонно
и напомнила мне, как девчонкою был позабыт.

Вспомнил я, что такую же мягкою лунною ночью
обнимала меня и ласкала, сквозь слезы смеясь.
Эта девушка ночи была так по-детски порочна...
Эта музыка Баха тогда проводила меня.

Пролетели года с той минуты прощания с детством.
По любви я женился и стал многодетным отцом.
И на долгие годы ушли от меня в неизвестность
эта музыка счастья и девушка с лунным лицом.

Я стоял у окна и смотрел на нее очень долго.
Через облако шторы меня узнавала она.
Это странно, но я к ее окнам пришел через столько
лет — дослушать, как гаснет рояля струна.

Евгений АНТУФЬЕВ

ЧЕРЕМУХА

Под окном черемуху срубили.
И барак намеренно снесли.
Сколько ж лет в бараке мы прожили?
Сколько мук и горечи снесли?!

Бревна почерневшие барака
вдаль река протяжно унесла.
Белоснежно проступив из мрака,
под окном черемуха цвела...

БАЛЛАДА О СОБАКЕ

Я умер десять лет назад
И в этом пес мой виноват.

Той ночью черной, в ноябре,
Пес не привел людей ко мне.

Дверь не царапал и не выл
И раму смаху не разбил.

Я умер. Пса забрал сосед.
Теперь уже виновных нет.

Мой пес лежит у ног чужих.
Теперь живет он за двоих.

И за меня, и за себя,
Ну, что же, бог ему судья.

...Конечно, было все не так.
Недаром я люблю собак...

Зоя АМЫР-ДОНГАК

ИСКОРКА НАДЕЖДЫ

Легки шаги по тоненькому льду,
а за спиной — хрипенье жаркой пасты...
Какой судьбой я здесь не пропаду?

Собака поводка не оборвет
и выдержит прозрачный хрупкий лед?

Но если вдруг?
Любимый, руку дай.
Я знаю, что спасенье невозможно,
но ты спаси хотя бы обещай.

ОДИНОЧЕСТВО

Мы носим одиночество в себе
холодным камнем,
вечной мерзлотою.
Мы пьем вино с другими —
но с собою,
пытаясь одиночество согреть.

И душу нам сухой сорняк пробил —
трава из провалившихся могил.

Спасение — познать огонь врага.
Лишь над собой победа дорога.

ЗАЖГУ ОГОНЬ

А на колени?
Лучше я умру.
Огонь угас не на большом ветру,
очаг залит помойною водой —
твоей рукой.

А на колени?
Лучше я умру.
Я стала тенью для тебя в жару.
Теплом тебя оттаяла во льду —
отныне я в твою судьбу иду.

Раскинуть сердце на большом пиру,
от счастья плакать,
от тоски летать,
огнем надежды душу очищать...

Пойми, что на коленях я умру.

Любовь БАТУРИНА

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ДЕНЬ СЕРДЦЕМ ПРАЗДНУЮ

Я в свою весну лишь вчера вошла,
оглянулася — а уж жизнь прошла.

Мне все думалось, что она длинна.
Пригляделась — с кончик веретена.

Все не верилось, что ты, жизнь, строга.
Убедилась: ох, жестка, жестка.

Радость вешнюю, счастье сладкое —
все дарила мне, да украдкою.

Лиха горького не скупилася
и с печальями торопилася.

Все равно люблю тебя, разную.
Каждый новый день сердцем праздную.

ПИШЕТ БРАТ...

Пишет брат: «Приезжай, сестра.
Болен я, тяжело болен я.
Может, есть у тебя чудо-трава?
Слышишь, родная, спаси меня...»

А я не знаю, где чудо найти,
а я не знаю, как брата спасти...
А я не знаю, как разрубить
болезни коварную нить...

Пишет брат: «Приезжай, сестра.
Внука невестка на днях принесла.
Памятью станет он обо мне,
Продолжит мой след на Земле...»

А я не знаю, как мне быть,
а я не знаю, как слезы скрыть,
чтобы при встрече не нанести
боли его исхудавшей груди.

Пишет брат: «Поспеши, сестра.
Видеть хочу напоследок тебя.
И передать низкий поклон
сторонке, где был я рожден».

А я не знаю, где чудо найти,
а я не знаю, как брата спасти...
Но всей душою хочу разрубить
болезни смертельную нить.

Да, как бы хотелось мне разрубить
болезни смертельную нить.

ПРИЧИТАНИЕ

Разгулялося, разыгралося
солнце алое,
ох, солнце ярое...

А сердечный друг
среди бела дня,
среди бела дня
беспечально спит...

И не ведает, и не знает он,
что сыра земля —
теперь его дом...

Ох, теперь его дом...

**МОЛОДОСТЬ
ЗВОНКАЯ...**

Молодость звонкая,
где ты отпела?
Ниточка тонкая,
куда улетела?

Зрелостью стала
или метанием?
Все, что искала,
стало ль призванием?

Ниточка тонкая —
молодость звонкая...

Инна ДУБНИКОВА

СЫН

От солнечной, сухой осенней кроны
оторваны легчайшим ветерком,
мы — два листа, кружащиеся сонно
в огромном мире, тихом и пустом.

Мой маленький,
из светлого гнезда,
из копошений,
пестреньких пеленок
вдруг вырастает любопытный взгляд,
он расцветает,
он лукав и тонок,
он ластится весеннею травой...
И до страданий —
никакого дела,
и неразлучно маленькое тело
с веселой и бесстрашною душой.

ВЕРЛИБРЫ

Прошлой осенью
желтые прозрачные яблоки
хвостиками вверх
загорались
круглыми праздничными свечами.
Прошлой осенью
в зеленых прозрачных яблоках
рыбами плавали
семечки и ленивые червяки.

Прошлой осенью
красные яблоки
бились в сетке.
И было страшно
откусить
или поранить кожу.

* * *

Уголь нашего времени
гел вчера.
Лица смыла вода,
в которой мы были вчера.
Подними упавшее солнце —
и нечто на смуглом плече
станет пчелой.

Для юных читателей

Окан-оол НАМЧЫЛАК

«НЕСЕРЬЕЗНЫЙ» КЛАСС

(Рассказ)

В нашем классе было семнадцать мальчиков. Мужская школа стояла на берегу Енисея. Поскольку тогда вокруг никаких других зданий не было, мы вдоволь любовались рекой. В те годы почему-то школы делились на мужскую и женскую.

В класс заходит учитель математики Николай Матвеевич, по-нашему «Никмат». Веселый такой, никогда не унывающий и не обидчивый на наши проделки. Все учителя, в том числе завуч и директор, мягко говоря, не обожали наш класс, в один голос заявляя, что седьмой «б» — несерьезный класс. Поэтому мы объединились вокруг «Никмата» как нашего неформального руководителя.

У «Никмата» седеющие волосы, всегда аккуратно причесанные, они молодят его бледное лицо. Каждый раз он приходит в класс с уймой всевозможных вещей. Из огромного портфеля достает что-то громоздкое, одновременно извлекает из кармана разную мелочевку — вроде мела, резинки, карандаша, кнопок. Под мышкой зажаты самодельная метровая линейка и еще что-то...

Пока он все это извлекает, расставляет на столе, шутит с нами: «Как ночевалось, молодые люди?» — При этом он даже не обращает внимания на то, что в классе не все.

Первый стук в дверь. Тихо в класс вваливается один из «вечных» — все время опаздывающих на первый урок. Это наш Анисимов, не по возрасту высокий, неуклюжий, смешной. Куртка на нем беспомощно висит, обут он в самокатки с короткими голенищами. Мы исподтишка подшучиваем над ним: «Как там, наверно? Не холодно, не жарко?» Он на это не обижается.

Тем временем раздается новый стук. В дверях появляются сразу двое: голубоглазый молчун, в углу рта всегда улыбочка — это Гена Соколов; его напарник тоже с птичьей фамилией — Орлов. В отличие от друга Лева хитроват, громкоголос, баритонном чинно здоровается с «Никматом». За себя и за друга просит разрешения сесть, при этом так озорно подмигивает классу, что вызывает беззвучный смех.

Снова стук. Медленно открывается дверь, входит, вернее появляется сперва чей-то зад, потом сгорбленная спина в меховой куртке, а затем уже пушистая лисья шапка-ушанка, которая оборачивается красным от мороза, виновато улыбающимся лицом. Это — наш Ваня Долгов. Он зажимает меж колен толстенный портфель, освобождая обе руки: левую, чтобы снять шапку, правую, чтобы пригладить рыжий чуб. Здоровается Ваня зычным голосом, при этом чуть наклоняется вперед. За этот подобострастный поклон он получил прозвище «Чин».

Вся процедура с опозданиями ежедневно точь-в-точь повторяется, поэтому учитель знает, кто заходит, за кем следует и не удостаивает опоздавших вниманием. После зычного приветствия «Чина» учитель начинает свой урок. «Никмат» был не без странностей. Он любил балагурить, у него в запасе было много высокопарных слов, типа таких вот:

— Итак, друзья, садящиеся и сидящие, начнем геометрию. Гео — земля, метр — слово известное любому, кто имеет дело с измерениями. Отсюда делаем вывод: это — наука изучающая... — и начинает. Я не мог судить, насколько верно он определял слово «геометрия», но свой предмет «Никмат» преподавал превосходно. Нашим башкам, набитым всякой всячиной, удавалось постигать теоремы, доказательства и прочее. По его предметам, кроме одного, никто в седьмом «б» не отставал.

Когда учитель начинал объяснять новый материал, в классе самым внимательным был мой друг Коля Румянцев. Он немигающими серыми глазами следил за рукой учителя, не пропуская каждый его жест. При этом он был так сосредоточен, что даже уши у него начинали шевелиться.

Мы сначала думали, что Коля математику усваивает хорошо. Не тут-то было! Вызовут его к доске, а он глазами хлоп-хлоп, как самый последний дурак. Становится ниже ростом, на учителя прямо не смотрит и всегда шепотом бубнит невнятное. И вот наш аккуратный «слушатель» вновь получает «парочку».

Секрет как-то мне открыл сам Коля: оказывается, когда он слушает объяснение учителя, обыкновенно... спит. При этом с открытыми глазами! Он у нас какой-то неорганизованный был.

На задней парте среднего ряда сидели два неразлучных друга: Серега Желтов и Сеня Сарыг (сарыг — желтый по-тувински). Читатель и без моего объяснения, наверное, догадался, что их прозвище было «Желтые». У них была своя тактика ответов. Когда одного вызывали отвечать, другой обязательно «выручал» по-своему. Тот, кто оставался на месте, так горячо отрицал ответ другого, или, напротив, поддерживал до хрипоты, что в конце концов учителю приходилось поправлять ребят, чего и добивались «Желтые»! Со стороны это выглядело так искренне, что учителю нельзя было не прийти на помощь в поиске истины. Они были подвижнее всех нас, сообразительнее. Выручали друг друга не только на уроках, но и в других ситуациях школьной жизни. На лыжной эстафете, например, вставали друг за другом и всегда занимали призовые места.

У нас был военрук (такой единицы в школе не было, но мы все равно называли его так) старший лейтенант Сергеевич. Мы не знали, да и не было необходимости знать его настоящую фамилию и имя: товарищ старший лейтенант — и все. Кадровый военный, участник финской кампании, в начале войны он служил командиром саперной роты, был тяжело ранен и комиссован. В Кызыле он был одновременно и командиром ополченцев.

Невысокого роста, для военного немножко мешковат, на одну ногу он прихрамывал. Но зато был подвижен, всегда с начисто выбритой головой и вечно недовольным выражением глаз. Может, оттого, что случай не дал ему повоювать до победы над фрицами.

Надо сказать, мы очень серьезно относились к занятиям по военной подготовке, хотя проводились они внеурочно. Особо отличались здесь, как и везде, «Желтые». Они каждый раз заслуживали похвалу этого сурового человека.

На руки нам выдавали настоящие боевые винтовки с настоящими патронами. Никто этим доверием не злоупотреблял, никому в голову не приходило баловаться в военное время столь серьезными штуковинами.

Сеня и Серега были надежными помощниками военрука. Им он больше всех доверял, разрешая им раздавать винтовки и патроны. «Желтые» этим гордились, а мы втайне по-мальчишески завидовали.

Но странно было в нашем смешанном классе то, что по русскому языку и литературе лучше успевали не сами русские ребята, а мы, тувинцы. Очевидно, сказывалось наше стремление овладеть могучим русским языком. У Александры Николаевны, учительницы русского языка и литературы, большим до-

верием пользовались два друга. Они тоже сидели на задней парте, в первом ряду. Это «Сансамы» — Сандан Самбын и Санаа Самдан. На уроках точных наук оба «Сансама» явно чувствовали себя не в своей тарелке, зато по русскому языку они всегда получали одни «пятерки».

Мы начинали учиться в школе с девяти-десяти лет. Поэтому нам почти всем, особенно тувинским ребятам, было уже по семнадцать лет. Были мы кто комсомольцем, кто ревсомольцем. Несмотря на то, что класс делился на две молодежные организации, мероприятия проводились по комсомольскому образцу. Группкомсорг Вася Тихомиров по характеру вовсе не соответствовал своей фамилии, был он шумным, беспокойным, дотошным и принципиальным пареньком. Побаивались его даже учителя. Учился он хорошо, но слыл большим книжником. Некоторые учителя его на полуслове прерывали, когда он слишком буквально излагал материал. Тогда он сбивался, но не сдавался, настойчиво достигал заветной «пятерки».

Организатором он был отличным. Устраивал вечера, организовывал комсомольские кроссы и субботники, проводил беседы. Делами комсомола увлекал всех, в том числе и нас, ревсомольцев, хотя у нас формальным секретарем ячейки был угловатый парень по имени Кара-оол Демчик. Он просто следовал за Васей, добросовестно помогал ему. Мы тогда комсомольским званием здорово дорожили.

Школа наша в полном смысле этого слова была интернациональная. Кроме тувинцев и русских, обучались татары, хакасы, буряты, корейцы и китайцы. Мы как-то само собой, без всяких там нравоучений со стороны взрослых, жили и учились дружно. Нас даже языки сближали: русские свободно владели тувинским, а мы — русским. Вася Тихомиров, Серега Желтов, Коля Румянцев и «Сансамы» настолько владели обоими языками, что их часто приглашали в качестве переводчиков то в больницу, то в тувинскую школу, а то и в юстицию.

Тогда Кызыл со всех сторон был облеплен юртами аратов. Они, естественно, держали свой скот, и мы делились припасами с русскими друзьями. Это были мясо, молоко и другие продукты, которых так не хватало в городе и которые отпускались по карточкам. Поэтому наши товарищи зачастую недоедали.

Особенно страдал от этого мой друг Коля Румянцев. Толстый, малоподвижный, добродушный по характеру, он всегда что-то жевал. Я приносил для своего друга что-нибудь из дома. Зимой это был курут — сушеный до окаменения тувинский творог или быштак — сушеный, слегка закопченный сыр. Мой

взрослый и серьезный друг, когда ел, становился похож на ребенка: нарочито мурлыкал, как кот, улыбался сам себе.

Из предметов Коля больше всех любил историю. А почему — он мне как-то объяснил:

— В истории каждого народа любое значительное событие обязательно так или иначе связано с войной. Вот и сейчас идет самая страшная из них!

Он меня тогда плохо убедил, но вскоре я вынужден был вспомнить и по-настоящему оценить его слова.

Пришла весна. Снег начал таять. Но Енисей еще держался «Вечные» все чаще стали опаздывать на уроки. В это самое время в нашем классе произошло неожиданное событие.

Шел обыкновенный урок. Вдруг через окно мы увидели идущих в школу двух офицеров в форме. Один из них был наш: Сергеевич. Я его еле узнал. Строгие погоны, на груди, с правой стороны, ордена Боевого Красного Знамени и Красной Звезды, а на левой блестели на солнце медали. Таким мы его никогда не видели и были приятно удивлены. Рядом шел высокого роста статный военный, одетый по-полевому. Через несколько минут они зашли прямо в наш класс! Мы все оторопели, вразнобой встали. Учитель непонимающе моргал глазами. Военные, отдав честь не то всему классу, не то ему, извинились и поздоровались. Мы восхищенно (особенно Лева Орлов) рывкнули:

— Здравия желаем, товарищ военрук!

Наше приветствие, наверное, было правомерным, потому что не знали, какого звания незнакомый офицер. Старший лейтенант пошептался с растерявшимся учителем и объявил построиться на улице всем классом. Сережа Желтов моментально скомандовал:

— Учебный взвод, встать! Бесшумно выйти из класса!

Мы гордо последовали его команде. Там он же построил нас в один ряд, а сам встал во главе. Только теперь заметили, что незнакомый офицер был с капитанскими погонами. Не терпелось узнать, что же будет дальше.

— Кого назову, выйти из строя,— каким-то мягким голосом сказал военрук.— Соколов!

— Я!— отчеканил Гена и вышел из строя.

— Орлов! Румянцев! Желтов! Тихомиров!— подряд назвал он. Все четверо вышли и встали с Геной рядом.

— Ребята!— совсем по-отечески начал капитан.— Я как фронтовик рад познакомиться в этой далекой и такой близкой сердцу советского человека Тувинской Народной Республике

с молодыми патриотами, которые изъявили горячее желание пройти курсы ускоренной подготовки младших военных специалистов. Приветствую ваш класс, который посылает из своей среды добровольцев, искренно желающих влиться в ряды доблестной Красной Армии!

Вот оно в чем дело! Так подумал каждый из нас. Только после этого мы поняли, что пятеро наших одноклассников оказались сообразительнее остальных. Желтый-второй — Сеня — первым подошел к своему другу и сказал с сожалением:

— Серега, у меня нет с собой ничего, что бы тебе дать на память! Это все так неожиданно. Вот, разве, курут тебе дать? — протянул он ему большущий, с кулак, кусок сушеного творога.

Это было так трогательно, что даже суровые офицеры тихо улыбнулись. Мы опомнились и стали спешно засовывать в карманы ребят все, что у нас было. Я дал Коле кусок вареного мяса, который утром мама сунула в мою сумку. Мой бедный друг, по своему обыкновению улыбаясь, начал есть здесь же, при всех.

Тем временем прозвенел звонок, и вся школа выбежала на улицу. Наш класс окружили плотным кольцом. Некоторые, увидев, как мой друг уплетает баранину, ехидно заулыбались. А у меня к горлу подкатил комок, слезы невольно брызнули из глаз. Жалко мне стало добродушного друга: как же он вынесет все лишения и тяжкие испытания войны?!

Капитан посерьезнел и повернулся к выстроившимся ребятам. Стал поименно знакомиться. Сперва он подошел к Гене.

— Как фамилия? — строго спросил офицер.

Гена, сверкая голубыми глазами, тихо, но с достоинством ответил:

— Соколов, товарищ капитан!

— Хорошо! — как-то заодно улыбнулся офицер. — Ты у нас будешь настоящим соколом! А твоя как? — спросил он, повернувшись к другой нашей «птичке».

Тот, озорно подмигнув всем, громко отчеканил:

— Орлов, — товарищ капитан!

— Отлично! — вновь заулыбался капитан. — Ты тоже у нас станешь настоящим орлом!..

Как мы ни старались, нас не пустили ни в медпункт, где предварительно осматривали новобранцев, ни в клуб, где разрешалось свидание с ними лишь родным и близким. Они так и остались в нашей памяти: озорные, беспечно веселые, очевидно, не понимавшие до конца, какую взрослую ответственность добровольно взвалили на себя.

Эти пятеро ребят стали первыми безвозвратными потерями нашего «несерьезного» класса: все они не вернулись с войны...

После них ушли на фронт и другие ребята из нашего класса. Но те, первые, почему-то навсегда врезались в память. Может быть, оттого, что были они такие беспечные и веселые. Им бы жить да жить...

Нил ЧЕМЕЗОВ

РАСЧЕСКА

(Рассказ)

Когда дед Егор вытащил из брезентовой сумки треугольное письмо, мать, чистившая в бабьем углу картошку, недоуменно пожала плечами:

— От кого бы это? Вроде никому не писала.

— А я беда знаю?— пожал плечами почтальон, переминаясь с ноги на ногу у порога.— Армейское, без марки...

Мать поднялась со скамейки, вытерла о фартук руки, взяла треугольник с синим штемпелем военной цензуры, вгляделась в надпись и, наливаясь бледностью, растерянно пробормотала:

— Неужто от Мити?

Она дрожащими руками развернула письмо, прочитала первую строчку, схватилась за сердце и на весь дом закричала:

— Жив наш отец, ребятишки! Жив!!

Метнувшись к опешившему почтальону, она расцеловала его в густую седую бороду, потом прижала к себе Таню с Мишкой и, как безумная, стала тормошить и целовать их.

— Жив наш папка, жив! Боже мой, какая весточка, спасибо тебе, Егор Евлампич! Боже мой!..

Старик ласково улыбнулся и отправился дальше. А они втроем подсели к непокрытому кухонному столу и мать, бережно разгладив письмо, взволнованным голосом стала читать: «Здравствуйте, дорогие мои жена Лена и детки Миша и Танечка! Вы, наверно, считаете меня погибшим и перестали ждать, а я живой и, как только поправлюсь, приеду домой. Хочу сообщить, почему так долго не писал писем. В первых боях оказался в окружении, был ранен и попал в плен. Потом мы, несколько человек, сбежали от немцев и прибились к партизанам.

Снова стал воевать. Нынче в мае меня опять ранило. Из партизанского лагеря вывезли на самолете. Сейчас лежу в московском госпитале, остался без правой ноги...»

Дочитав письмо, мать сорвала со стены обшарпанную плюшевую жакетку, накинула ее на плечи и, забыв про платок, ринулась к двери.

— К золовке сбегаю, к тетке, к подругам!— бросила она с порога.

Таня и Мишка тоже не могли оставаться на месте.

— Побежим к Кланьке, расскажем про папкино письмо!— говорил брат, торопливо натягивая ботинки.— Потом к Петьке!

— Побежим!..

Вечером, когда на столе тускло горела семилинейная лампа с надломленным стеклом, а в углах кухни стоял сумрак, мать задумчиво посмотрела на ребят и сказала:

— Чем будем встречать отца? Он ведь израненный весь, больной! Ему сейчас сахарный кусок надо: мясо, меду, жиров вдоволь. А у нас только картошка, соленые огурцы, капуста да полпуда муки. И надеяться не на что. На трудовень опять пшик обещают! Что делать, как быть?..

Брат с сестрой дружно ели рассыпчатую картошку в мундире, посыпая ее крупной солью, прихлебывали из кружек молоко и молчали.

— Кабы знатьё,— продолжала мать,— я бы летом бабий копеж устроила. И масло было бы сейчас, и яйца. Окоротишь — не воротишь!..

После ужина она долго ходила по кухне с опущенной головой, потом остановилась перед ребятами и решительно сказала:

— В нитку вытянемся, а встретим отца, как положено! Первым делом, ребята, пояски придется затянуть. Молоко будем хлебать только снятое, все на сметану пойдет, муку экономить. И про яйца забудем! Курчонки хоть вынеслись, но десяток-другой накопить еще можно. Телка бы или поросенка купить! Без мяса отца не поднимешь!..

В тот вечер она долго ворочалась на широкой деревянной кровати в горнице, вздыхала да охала. Не спалось и Тане с Мишкой. Они, как обычно, лежали на полотах, растянувшись на овчинном тулупе под домодельным рядном, и шептались.

— Теперь у папки деревянная нога будет, как у дедушки Первухина,— дышал в Танино ухо брат.

— Наверно!— соглашалась Таня, видя перед собой старого седебородного инвалида, медленно, с остановками, ковыляющего по улице.

Деду Первухину оторвало ногу почти до колена осколком снаряда еще в гражданскую войну, когда он был в красных партизанах и воевал с колчаковцами. С тех пор он ходит на деревяшке, прикрепленной ремнями к поясу, опираясь коленом на тряпичную подушечку в выемке самодельного костыля.

— И на комбайне он работать не сможет,— продолжал Мишка.— С деревянной ногой на него не залезешь. Будет только по двору ходить или сидеть у окна да смотреть на улицу.

— Страх-то какой!— ужасалась Таня.— Все ходят, бегают по деревне, а ты сиди!..

— Знаешь, Танька! Нам надо какие-то гостинцы ему припасты. Без гостинцев нельзя. Обидится! Скажет: столько не виделись, а встретили с пустыми руками!

— Надо. Только у меня ничего нет.

— Я вот что сделаю. Каждый день буду ловить рыбу, она на Быстрой сейчас хорошо клюет. Целый туес насолить можно и поднести ему. Пусть с картошкой ест.

— А я рыбалить не умею!

Полутру, когда Мишка был в школе, мать вернулась с дойки, скинула с себя кирзовые сапоги, пропахший молоком и навозом ватник, умылась под рукомойником и не мешкая, зашла в горницу. Она открыла большой ирбитский сундук, в недолгом раздумье постояла над ним и тяжело вздохнула.

— Крути не крути, а делать нечего.

Таня, синеглазая, белоголовая, тонкая, как лозинка, в холщовом домотканом платьишке, с удивлением посматривала на мать. А та принялась вытаскивать из сундука и укладывать на кровати красивые вещи: брюки, рубахи, отделанную кружевами батистовую кофточку, шелковый цветастый платок, юбку, две ночные сорочки, завернутые в тряпку хромовые сапоги. В горнице остро запахло табачными листьями, которые кладут в беле, чтоб не завелась моль.

Оглядев богатство, мать вернула на прежнее место отцовские пожитки, а остальное стала завязывать в платок.

— Вот эдак вот!— произнесла она, сдвинув красивые черные брови.— Остатки добра терять приходится. Нужда заставит калачики есть! Пойду к Буренихе, выменяю на свинку, сегодня договорились на ферме. Подрастим, подкормим, а к приезду отца забьем. Тряпки дело наживное, после войны все заведем. Правда, доченька?

— Правда,— кивнула Таня, отведя глаза в сторону и чуть не до слез жалея этот узелок.

Проводив мать к Буренихе, девочка уселась на пол в углу кухни, открыла облезлый фанерный чемодан с игрушками и пригорюнилась. Мать покупает для папки свинку, будет копить масло и яйца, Мишка насолит ему туес рыбы, а она? Что у нее есть? Тряпичная кукла с нарисованными химическим карандашом глазами, ртом и носом, коричневый плюшевый медвежонок без передних лап и одного глаза, фарфоровая тарелочка, разноцветные стеклышки, речные камешки и все!..

Мать с Буренихой, рябой крупнолицей бабой с наглыми светлыми глазами и оглушительным хохотом, привели на веревке пятимесячную свинку, такую длиннорылую и изморную, что тоскливо было смотреть. Мать посадила эту уродину в загородку в стайке, каждый день стала варить ей по три чугуна картошки и все кручинилась:

— Жрет как на прорву, а ни капельки не жиреет! Одни мослы! Все на рост идет. Отрубей бы хоть немножко достать, болтушку ей, окаянной, делать!

Весь удой она ставила на сметану и каждую неделю бралась за маслобойку, а яйца по одному-два в день закапывала в подполье в ящик с печной золой. Экономила и муку, все больше добавляя в пресные лепешки сухой толченой лебеды, отчего они становились горькими, как полынь. На еду варила только картошку, да прибеленные снятым молоком супчики.

— Отец приедет, тогда разговеемся,— ободряла она приунывших ребят.— Терпеть не беда, было бы чего ждать. Проживем!..

Мишка, прибежав из школы и наскоро перекусив, надевал старую фуфайчонку, брал длинную тальниковую удочку, жестяную банку с удильными червяками, которых копал за стайкой, в перепревшей навозной куче, и уходил на речку. Дело шло к холодам, землю по утрам нет-нет да и схватывало морозцем, погожие дни выдавались редко, и неизвестно было, как он там терпел. Прозябнув до костей, с оширшевевшей кожей, шмыгая вечно мокрым носом и часто заходясь в мучительном кашле, Мишка возвращался домой в потемках, принося на кукане по пять-семь ельчиков и окунишек. Выпотрошив рыбок, он присыпал их серой солью и складывал в большой туес, укрытый в пустом мучном ларе в кладовке. Таня с завистью примечала, что туес, хоть и помаленьку, но наполнялся.

По первому зазимку, когда раскисшая от дождей земля стала клеком и местами покрылась сухим мелким снегом, Егор Евлампиевич принес письмо от отца. Тот велел больше не писать ему и обещался вскорости приехать домой.

Мать изменилась до неузнаваемости. Раньше была сердитой, чуть что, хваталась за хворостину и давала такого крутиля, что брат с сестрой ревели лихим матом. А тут ее будто подменили. На дойку едва не бегом, с фермы тоже, за что ни возьмется, все у нее горит в руках. Худенькая, синеглазая, похожая на девушку-невесту, она похорошела, повеселела и даже стала распевать песни, которые, казалось, давно забыла. И на себя брала внимание. В горнице протерла большое настенное зеркало и по нескольку раз в день останавливалась перед ним. А перед сном чем-то подолгу натирала лицо, шею и огрубевшие обветренные руки.

Мишка, неровно, «под овечку», остриженный ножницами, лопухий и большеглазый, беззаботно расхаживал по кухне и хвастался:

— Полтуеса рыбы насолил! Еще штук двадцать поймаю и хватит. Вот уж уважу папку, так уважу!

— А у меня ничего нет,— огорченно говорила Таня и по ее щекам катились слезинки.— Совсем ничего!..

Однажды в теплый, на диво солнечный день, когда девчонки играли в прятки около деревянного колхозного клуба, Таня нежданно-негаданно увидела в куче мусора то, что ей так было нужно: большая черная расческа.

Вскоре она сидела на широкой лавке у окна и любовалась старательно вымытым под рукомойником и протертым до блеска приобретением. Расческа была хоть куда! На длинной ручке с извилистой линией по краям изображены три листочка, а в середине похожий на ромашку цветок. Крайние толстые зубья целые, только от одного маленько отломлено, а тонких двадцать семь штук. Девятнадцать около ручки и через небольшой промежуток еще восемь. Узнать количество зубьев Тане не составляло труда, второклассник Мишка давно выучил ее считать до ста.

Когда брат явился домой, Таня с гордостью покрутила перед его носом найденной вещью:

— А я вот что подарю папе! Видел?

Мишка взял расческу в перемазанные чернилами руки, провёл ей по длинной, с яминой посередине, голове и пренебрежительно бросил:

— Зубьев мало!

— Расчесываться хватит.

— Все равно мало! Была бы новая, тогда дело другое.

— А у тебя и такой нет! Твоих рыбок съедят, а расческа останется навсегда!

Дождавшись ухода брата на речку, Таня бережно завернула свое сокровище в холстинную тряпочку и спрятала его в горнице под старинный пузатый комод.

В середине октября в Саянах выпали снега, установилась санная дорога и из Полкановки стали ходить в Азасское заготовлено обозы с мешками ржи и пшеницы. Путь туда не ближний, под шестьдесят верст. Через глухую тайгу, болота, реку Медвежью, за два высоких перевала. Кони за лето не успели выправиться, были заезженные, и на одну поездку уходило по три дня, а в непогоду, по убродной дороге, и того больше. Домой обозники, три-четыре девушки и два вышедших из годов старика, обычно возвращались поздним вечером или ночью.

В дни, когда должен был прийти обоз, мать, Таня и Мишка допоздна не ложились спать. Пекли на железной печке драники, пили настоящий на белоголовнике и смородиновых листьях чай, вели долгие разговоры. Если на улице раздавался скрип полозьев, они затихали и, глядя на белые от изморози окна, вслушивались: не остановятся ли у ворот сани с вернувшимся домой отцом?

И дождался! Он приехал глубокой морозной ночью за три дня до октябрьского праздника. Таня и Мишка так разоспались, что не слышали, как хлопнула калитка, и отец постучался в окно. Разбудил их истошный крик матери:

— Ребятишки, вставайте! Папа приехал! Вставайте!..

Таня и Мишка, в одних трусах, ничего не соображающие со сна, горохом скатились с полатей.

Отец стоял у порога, слабо освещенный лампой. В длинной серой шинели, из-под которой торчал один заснеженный катачок, с костылями под мышками, в какой-то сизой шапке-ушанке, высокий, черный, пахнувший сеном и холодом. Рядом с ним на полу лежал туго набитый вещевой мешок.

Мать, в короткой ночной рубашке, босая, с растрепанными волосами, прильнула к нему, целовала его в губы, глаза, щеки, плакала и хрипло выкрикивала:

— Митенька!.. Митенька!.. Митенька!..

А он, расставив костыли и нагнувшись вперед, чтоб не упасть, молчал. Наконец мать опомнилась, оглянулась на ребят:

— Господи! Что же это я! И с детьми не дам поздороваться!

Отец не мог нагнуться, чтобы поцеловать Таню с Мишкой.

— Здравствуйте, детки!— глухо сказал он, глядя на них блестящими запавшими глазами.— Выросли-то оба как! И не узнать!..

И, взяв Танину и Мишкину руки, прижал их к своим колючим, холодным и мокрым щекам.

— Раздевайся, Митенька, проходи!— металась по кухне мать, миглом натянув на себя юбку с кофтой.— Промерз, поди проголодался! Сейчас поставлю самовар, затоплю железянку, поджарю яишню!..

Отец, остриженный под машинку, худой, темнолицый, в выцветшей гимнастерке, на которой посверкивала медаль «За отвагу», сел за стол, прислонив к простенку костыли и вытянув перед собой ногу в большом сером катанке. Другой ноги у него не было почти по пах. Из-под гимнастерки торчала толстая культя в обрезанной и грубо зашитой черными нитками штанине. Таня и Мишка, оробевшие, растерянные, молча стояли перед ним, как перед чужим человеком, боязливо поглядывали на его заросшее щетиной лицо, на эту ужасную культю и не смели подойти. А отец, перехватив их взгляды, сипло просил хлопотавшую у печки мать:

— Да не суетись, Леночка! У меня хлеб, свиная тушенка, сахар есть. Самовар поставь и ладно. Ну-ка, сынок, подай рюкзак!

Развязав выцветший зеленый мешок, он выложил на стол две буханки пшеничного хлеба, которым вкусно-превкусно запахло в доме, четыре больших банки заграничной тушенки, пачку пиленого рафинада в синей обертке и протянул Мишке складной нож с блестящей перламутровой ручкой:

— Тебе подарок, сынок. Немецкий! Потом расскажу, как он мне достался. Целая история! А тебе, Танечка, косынка. Давно берегу. На, полюбуйся! А маме материалу на платье. Недорогой ситец, но, по-моему, красивый, веселенький!

У Тани захолонуло сердце. До чего прекрасной была тонкая, почти невесомая косынка с васильками по углам и узорчатой каемочкой!

— О себе надо было думать, а он еще и на подарки разорился!— с ласковым укором сказала мать, вся светясь, приложив отрез к невысокой груди.— Ой, какая прелесть!..

Она любовалась ситцем, довольный Мишка вертел в руках нож, а Таня, чувствуя себя на седьмом небе, прижимала к хуленькой груди косынку.

Мать и отец, перебивая друг друга, пустились в разговоры о тех, кто за эти годы умер в Полкановке, кто вернулся с войны, кто погиб или потерялся в боях, кто уехал из деревни, правдами и неправдами получив паспорта. О госпитале, отцовском здоровье, плохих урожаях, нищенских трудоднях, глубоких ны-

нешних снегах, ранних морозах и многом другом, перескакивая с пятого на десятое.

— А я рыбы тебе наловил!— выбрал момент Мишка.

Насунув катанки, в одни трусах, он выскочил в сенцы и принес туес. Отец вытащил одного ельчика, отведал его и улыбнулся сыну:

— Спасибо за угощение, рыбак! Отведу душу! Сколько времени нашей сибирской рыбки не едал!..

Таня, накинув на острые плечи косынку, тут же слетала в горницу и протянула отцу расческу.

— И я тебе подарок припасла!— прошептала она, потеряв от волнения голос и внимательно глядя на него горящими глазами.

Отец повертел расческу в руках, положил ее на край стола, потом притянул Таню к себе и глубоко вздохнул:

— Эх, ребяташки вы мои, ребяташки! Из нета ничего не скроишь!..

Когда легли спать, Мишка повернулся к сестре и самодовольно прошептал:

— Моя рыба папке понравилась! Про расческу ничего не сказал, а рыбу ел и хвалил!..

Он сунул под подушку складник, еще раз что-то пробормотал про отменню вкусную рыбу и сладко засопел. А Таня не могла уснуть. Пялила глаза на близкий темный потолок, слушала невнятный говор родителей в закрытой горнице и, бесконечно расстроенная, думала. Правду сказал Мишка! Рыбу хвалил, а расческу положил на стол и все. Почему она не понравилась отцу? Такие красивые листочки, цветок на ручке и тонких зубьев целых двадцать семь штук!..

Алексей КУУЛАР

КТО КОГО ПРОУЧИЛ!

(Сказка)

Однажды ночью школьные принадлежности мальчика Семенчика, разбросанные в беспорядке по всему столу, завели такой разговор.

Первой пожаловалась Книга:

— Перед самым учебным годом хозяину купили новенький

портфель, тетрадь, карандаш, ручку, резинку. Как он лелеял нас первое время! А мы, бедные, радовались, что попали к такому доброму, чуткому хозяину. Но радость была недолгой — хозяин наш изменился прямо на глазах. Мне, например, вымазал все страницы, теперь чистого листочка во мне не найдешь. Пачкает портреты заслуженных людей, которыми я так гордилась, рисует им усы, одевает шапки, вешает на бока сабли — мне даже стыдно смотреть в лицо чистым книгам.

— Книга совершенно права. Но больше всех обижена я, — заговорила Тетрадь. — Каждый раз он делает ошибки. А вам Ручке, Карандашу и Резинке лишь бы поручение хозяина исполнить. Пишете да стираете без конца, скоро на моих листах уже дырки появятся. Вот сегодня вырвал несколько листов, самолет сделал. Скоро от меня одна обложка останется...

— Тебе ли плакаться! — прервала жалобы Тетради Ручка. — Ему целую кипу тетрадей припасли. Дадут новые. А тебя на отдых отпустят. А вот мне какие муки предстоят?! Дня не проходит, чтобы он не вытащил из меня внутренности и не превратил меня в пушку. Даже умудряется стрелять из меня в девочек. Или посмотри на бедняжку Резинку: хозяин ею так стирает, что от нее только кожа да кости остались.

Тут в разговор включился Карандаш:

— Хозяин все стены, заборы и парты мною разрисовал. Недавно купили ему игрушечный пистолет. Так он превратил меня в пулю, всего изломал. Скоро конец мне.

— Друзья, все ваши мучения ничто по сравнению с моими. Всех вас таскаю на себе я. Но этого мало. Хозяин впихивает в меня все: и обувь, и игрушки, и разное барахло. Иногда живот мой чуть не лопается. Разукрасил меня разными наклейками, лица на мне нет. Хватает за ляжки и дерется мною с другими мальчиками, — вздохнул Портфель.

— Друзья, нашему терпению пришел конец, — вновь заговорила умная Книга. — Необходимо принять какие-то меры. А то он нас и жизни лишит, и сам по учебе отстанет. Давайте как следует проучим хозяина. Может, тогда он поумнеет, изменит свое отношение к нам...

Утром Семенчик еле-еле поднялся. Наскоро умывшись, побежал в школу. И все-таки чуть не опоздал. Уже последние ребята заходили в классы, когда Семенчик бросился в дверь. С силой дернул зацепившийся за дверную ручку портфель и порвал его. Все вещи высыпались на пол. Собрав их в охапку, он сунул их в разорванный портфель и еле донес до своей парты.

Началась письменная работа. Семенчик засуетился, но ручку не нашел. Ни у кого не оказалось лишней ручки, и Семенчик так и просидел весь урок. В конце урока учительница поставила ему в дневник жирную «двойку».

Второй урок — чтение. Перелистав истрепанный учебник, Семенчик еле нашел нужный рассказ. Все читают без запинок. В журнале одна за другой появляются хорошие оценки. Семенчик прочитал про себя несколько предложений, подумал: «Вроде неплохо получается». И вот учительница назвала его фамилию. Мальчик разволновался, потерял то место, откуда должен был начать. В глазах зарябило от скачущих букв и строчек. Кто-то громко подсказал: «Начни со слова «Солдаты». Но и это не помогло. Опять — «двойка». На глазах Семенчика выступили слезы.

Третий урок — математика. Семенчик раньше не отставал от других по этому предмету. Он смело вытаскивал из портфеля счеты. Но не тут-то было. Вдруг оторвалась одна из планок, и костяшки рассыпались по всему классу, подобно вспугнутой отаре овец. Пока весь класс охотился за ними, прошла половина урока. Только потом взялись за решение примеров. Семенчик зубами разгрыз карандаш, так как нечем было его починить. Он торопился, чтобы закончить раньше всех, поэтому не заметил, что тетрадь лежит на парте вверх тормашками. А когда заметил, то половина примеров уже была решена. Переписывать было некогда, поэтому Семенчик перевернул тетрадь и продолжил. Но, закончив работу, он понял, что трудился зря. Ни одна цифра, ни один знак не нашли своего места. Все перемешалось. В этой каше никакой математик не сумел бы разобраться, сколько бы высших образований у него не было.

Последний урок — долгожданная физкультура. Семенчик — физически развитый мальчик: и ростом выше одноклассников, и сильнее их. Ребята его побаивались, старались обойти стороной. Тут все выстроились в цепочку, чтобы по очереди выполнить упражнение «прыжок через гимнастического коня». Семенчик уверенно разбежался, прыгнул и... шлепнулся прямо на пол. Да, неудачный получился прыжок. Потом началась борьба. Уж в этом-то виде равных Семенчику не было. Он степенно вышел на середину ковра, с важным видом поклонился всем, по очереди пожав руки зрителям. Не обошел даже завуча, зашедшего посмотреть на ход урока. Не дав опомниться, поднял над ковром одного малыша, собираясь перекинуть его через себя, но неожиданно сам опрокинулся на спину. Несколько хваток подряд он никому не уступил права оказаться на лопатках...

Вот такой горький день пережил Семенчик. Принес домой полный дневник «двоек». Вечером, перед сном, он вспомнил весь день. И понял, что ему придется по-настоящему взяться за учебу, а перво-наперво — привести в порядок школьные принадлежности. Те радостно перемигнулись друг с другом.

Хугбек АК

ИРЖИ

(Рассказ)

На берегу небольшой таежной речки Кара-Хем стоят восемь палаток. Это центр оленеводческой бригады. Второй день идет снег, такой плотный, что в пяти шагах ничего не видно. А тут у оленеводов на носу ответственная пора — пересчет оленей.

Из крайней палатки выходит парень. Невысокого роста, худощавый, с непокрытой головой, с умными, слегка навывкате, черными глазами. Зовут его Аяс. Приняли его в бригаду охотно: знали, что родители Аяса всю жизнь работали оленеводами и, конечно же, немало знаний и навыков передали сыну. Развести костер во время ливня или пурги для парня было обычное дело.

Аяс направляется к палатке бригадира Калзана. Пока доходит до нее, на его голове образуется целый ворох снега. Он встряхивает чубом, и волшебной снежной шапки — как не бывало.

В палатке идет собрание коллектива. Речь держит бригадир, большой любитель выступлений перед публикой; воображая, будто находится в большой аудитории, он говорит громко, делает значительные паузы, произносит разные умные слова. Недаром у него в палатке много различных газет и журналов, одна годовая подписка на них составляет семьдесят рублей.

Начинает Калзан, как всегда, с обзора международного положения: коснувшись сложных взаимоотношений между народами в целом, он углубляется в положение западноевропейских государств, затем переходит к странам Африки, обстоятельно характеризует обстановку на Ближнем Востоке... Оленеводы, зная привычку Калзана, открыто проявляют нетерпение, кое-кто, не выдержав, закуривает.

Наконец, бригадир закругляется и переходит к делу: в местечке Адарба, где пасется основное стадо, обнаружены следы семи волков; любимыми средствами их нужно уничтожить.

Об этом знают все оленеводы. Тут же поступает предложение наладить круглосуточное дежурство, разжечь полтора десятка больших костров, поставить капканы, самострелы, в крайнем случае применить яд. Кто-то вспоминает, что за Даштыг-Артом, большим перевалом, на летних пастбищах осталось примерно с сотню оленей. Решают послать за ними молодых оленеводов Аяса и Кан-оола.

Жена бригадира варит мясо и разогревает чай. Верный своей привычке, бригадир рассказывает о ходе перестройки в стране, но теперь оленеводы слушают более внимательно, так как аппетитно пахнет мясом, и никому не хочется уходить из бригадирской палатки.

Аяс думает о предстоящей поездке за перевал: если ехать в обход его, то наберется около ста километров пути; а если махнуть напрямик через перевал, то будет менее тридцати километров — можно будет обернуться в три дня, а не в неделю. Конечно, в этом есть определенный риск, потому что еще никто не осмеливался идти через перевал в зимнее время. Но... решение принято, и Аяс заметно веселеет. Вот только пока не надо говорить об этом товарищам, иначе они просто не допустят такой маршрут.

...Рано утром Аяс и Кан-оол собираются в путь. Уже увязали в сумы все необходимое, выбрали самых выносливых верховых оленей, прихватили даже две пары широких охотничьих лыж.

По-прежнему идет снег, но мелкий, изреженный. Аяс едет впереди и краем уха прислушивается к Кан-оолу. Аяс недолюбливает товарища за излишнюю болтливость: Кан-оол начинает говорить в пять часов утра, а заканчивает перед самым сном. Но зато он хороший охотник, отличный стрелок, надежный товарищ. Улучив момент, когда Кан-оол замолкает, Аяс сообщает ему о своем решении ехать напрямик через перевал. Кан-оол приходит в восторг от смелого решения, сразу начинает говорить о возможных и невозможных последствиях, но они уже не волнуют Аяса. Их ожидает путь по крутой тропе среди отвесных скал, мимо острых, уткнувшихся в облака вершин хребта, где Аяс не однажды гонял оленей в летнее время, рискуя оступиться и сорваться на дно глубокой пропасти.

Кан-оол глядит на вершину Даштыг-Арта, затянутого тучами, и сомневается в благополучном исходе поездки. Но Аяс непреклонен. «Делай, как знаешь», — машет Кан-оол рукой.

Чем выше поднимаются, тем глубже становится снег. Приходит черед слезть с оленей и встать на охотничьи лыжи. Олени следуют за парнями.

Чтобы как-то скрасить медленный подъем, Аяс вспоминает о бывших товарищах по службе — пограничниках. Он служил на далекой границе, где подружился с русскими парнями Супониным и Зайцевым. Переписывается с ними. Они так же, как и он сам, уверенно избрали дело жизни: для одного им стало учительство, для другого — охрана здоровья детей. У Аяса не было вузовского диплома, но зато он много знал о таежной жизни, мог, к примеру, по одному дуновению ветра определить погоду на завтра. Знал множество невероятных таежных случаев, о которых и в книгах не прочтешь. В общем он тоже на своем месте.

Наконец перевал взят, ребята осторожно спускаются вниз. Где-то посередине спуска решают заночевать.

Утро встречает их отличной погодой, настроение у ребят поднимается. Первые лучи солнца розово окрашивают высокие вершины Даштыг-Арта. Все видно, как на ладони, далеко за десятки километров. В бинокль Аяс видит оленей. Они пасутся внизу, на берегу маленькой таежной речки.

Быстро управившись с нехитрыми сборами, ребята садятся на верховых оленей. Спустившись вниз, чтобы дать оленям немного отдохнуть, ребята спешиваются. Вдруг видят: там, где пасутся олени, поднимается снежная завеса — будто пурга налетела. Удивившись, ребята принимают к биноклям: за оленями гонятся семь маленьких черных точек — волки! Видимо, оленеводы отпугнули их от основного стада, и теперь они появились здесь, за неполные сутки покрыв большое расстояние. Вот уж поистине: волка ноги кормят.

В несколько секунд оленей будто ветром сдувает. И лишь одна важенка остается на прежнем месте. Ребята сразу узнают белую олениху Иржи. Самая красивая важенка в стаде — с огромными умными глазами черного цвета, вся совсем белая, без единого пятнышка, Иржи спокойно ждет приближения волков. Подпустив их на достаточно близкое расстояние, Иржи срывается с места, но мчится совсем в другую сторону. Для волков нет смысла гнаться за далеко ушедшими оленями, и они устраивают охоту на важенку.

Иржи грациозно, без видимого напряжения летит по склону, кажется, она совсем не касается его копытами. А за ней, проваливаясь по брюхо в снег, гонятся семь волков. Впереди всех огромными прыжками мчится серый волк. Видимо, вожак,

размером он крупнее других. Расстояние между вожакom и оленихой понемногу сокращается. Широко раздувая ноздри, Иржи летит к вершине перевала. Она знает, что в конце концов волки догонят ее, и волки тоже знают, что ей не уйти от них. Выходит, важенка сознательно пошла на самопожертвование — ради спасения других оленей.

Вдруг Иржи мгновенно останавливается, поворачивает голову назад, словно хочет последний раз увидеть родное стадо: ее теленок летит по снегу вслед за старым белым вожакom.

Аяс, сложив ладони рупором, чуть глуховатым голосом, подражая волчьему вою, зовет: «И-и-ржи-и-и... И-и-ржи-и-и». Голос Аяса едва слышен, но Иржи сразу узнает его. Теперь она скачет прямо на оленеводов.

Чуткое ухо вожака тоже улавливает посторонний звук, он недоуменно останавливается, но стая, не подчиняясь, кидается вслед за Иржи. Такое наглое поведение собратьев вожаку не нравится и он, отбросив клыками в сторону опередивших его двух собратьев, вновь возглавляет гонку. Теперь все летят прямо на ребят.

Аяс жестом дает понять Кан-оолу, чтобы он приготовился. В таких случаях излишне шуметь. Приготовив малокалиберные винтовки к стрельбе, ребята терпеливо ждут приближения волков.

Вот Иржи берет чуть левее, и волки во весь опор несутся ей наперерез; уже слышно нетерпеливое клацанье их клыков. Пора! Аяс ловит на мушку вожака и плавно нажимает на курок. Видно, что выстрел достигает цели: вожак беспомощно барахтается в снегу, выскуливая помощи у собратьев. На это уходит время, достаточное для того, чтобы олениха отбежала на безопасное место, а ребята получили возможность не спеша, одно-го за другим, перестрелять всех волков.

От их пуль спасается лишь одна волчиха. Но она теперь — без вожака и волчьей стаи — не представляет прежней опасности.

Бока Иржи ходят, словно кузнечные меха. Приветливо кивая головой, она направляется к своим спасителям.

Александр ШОЮН

художник

Нарисуй, моя рука,
поле, небо, облака!

Рисовала ты, устала,—
но как звонко поскакала
по бумаге ровной, гладкой
легконогая лошадка!

ПЕРВАЯ КНИЖКА

Страницы под рукою шелестят.
Перед девчонкой трудная задача.
Как много разных букв идет подряд,
и все они чего-нибудь да значат.

— Ах мама, милая, я так хочу читать,
хочу из букв я складывать слова...

— Ну что же, будем, дочка, начинать,
садись поближе! Это — буква «А»!

СУГРОБ

Ветер злой снежинок стаю
во дворе с утра гоняет,
крутит, вертит, обижает,
меж собой дружить мешает.

А они от ветра мчатся
и тихонечно стучатся
в окна дома моего —
просят спрятать от него.

Ветер стих — и стук утих.
Где снежинки? — Нету их!
Под окном, устав от бега,
спрятались в сугробе снега.

ТАРБАГАН

Не боясь ни лучей, ни полдневной жары,
тарбаган, словно столбик, застыл у норы.
Тихо нежась под солнцем, спокоен и сыт,
пел он песню свою: «Сыйт-сыйт-сыйт!»

Звонкий свист тарбагана, его «разговор»,
до отрогов дойдя, эхом слышался с гор
и звучал по кустам птичий щебет и гам,
и заслушался тарбаган.

Нежно травы качались, склонялись цветы —
это ветер ласкал их, слетев с высоты.
То тушканчик, то суслик, то мышь пробежит —
жизнь идет, расцветает, кипит!

Но подкравшийся хищник нацелил ружье...
Жизнь кипела, а выстрел разрушил ее.
Не свистит тарбаган, и повсюду одна
неживая стоит тишина.

Чооду КАРА-КУСКЕ

КАПЛЯ

Со звоном падает капель,
стекаясь в лужу.
А вот и ручеек запел —
картаво, дружно.

Легко вода несется вниз
в волнах-колечках.
А там, где струйки собрались —
играет речка.

Река в далекие края
могуче катит...

Смотрю и думаю:
все я,
простая капля.

Я — САМ

Характер Бодум-оола
понять не просто вам:
и дома он, и в школе
твердит: «Я сам! Я сам!»

Ведро водицы в гору
несет, как к небесам...
Помочь мальчонке в горе?
— Нет, нет, я сам, я сам!

Задачи и примеры
решает дружно класс.
И Бодум-оол решает,
и... удивляет нас.

Тетрадь к нему подвинет
отличник друг Саян...
А он ее откинет:
— Я сам, я сам, я сам!

О нем я думал часто —
и свет в душе от дум:
ты будешь в жизни счастлив,
коль будешь, как Бодум.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

— Покажи-ка на карте Черное море?—
Кызыл-оола учитель спросил.

— Черное море?..

Ах, Черное море...

Смотрит на карту,

а там — синь да синь,
и нужное море, черное море
найти никаких нет сил.

— Черное море?—

взглянул на ребят —
на всех — на друзей, не друзей — подряд
и понял: помощи лучше не жди,
скорее море,

черное море,
выплеснет черные свои дожди.

По морю широкому ему
плыть пришлось, конечно, самому:
гуляла по карте указка,
как будто какую-то пляску
она на углях плясала —
то влево метнется, то вправо,
то вверх взлетит, а то вниз,
выполняя хозяйский каприз.
На пустыне даже стояла,
видала она и горы,—
все прошла,
одного не нашла —
Черного моря.
Нет черного моря. Такие дела.
...Указка по Черному морю плыла,
указка Черное море крестила —
но черного моря не находила.

И вот надоело мальчишке все это.
Обернулся к учителю Кызыл-оол
и заявил, озабочен и зол:
— Черное море на карте —
не черного цвета.

по ягоды

Эрес с друзьями в лес ходил
за ягодами раз.
Лес щедрым был,
он им открыл
немалый свой запас.

Ах, лес, какая прелесть!
Весь в ягодах он, весь!..
Набрались и наелись,
а ягод полон лес.

Этим ягодам пропадать?
Жалко ягоды оставлять.
Возьмем их с собой,
унесем их с собой,
вместе с корнями домой,
все — домой!..

Но против был один Эрес.
Сказал он громко, наотрез,
на весь аукающий лес:
— Домой кусты мы не возьмем,
а завтра мы еще придем.
И через год, и через два
лес примет нас, как друг.

Лес услышал его слова
и улыбнулся вдруг.

Михаил ФИЛИПЧЕНКО

НОЧНЫЕ ДЕБАТЫ

(Юмореска)

На первом же собрании новый директор фирмы «Ни свет ни заря» Александр Васильевич Боборыкин объявил своим подчиненным, что он работать по-старому не будет.

— Когда вы заходите ко мне в кабинет, то в голове должно быть идей, как вишен в варенике. Пора ставить нашу работу на новые рельсы.

При слове «вареник» заместитель Терешкин смачно щелкнул языком.

— А я бы на вашем месте не цокал, а думал,— заметил Александр Васильевич.— Чтобы мозги в холодец не превратились.

— Да я, Александр Васильевич, думаю... Крутится у меня в голове несколько задумок... Но для этого нужны дополнительные средства...

— Нужно, чтобы было и дешево и сердито... Это, к слову, сделать нетрудно. Важно лишь перенять опыт наших коллег. Например, в некоторых местах служба быта предлагает детям вечернюю сказку в исполнении талантливых актеров. Что для этого нужно? Магнитофонная запись и телефон... Или давайте создадим Службу хорошего настроения...

— Так что, мы будем успокаивать или конфликты улаживать?— спросил Терешкин, который в этот раз забыл прихватить на собрание журнал с кроссвордом.

— Нет, имеется в виду совсем другое. Наш клиент набирает номер телефона, а мы — свеженький анекдот в исполнении известных комиков. Или хочешь спать — позвонил, а в трубке

смачное позевывание, и сразу тебе самому словно кто веки медом намазал.

— И все по телефону?— переспросил Терешкин.

— Хе!..— вошел в азарт Александр Васильевич.— Мы не умеем, к сожалению, по-настоящему использовать это диво двадцатого века! А некоторые, кстати, додумались даже бороться с курением по телефону.

— Лекции читают,— предположил Терешкин.

— Никаких лекций.. Набираешь нужный номер и слышишь такой кашель, что волосы дыбом встают.

— Ну, кашель мы можем организовать,— рассуждал вслух Терешкин.— А вот со сказками дела посложнее. Где мы возьмем в наших Репейниках заслуженного артиста?

— С анекдотами легче,— подал голос главный бухгалтер Гладкий.— У меня один товарищ тех анекдотов знает, лопнешь со смеху!

— А по телефону их можно рассказывать? Уши не повянут?— поинтересовался Терешкин.

— Мы, дорогие мои коллеги, начнем с самого простого,— продолжил Боборыкин.— Нужно, например, меня разбудить в таком-то часу. Что наша фирма может предложить?

— Приехать и разбудить,— предложил Терешкин.— Точно так, как на Новый год Деда Морозы подарки разносят, так пусть и наши работники будят. Позвонил в двери — подъем! Хочешь, не хочешь — придется просыпаться и вылазить из-под теплого одеяла.

— Это неэкономично!— возразил Гладкий.

— Правильно,— согласился директор.— А вот когда мы эту услугу будем предоставлять по телефону — другое дело. Представьте себе, рано утром динь-ди-линь! Телефон вместо будильника! Просто и гениально.

— Ничего не выйдет,— засомневался Терешкин.

— В этом что-то есть,— задумался Гладкий.

— Давайте испробуем. Завтра Терешкин пусть позвонит в шестом часу утра мне домой. И скажет: «Подъем! Фирма «Ни свет ни заря» желает вам хорошо и удачно провести день. Пользуйтесь нашими услугами!»

...В тот день Александр Васильевич лег спать рано.

Он спал сладко и крепко, посапывая носом.

Среди ночи зазвонил телефон.

— Готов?— поинтересовался голос в трубке.

— Готов!— ответил Александр Васильевич, удивленный фамильярностью обращения.

— Ну, тогда бери удочки и выходи, мы сейчас на «Скорой помощи» поведем... Только бомбу не забудь.

— Какую бомбу?— испугался Александр Васильевич.

— Ну, бутылку... Семисотграммовую... Ты, что, не проснулся до сих пор?

— Проснулся. А для чего «Скорая помощь»? Кому-то плохо?

— Это не 5—14—16?

— И не 5, и не 14, и не 16...

— Извините, пожалуйста!

Александр Васильевич глянул на будильник. Было только четыре часа... Он подбил подушку и откинулся на постель. Не успел заснуть, снова зазвонил телефон.

— Ты что это, голубчик, не встретил меня?— спросил раздраженный женский голос.— Я стою на перроне с чемоданами... Жду... А он на перине нежится. С кем ты там нежишься?

— Сам,— почему-то соврал Александр Васильевич.

— Кто это там звонит чуть свет?— проснулась жена.

— Сам?!— разрывалась трубка.— А чей же это женский голос?!

— Вы, наверное, ошиблись номером...

— Я ошиблась?!— вскрикнула трубка.— Вот я приеду! Я сейчас ошибусь!..

У Александра Васильевича отняло речь. Он и не заметил, как трубку выхватила жена.

— Клялся в любви?! Люблю до смерти, говорил! Юбочник несчастный!— раздавалось оттуда.

— Что это означает?! Кто это тебе звонит?!— вернул Боборыкина из оцепенения грозный голос жены, которая держала перед его носом трубку.

— Н-и-не знаю,— пробормотал перепуганный Александр Васильевич.— Кто-то ошибся номером...

— Это я уже слышала!.. Конspirатор!.. Чувствовало мое сердце, что-то должно случиться!.. Но чтобы до такого дойти!.. Никогда не думала!.. Среди ночи женщины звонят! Люди добрые!— заломила руки жена.

Целый час Александр Васильевич ползал на коленях, уверяя, что не изменяет своей дорожке, что это случайное стечение обстоятельств, что никого, кроме нее, он не любит... Еще полчаса он носил ее по комнате на руках, пока, обессиленный, не сел на канапе. И в этот момент телефон зазвонил вновь.

— Я сама!— вырвалась из его объятий жена.

— Алло! АТЭПЭ!

— Что такое АТЭПЭ?— переспросила она.
— Алло! Это автопредприятие, говорю?! Почему не присылаете машины за студентской булочкой?!
— Вы откуда?
— С хлебозавода, откуда!— раздосадованно горланил мужчина.
— Вы ошиблись номером...
— Вот видишь,— обрадовался Александр Васильевич.
— И в этот раз ошиблись...
— Ну, хорошо!— ответила ему жена, немного успокоившись.— Только смотри, чтобы это было в последний раз!
Когда супруги Боборыкины заснули, снова зазвонил телефон. И то ли их так сморили ночные дебаты, то ли просто никому не хотелось испытывать судьбу — трубку никто не поднял. А Терешкин еще дважды покрутил диск и махнул рукой:
— Если будем рассчитывать на нашу телефонную связь, то фирма вылетит в трубу...
Он завел будильник на восемь часов утра и крепко заснул.

Анатолий ТАБАЧНИКОВ

«СЖАЛ, ЗАЖАЛ, ПРИЖАЛ...»

(Юмореска)

Молодой селькор из села Кособоково по фамилии Бордюров с сияющим лицом переступил порог сельской конторы. Минувя отделы специалистов, Бордюров прямым путем направился в кабинет парторга. Хозяин оказался на месте. Он вежливо принял гостя. Пригласил сесть и выжидательно уставился на посетителя. Селькор достал из кармана тетрадку и, подавая ее через стол, сказал:

— Иван Иванович, я вот заметку написал о техническом прогрессе на селе. Хочу, чтоб ее напечатали в районной газете «Только вперед», так сказать, опытом поделиться безвозмездно.

Парторг стал читать. В заметке говорилось о том, что слесарь Припиваев, работая на восстановлении ходовой части тракторов ДТ-75, смастерил новый съемник, который ускорял разборку и сборку тележных кареток и увеличивал производительность труда до девяноста процентов, вместо семидесяти, выработываемых ранее. Дальше подробно описывался процесс сборки:

«...Он так крепко притиснул ее, что при любых обстоятельствах вырваться она уже не могла. Правда, до этого бывали случаи, когда она выскальзывала и наносила травмы. Поэтому, прижимая ее, надо соблюдать меры безопасности. Несмотря на то что, когда ее сжимаешь, слесарю приходится с усилием нажать на гаечный ключ, зато она становится вжатой, зажатой, прижатой и не представляет собой никакой опасности для окружающих...»

Парторг перестал читать, искоса взглянул на посетителя, который с нескрываемым любопытством рассматривал картину Саврасова «Грачи прилетели», висевшую на стене. Затем Иван Иванович подвинул к себе графин с водой, налил полный стакан и выпил до дна. Опять взял рукопись, полистал страницы и настороженно спросил:

— А что, эту загогулину обязательно прижимать нужно?

— А то как же?— востропел селькор.— Там дальше написано, как однажды ее стали вставлять ломиком и кувалдой, а она к-э-к вырвется, к-э-к звезданет в потолок, а оттуда одному мужику по хребтине к-э-к шарохнет, а тот, видно от испуга, как заорал благим матом! А что? Правда. Мужик едва оклемаля, чуть-чуть не крикнул. Во, смеху-то было!— жестикулируя, рассказывал молодой селькор.

— А как правильно называется эта хреновина?— невольно подстраиваясь под лексикон посетителя, уточнил парторг.

— Так то ж пружина, которая ставится между двух балансиров в каретку,— со знанием дела объяснил Бордюров.

Подумав о чем-то, парторг произнес:

— Видишь ли... Так просто отправить твою заметку в редакцию мы не можем и не имеем права. Сначала надо побывать на месте и посмотреть это изобретение в деле.

Загораясь надеждой, селькор быстро заговорил:

Это еще и лучше! Если Колька Припываев не будет вжаренный, то он лучше меня расскажет и объяснит. Приходите! Мы будем ждать вас,— и, не попрощавшись, покинул кабинет.

Оставшись один, парторг некоторое время посидел в раздумье. Затем решительно встал. Оделся. Вышел в коридор и подвернувшейся на глаза техничке сказал:

— Если меня кто спросит, то скажите, что я жиманул в мастерские. Там парни какое-то приспособление изобрели, может быть, распространим этот опыт через газету. Пусть и другие осваивают, так сказать, безвозмездно,— и он направился вдоль улицы, в сторону ремонтных мастерских.

ВЫНУЖДЕННЫЙ СВИСТ

(Юмореска)

Иван Львович Плюхин с детства не мог терпеть свиста. Однажды с ним произошла такая история. У него разболелся нижний зуб. Иван Львович глотал анальгин. Ходил из угла в угол по квартире. Держался рукой за подбородок и мычал от боли.

Когда опухоль спала, Плюхин решительно направился в больницу. Большой зуб ему удалили, и Иван Львович, поблагодарив врача, пошел в раздевалку.

— Какой у вас номерок?— спросила гардеробщица.

— Семьдесят семь!— со свистом ответил Плюхин и испуганно посмотрел по сторонам.

— Гражданин, в помещении не свистят!— недовольно заметила санитарка.

Иван Львович быстро надел пальто, шапку и вышел на улицу. По дороге домой он вспомнил, что супруга наказывала купить сметаны. Плюхин завернул в молочный магазин и, подойдя к прилавку, спросил:

— Сметана свежая?

Громкий свист пронесся над прилавком. Продавщица, закрыв уши ладонями, гневно посмотрела на покупателя.

— И где только люди берут так рано?— после долгой паузы сердито промолвила она.

Иван Львович прижал нижнюю губу пальцами и молча рассчитался за покупку.

Взбодренный крепким морозцем, Плюхин прямо с порога крикнул:

— Нюся, я сметану принес!— и комнаты потряс произвольный, долгий свист.

Иван Львович беспомощно опустился на стул. Из кухни вышла супруга и с удивлением спросила:

— Ты что это? Взрослый человек, а свистишь, как Соловей-Разбойник. Этого еще не хватало!

Из детской комнаты появилась пятилетняя дочь с куклой в руках. Она подошла к отцу и попросила:

— Пап, а миня науди свитеты!

Это уже было чересчур.

Плюхин, как угорелый, выскочил на улицу и быстро зашагал в свое учреждение, где он работал в плановом отделе.

Зайдя в кабинет директора, Иван Львович по привычке поздоровался:

— Здравствуйте, Семен Семенович,— длинным протяжным свистом огласился кабинет.

Директор вздрогнул, внимательно посмотрел на вошедшего сотрудника и, убедившись, что тот трезв, проговорил:

— Ты это самое... не того?— и многозначительно покрутил пальцем у виска.

Иван Львович молча положил на стол листок бумаги, в которой просил, чтобы ему разрешили очередной отпуск по уважительной причине. Плюхин решил съездить в соседнюю область, где в одной из здравниц работал зубным техником его школьный товарищ.

Из литературного наследия

Маргарита ТАТАРИНЦЕВА

ОБ ОДНОЙ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РУКОПИСИ

(Страницы творчества И. Г. Сафьянова)

В истории русско-тувинских литературных и культурных взаимосвязей есть одна примечательная и совершенно не исследованная страница — литературное творчество Иннокентия Георгиевича Сафьянова (1875—1954 гг.)

Примечательна она тем, что произведения этого автора — художественные и документальные — содержат взгляд на Туву рубежа XIX—XX вв. не со стороны, а как бы «изнутри»; это голос человека, для которого Тува была второй родиной. Поэтому в его произведениях совершенно отсутствует момент экзотики, удивления необычностью местной природы и жизни населения, но обнаруживается отличное, до тонких деталей, знание Тувы, а главное — любовь к ней.

Фигура И. Г. Сафьянова уже привлекла внимание историков, краеведов, писателей, но не филологов. Судьба этого человека сложилась так, что он оказался одним из первых русских образованных людей,

носителей передовых революционных убеждений в среде тувинского народа. Он хорошо познал этот народ — его язык, обычаи, нравы, народное творчество еще до того, как многие другие ученые — языковеды, этнографы, географы и археологи — начали его изучение. Среди тувинцев он был известен как «Экендей».

В пятнадцатилетнем возрасте Сафьянов был исключен из красноярской гимназии за распространение нелегальной литературы, и отец отправил его в Туву, в одну из своих факторий. С тех пор он подолгу жил в Туве, изъездил ее вдоль и поперек, овладел тувинским и монгольским языками. Ф. Я. Кон, посетивший Туву в 1903—1904 годах, говорил о И. Г. Сафьянове как о романтически настроенном молодом человеке, которого отец бранил за слишком дешевую продажу мук сойотам во время голода.

Путь И. Г. Сафьянова как политического деятеля был сложен. Выходец из купеческой среды, он впо-

следствии порвал с нею, встал на путь революционной деятельности. Не раз его жизнь висела на волоске — в тифозном бараке, в тюремном застенке, во время подавления контрреволюционных мятежей. Большую роль сыграл И. Г. Сафьянов в революционных преобразованиях в Туве, хотя не избежал и некоторых политических ошибок.

В последние годы, будучи пенсионером, И. Г. Сафьянов жил в Подмосковье, но прежнего интереса к Туве не утратил. Он передал часть документов личного архива в музей и архивы Тувы, сотрудничал с учеными по воссозданию истории гражданской войны в Туве, писал воспоминания. В 1949 г. И. Г. Сафьянов передал в Туву несколько экземпляров рукописи под названием «Тува в прошлом. Художественное творчество тувинского народа», содержащей записи тувинского фольклора на русском языке, а также оригинальные художественные и публицистические сочинения. В настоящее время экземпляры рукописи находятся в Центральном государственном архиве Тувинской АССР, Рукописном фонде ТНИИЯЛИ, Туранском филиале республиканского музея.

Следует сказать, что, будучи сотрудником газеты «Минусинский листок», Сафьянов еще до революции печатал рассказы и очерки о Туве, желая привлечь внимание общественности к тяжелой доле аратов. Он даже организовал «тувинские вечера», на которых выступал с лекциями. В этих вечерах участвовали также самодеятельные артисты из Тувы, исполнявшие песни в сопровождении наигрышей на националь-

ных музыкальных инструментах. Текст одной такой лекции был опубликован в 1915 г. в журнале «Сибирский архив», издаваемом в г. Минусинске. В примечании говорилось, что лекция «Прошлое и настоящее сойотского народа» прочитана И. Г. Сафьяновым 2 января этого же года в помещении театра Минусинского вольно-пожарного общества «при громадном стечении публики». Далее указывалось, что И. Г. Сафьянов «хорошо известен в Минусинском крае как прекрасный знаток Сойотии. Мало того, у него есть еще одно чрезвычайно важное качество: он не абстрактно только изучает жизнь сойотского народа, но с искренней любовью к нему, этому народу-страдальцу».

Переданная в архивы Тувы рукопись замышлялась автором, как художественно-публицистический труд, дающий возможность высказать свое отношение к Туве, рассказать о ее природе, ее народе, познакомить читателя с записями тувинского фольклора (о котором, кстати, тогда было очень слабое представление). Там же имелись художественно-документальные и художественные произведения на тувинские темы.

Произведения Сафьянова проникнуты истинными симпатиями к тувинскому народу, пониманием его жизни и быта. А его фольклорные записи, одни из первых, имеют и научное значение. При соответствующей редакционной подготовке такая рукопись могла бы увидеть свет.

Оригинальными сочинениями в рукописи являются очерки и рассказы «По следам», «Улыбки солнца».

«Смерть Сайнхо», «Тараачи и орус Вачилия», «Смерть Агвана», «Сказка суровой действительности», «Молдурга-Бичечи», «Кок-Хамбо», «Ширап Кескедей», «Хам-Кадай», «Саадак-Терек», «Орус ыт», а также стихотворения и поэмы «Тува», «Опай», «Джерга», «Пий-Хем», «Бичи-Алак», «Кайгал-Тараачи». Нередко произведение сопровождается вступлением или примечанием, в котором объясняется история его создания, иногда указывается место и дата, где автором был услышан рассказ или произошла встреча с героем. Некоторые произведения [чаще поэтические] представляют собой обработку народных легенд и преданий.

В произведениях И. Г. Сафьянова о Туве большое место уделено изображению природы и взаимоотношений с ней человека. Природа и люди у Сафьянова связаны гармоническими отношениями. Люди — часть природы, ее дети, к ним природа может быть сурова и ласкова, нужно только знать ее законы. Дембилдей, ночевавший на голых камнях, около причаленного к берегу салика, утром проснулся от холодного ветра, дувшего с реки, и согрелся только тогда, когда солнце весело улыбнулось ему, выглянув из-за мраморной вершины Ойдумского хребта. «А все-таки хун больше любит нас, аратов, чем наших баев. Вот сейчас оно согрело меня своим теплом, как родная мать, а баи и ламы спят еще в своих богатых юртах, и когда проснутся и выйдут из своей юрты, высоко поднявшееся солнце не будет уже греть их ласковым теплом, а будет жечь ог-

нем своих лучей их бритые головы» [«Улыбки солнца»].

«Естественные» люди у Сафьянова лишены буржуазного практицизма, стремления к выгоде, их взаимоотношения с природой и окружающими воспринимаются как норма жизни.

Напротив, законы человеческого общества жестоки и несправедливы. Здесь богатый подавляет бедного, сильный — слабого. Молдурга Бичечи умнее, способнее, трудолюбивее байских сынков, но ему не выбиться в чиновники, не заслужить шарика на шапку. Когда же он самовольно пришивает шарик на шапку — его осуждают и преследуют [«Молдурга Бичечи»]. Богатый монгольский хан отбирает у юноши-тувинца невесту, и тот становится кайгалом, удальцом-конокрадом [«Саадак-Терек»]. Конокрадство является формой протеста против притеснения и угнетения также в поэмах «Кайгал Тараачи» и «Опай». Единственный способ усмирить кайгала — подкупить его должностью чиновника. И тогда «кайгал-чиновник смирным стал» [«Опай»].

Нередко рассказы и очерки посвящены запомнившимся встречам автора с людьми замечательными, особенными. Таков Кок-Хамба, священнослужитель, который помогает беднякам и даже организовал для них школу [«Кок-Хамба»]. Ширап-Кескей читает русские книги, стремится перенять лучшее из жизни переселенцев [«Ширап-Кескей»]. Сюда же можно отнести рассказ о шаманке, по сути дела, талантливой артистке, проявляющей свои способности в камлании [«Хам-Кадай»].

Некоторые рассказы И. Г. Сафьянова — «Бичечи Молдурга», «Смерть Агвана» — имеют подлинную жизненную основу, поэтому приобретают ценность документа определенной эпохи, о которой, кстати, имеется не так уж много свидетельств.

В рассказах и очерках И. Г. Сафьянова тувинцы предстают людьми доверчивыми, простодушными, бесхитростными, гостеприимными. Они близки природе не только потому, что незнакомы с пороками цивилизации, но и потому, что сам образ жизни охотников, скотоводов самым непосредственным образом связан с природой, ее сезонными циклами. Труд — основа нормальной жизни арата. Чтобы прокормить многодетную семью, нужно трудиться от зари до зари всем, кто способен работать.

Автор подчеркивает свободулюбие, вольнолюбие тувинцев. Даже непродолжительное пребывание в неволе, заточении ведет к болезни, смерти («Смерть Санхо», «Сказка суровой действительности»).

И. Г. Сафьянов видит классовое расслоение среди тувинцев, неоднородность общества, тем не менее в целом жизнь тувинского народа предстает в его произведениях малоподвижной, патриархальной, спокойствие ее нарушается в основном извне.

Автор всякое влияние извне рассматривает как негативное: китайское, русское, любое другое; он порой отождествляет китайского купца и русского бедняка, крестьянина-переселенца.

И. Г. Сафьянов видел заселение русскими Тувы только с точки зре-

ния экспансии, захватнической политики царского правительства по отношению к национальным окраинам и придерживался ошибочной теории изолированного развития малых народов, для которых воздействие всякой цивилизации губительно. Надо сказать, что подобные взгляды разделяли и такие знатоки жизни малых народов Сибири, как В. Г. Богораз, В. К. Арсеньев. Конечно, И. Г. Сафьянов видел прогрессивное воздействие трудовой и духовной культуры русских на местное население, сам не раз писал об этом. Ширап-Кескей, пользующийся уважением автора, явно тянется к передовой культуре и быту: он построил у себя русскую избу, читает русские книги, изучает русский язык. Старика Бады, освободившегося из тюрьмы и очутившегося в чужом русском городе без денег, без знания языка, впустили в дом, накормили и обогрели, помогли добраться домой (простые русские люди («Сказка суровой действительности»)).

Рассказы и очерки И. Г. Сафьянова о Туве, литературные обработки тувинских народных легенд и преданий написаны ясным, простым языком. Большое место в них занимает пейзаж. Повествование ведется, как правило, от первого лица, хотя автор действующим лицом не является, а лишь наблюдателем, очевидцем. Отношение местного населения к нему — доброжелательное, дружелюбное, доверчивое.

Все произведения, вошедшие в рукопись И. Г. Сафьянова, опубликованные и неопубликованные, вызывают познавательный интерес. Они стоят в ряду многих произведений

русских литераторов, путешественников и ученых, своими письмами, дневниками, путевыми рассказами и очерками способствовавших преодолению насаждавшихся во время царизма чудовищно нелепых представлений о жителях далеких национальных окраин.

ИННОКЕНТИЙ САФЬЯНОВ

ХАМ-КАДАЙ

(Шаман-женщина)

Наш народ с давних пор преклонялся перед силами природы, которые он не мог объяснить, понять и освоить. Он верил, что есть злые и добрые духи, что злые духи живут в подземном царстве и ими руководит Эрлик-Хан, а добрые живут в небесном пространстве и управляются Кутаем (Всевышним). Добрые духи любят людей, Кутай дает людям всякие блага земные, он редко сердится, еще реже наказывает и только иногда, видно ради шутки, убивает грозовой молнией. А вот злые духи ненавидят людей, Эрлик-Хан посылает их вредить людям, насыщает всяким злом все: окружающие их жилища, их одежду, пищу, убивает их скот. Добрым духам люди молились, приносили жертвы, и они покровительствовали людям, злые же духи и их покровители тоже требовали поклонения себе. Если же их не уважали — мстили людям, напускали болезни на людей, убивали их скот, срывали промысел, вытраивали сусликами и журавлями их посе-вы.

В настоящее время в Туве находится только часть архива И. Г. Сафьянова, да и та изучена слабо. Думаю, что тщательное изучение архивного наследия И. Г. Сафьянова пролило бы свет на многие страницы истории Тувы и русско-тувинских литературных и культурных связей.

Было, однако, время, когда люди не боялись злых духов, находились такие смельчаки, которые, сделав бубен, надев страшный костюм, заставляли злых духов слетаться на звуки бубна, на звон погремушек на костюме хама, так называли этих покорителей духов, а когда духи слетались, хам заставлял их нести его душу в подземное царство Эрлик-Хана, где хам и договаривался с Эрликом, чтобы он пощадил намеченные им жертвы, оставил их, хотя бы на время, в локос. И народ наш уважал хамов, одаривал их, выбирал старшинами. Но потом хамы почему-то потеряли свою силу, злые духи не стали им подчиняться, звуки бубна не собирали больше их в юрту (жилище) хама, и Эрлик-Хан уже не договаривал с душой хамов, как прежде. Не стало куштых (могучих) хамов, а пришедшие в нашу землю из Монголии служители доброго духа ламы начали учить нас, что добрый дух всемогущ, злые духи подчиняются Кутая, которого надо называть Бурханом (богом) и ему одному мо-

литься, его одного слушать; они предложили нашему народу духовные книги с молитвами, заменили бубны хамов своими бубнами и погремушками, стали молиться у постели больных, читать молитвы на похоронах, служить молебны Бурхану, прося у него милости людям, обильного урожая хлебами, хорошо гагула скоту. Хамы сначала не подчинялись ламам, но постепенно сдали им свое первенство и теперь и ламы и хамы часто сотрудничают вместе у постели больного.

Так ответили на мой вопрос о хамах Оргун-Ашак.—«Сейчас я не верю ни хамам, ни ламам, те и другие обманывают наш народ, наживаются за его счет».—добавил умный старик.—«А что вы думаете о Хам-Кадае, известной женщине-шамане?»—спросил я его.—«Хам-Кадай—это артистка. Ее духи у ней в голове. Она делает с ними, что хочет, а Эрлик-Хан с его подземным царством ей нужен только для того, чтобы сочинять о нем чудесные сказки, которые она большая мастерица рассказывать». На этом наш разговор закончился.

Прошло несколько месяцев, и вот однажды в юрте одного тувинца я услышал, что рядом с ним живет Хам-Кадай (шаман-женщина), что сегодня ночью у ней собирается молодежь, и она будет камлать (шаманить). Как только раздался первый удар бубна, мы с хозяином юрты пошли слушать камланье этой известной шаманки.

Черное небо прорезали далекие молнии, шел мелкий дождь, грома не было слышно, в тишине ночи резко звучали призывные звуки бубна,

и тихо шумели дождевые капли. В юрте Хам-Кадай горел яркий костер, вокруг которого сидели парни и девушки, а в центре круга стояла со своим бубном Хам-Кадай и быстрыми движениями руки извлекала из своего бубна какие-то особенные таинственные звуки. Потом звуки полились реже, тише, короче. После каждого удара Хам делала рукой, в которой у ней была колотушка, такой взмах, будто она ловит в воздухе кого-то. Наконец бубен замолчал. Хам-Кадай запела: «Вы, слетевшиеся ко мне пуки (мелкие злые духи), расскажите собравшимся здесь, где летали, что видели, что делали?—А, вы молчите, не хотите открываться людям! Так я за вас расскажу. Слушайте, люди, про дела пуков!

На устье Ондума, в пещере

глубокой,

Что в землю уходит на сопке

высокой,

Прорезав всю гору, выходит к воде,
Вы долго сидели и мерзли во мгле.
Теперь вам тепло у меня на груди,
Так тихо и смирно, чертята, сидите.
Вы хамов не бойтесь, вы им

помогайте,

Вы им свою хитрость и ум отдавайте.
Вы с ними сумеете лучше прожить,
И будем мы вместе Джир-езе (духу
земли), служить,

А Эрлик сидит пусть всегда

под землю

Довольный собой и своею судьбой!

Ну ты, пук хвостатый, скажи,

где летал.

Кому из людей ты вредил и мешал?
Кого одурачил ночью порой,
Кого наругал там, в степи за горой?
Молчите? Я знаю, вам стыдно людей!
Так смирно сидите на шапке моей.

А то улетайте. Без вас обойдусь!

Ни Эрлик-Хана, ни вас не боюсь!

Чу, прыгайте, пуки, в отверстие

скорей,

Без вас нам спокойней, без вас
веселей!
Вы мрачные жители черной дыры,
Сидите в ней смиренно до лучшей поры.

Снова льются частые удары, бубен гудит, плечи хама стряхивают с себя всех пуков, и они вместе с искрами от костра вылетают в волнах дыма в черную, как коровьи глаза, мглу ночи.

Лицо Хам-Кадай освещается веселой улыбкой, из ее горла вылетают такие свежие, весенние звуки: «Ку-ку!», поет кукушка, щебечут веселые птички голоса, совсем не страшно кричит ворон, плачет филлин, стонет сова. Огонь костра догорел, светит слабо, а Хам-Кадай от имитации звуков переходит к подражанию движений. Вот вокруг потухающего костра, лениво переваливаясь с боку на бок, проходит хозяин тайги ирей (медведь), нюхает, фыркает. И все это так естественно, что молодежь боязливо жмется друг к другу, точно и в самом деле настоящий медведь ходит по юрте. Вот красавец марал (олень) встряхивает ветвистыми рогами и издает могучий призывной крик, а на его зов слышится ответный крик мыйгак (олень-самка) и около нее писк олененка. Вот пронзительный лай собак и не одной, а многих, они рвут хищника, он, свирепо рыча и кусая собак, убегает, поджав между ног хвост. Хам-Кадай, как тарбаган (сурок), сидит на своем холмике у норы и посвистывает, как он, роет нору; как белка, прыгает по кедру, срывает шишку,

вылущает из нее орехи, подымает и опускает свой пушистый хвост. И все крики и движения зверей, крик птиц так точны, что каждый их узнает безошибочно.

Долго показывала нам свое искусство замечательная женщина. В дымовое отверстие юрты начали проникать лучи восходящего солнца. Увидев их, Хам-Кадай насмешливо сверкнула глазами, спокойно положила свой бубен, который всю ночь не выпускала из рук, кокетливым движением плеч сбросила с себя костюм хама, сняла, улыбаясь, шапку и весело сказала: «Ча, эштэр! Ам удур херек!» (Но, друзья, теперь спать надо). И все, весело толкая друг друга, стали расходиться из юрты этой замечательной, самобытной артистки. Я несколько задержался. И когда мы остались в юрте одни (муж и дети Хам-Кадай уже спали давно), я спросил ее: верит ли она в Эрлик-Хана, в его злых духов? Хам-Кадай мило улынулась и сказала: «А ты веришь?», «Нет, конечно»,— ответил я быстро. «Ну, а я чем хуже тебя, ты думаешь?» В ответ я весело рассмеялся и сказал: «Андык-тур» (совершенно верно) и, подарив артистке горсть китайского табаку и полкирпича зеленого чаю, вышел из юрты.

Ортун оказался прав. Шаманизм, как культ, доживает свои последние дни, и это уже было не камлание, а показ своеобразного искусства.

Устье Терехтыха,
1908 г.

ТУВИНСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНЯ БЮРЮКЕЯ

Весело трещит огонь в закопченной дымом юрте молодого тувинца. Он играет на топчулуре и думает, что у него есть хорошиш конь. И конь и топчулур ему очень нравятся. Рядом с ним сидит его молодая жена, и Бюрюкей поет ей только что придуманную им песню.

Я играю на топчулуре,
Весело играю.
У меня есть конь хороший,
Лучшего не знаю.

А топчулур нет такого
Даже в байской юрте,
Конь мой быстрый, точно сокол,
Первый в нашей чурте.

Про него слагаю песни,
Их пою, играю,
Когда вечером иль утром
Степью проезжаю.

1908 г. Тува, устье р. Эрбека.

ШЕРЛИК

(день, в который нельзя ничего отдавать из юрты).

«Продай барана!»—«Не могу:
Сегодня шерлик — день запретный!»
«Ну дай огня из юрты мне!»
«Огня? Не дам, и он заветный!»
«Ну дай немного молока!»
«Что ты! Не знаешь разве правил?
Спроси любого старика,—
Кто шерлик исполнять заставил!».

Тува, р. Каа-Хем, 1913 г.

Воспоминания

Иргит САМБУ

С ТОЙ ВЕСНЫ...

(Очерк)

Майские дни 1954 года. Безмятежно тихие сумерки. В тот вечер к нашему дому подъехали два всадника — тувинец и русский.

Увидев их в окошко, хозяйка выскочила из дома — узнала ребят:

— Здравствуйте, Александр Данилович! Какими судьбами? Откуда? Как доехали?

Тот, к кому она обращалась, сердечно поздоровался со всеми.

Мы познакомились с Сашей уже дома, он представил и своего спутника:

— Монгуш Хургул-оолович Маннай, студент Ленинградского университета, археолог.

— Очень приятно, экии! — поздоровался я, смущаясь незнакомых ученых да еще непонятного мне тогда слова «археолог».

За вечерним чаем сидели долго. Саша расспрашивал буквально обо всем: о людях, о погоде, о скоте, как будто он жил здесь вечно и лишь сегодня вернулся из далекой поездки. Удивляло меня его знание тувинского языка, манеры поведения, обычаев монгунтайгинцев. Все это как-то не вязалось с тем, что он рассказывал о себе. Был он ленинградцем. Единственный сын в семье, никогда прежде не бывал в такой дали, как наш тувинский край. Окончил университет, работал в научно-исследовательском институте.

Сейчас я спрашиваю себя, откуда взялась у городского паренька такая тяга к тувинцам, стремление познать их многогранную жизнь, язык, обычаи, быт? Его манера разговаривать с людьми, простота в обращении сочетались со

способностью мгновенно улавливать такие моменты тувинской жизни, которые были в те годы доступны пониманию далеко не каждого.

Маннай оказался молчуном. За весь вечер он ни разу не вмешался в разговор. Хотя, казалось, он должен был быть активным собеседником как местный житель, много знавший о Туве и ее народе.

Саша, наверное, сознательно не заводил речи о древних памятниках, курганах, каменных изваяниях, чувствуя скудость моих познаний в этой области. Лишь на другое утро, когда мы, прихватив бинокль, забрались на кровлю дома, он показал в сторону Кожеэлиг-Хову и сказал, что в той стороне есть памятники древности в виде высеченной в камне человеческой фигуры. Саше нужно было исследовать эти памятники. Он предложил мне стать участником экспедиции. Я немедленно согласился. Так состоялось наше первое знакомство с этим замечательным человеком — Александром Даниловичем Грачом.

Тогда мне стало ясно лишь одно — Саша затевает какую-то огромную работу, и я гордился тем, что она началась именно в Монгун-Тайге, на моей родине.

— Почему начинаешь именно у нас, в Монгун-Тайге? — спросил я тогда, сжигаемый любопытством, и получил короткий и ясный ответ:

— Здесь много изваяний ваших предков — тюркоязычных и других народов, которые образовали, как мы говорим, этническое ядро тувинской нации.

— Я их видел! — воскликнул я с детской порывистостью. — Я видел много-много каменных «людей». Они стоят в ряд, друг за другом! В одном Ховужуке их около ста.

— Вот именно. По количеству каменных изваяний Монгун-Тайга занимает одно из первых мест не только в Туве, но и в Сибири.

...Взят курс. Маршрут Мугур-Аксы — Шеретей — Моген-Бурен. Вид транспорта — мотоцикл ИЖ-49.

На мотоцикле было очень удобно переезжать через ложбинки, речушки, забираться в самые отдаленные горные места. Мы рассматривали каждый камень — стоячий, лежащий. При этом Саша передвигался как-то странно, не отрывая глаз от земли. Мне казалось, он что-то потерял и теперь ищет потерянное.

— Что потерял?

— Это такая болезнь.

Я испугался:

— Ты заболел? Чем?

На что Саша очень серьезно ответил:

— Кроме монументальных памятников, от прошлого могут остаться следы деятельности древнего человека: на земле можно найти остатки кремневого оружия, наконечники

стрел, скребки, ножи, рубила и другие мелкие вещи. Вот я их и ищу.

С тех пор и я «заболел». Мой взгляд буквально притягивало к земле.

К вечеру в местечке Ортаа-Шегетей мы заехали к одному старику по имени Нордат. Он был знаком с Сашей еще с прошлого года. Дружья обнялись, приподняли друг друга, что означало искренность чувств.

Саша любил беседовать с пожилыми людьми. Тогда разговор с Нордатом затянулся почти до утра. И, конечно, не об археологии: о жизни, быте, взаимоотношениях людей, о воспитании и образовании детей, о прошлом и настоящем тувинцев.

«Удивительный парень! — подумал я. — Умеет разговаривать с человеком, который не знает ни русского языка, ни даже грамоты».

Поездка заняла несколько дней. Были обнаружены десятки каменных стел, множество курганов, а на скале в местечке Мугур-Шегетей — надписи на языке «тангыт».

Отдохнув денек, мы снова отправились на разведку. На этот раз маршрут лежал по реке Каргы вверх. Однако Саша не забыл моих слов о «ста каменных человеках». Я привез его к ним. Место называлось Кожээлиг-Хову, в переводе — Долина каменных баб. У

Саши разбежались глаза, казалось, он был в невменяемом состоянии и только все повторял: «Наука пополнилась!..» Саша с фотоаппаратом бегал, прыгал между стелами, вставал перед каменными изображениями на цыпочки, разглядывал их на короточках. Иногда он замирал, будто боялся, что каменные «люди» разбегутся. Пристально вглядываясь в камень, приговаривал: «Да я тебя... я тебя, такого милого... Мы тебя в Монреаль откомандируем!.. Будете вы сидеть в Эрмитаже, Великий Каган!»

Для меня это поведение было странным. Казалось, Саша был не с нами, а где-то в другом мире. И если его встряхнуть хорошенько, то он, очнувшись, станет медленно просыпаться. Сам того не замечая, я тоже подключился к работе. Одержимость Саши настолько увлекла, что я старался изо всех сил помочь ему, но у меня плохо получалось. То рейку «вверх ногами» держу, то расчет неправильно делаю. Саша не сердился, а старался терпеливо объяснить суть дела.

В Кожээлиг-Хову наша работа длилась шесть дней. Каждый раз Саша с сожалением встречал закат солнца. Всегда жаловался, что ему не хватает светового — летнего! — дня.

После предварительного осмотра местности, фотографи-

рования и картографирования Саша заметил с улыбкой:

— Ваш подсчет, Иргит Хаайович, неправилен. В этой долине девятнадцать каменных изваяний, четыре стелы, а остальные — сотни — так называемые каменные балбалы, которые лишь дополняют комплекс сооружений.

Я хотел было возразить ему в защиту названной мной цифры «сто», но, поняв, что каждый камень имеет свое назначение и объяснение, промолчал.

В этот момент к нам подъехал всадник с большой седой бородой. Я его сразу узнал. Это был Сандан — бывший лама, лишенный в тридцатые годы гражданских прав «за противоправительственные действия».

Он поинтересовался, что собирается «орус» делать. Не думает ли он вырвать эти святыни из земли и увезти их с собой? Получив удовлетворительный для него ответ, Сандан начал проповедовать:

— Это изображения наших предков. Стоя на земле, где живут их потомки, они держат связь со священным небом. Это они умоляют самого «бурган башкы» ниспослать их потомкам всяческое благополучие. Осквернение бурханов никому не позволено. Осквернивший святыни будет поражен смертельной болезнью: не станет у него потомков. Но и то, что уже сделано вами,

принесет вам большие несчастья.

Выслушав его, Саша вежливо ответил:

— Мы не собираемся вырывать памятники, осквернять священные места. Бурханы будут стоять, как стояли, и они являются достоянием всех. Мы же их только опишем.

После завершения работ в Кожээлиг-Хову мы совершили в другие места несколько одно-двухдневных поездок. Теперь уже Саша стал моим проводником. Он отлично ориентировался в рельефе местности и мог заранее предугадать местонахождение каменных изваяний, курганов. Это было настолько удивительно, что я не выдержал и однажды спросил его:

— Как тебе удается заранее угадать местонахождение памятников? У тебя, что, есть какой-то прибор?

— Да не-е-ет! Никаких приборов нет.

Я подумал: «Сейчас постучит себя по лбу и скажет: здесь тот прибор».

Но Саша спокойно объяснил:

— Древним людям ведь тоже надо было питаться, пастбища, значит, им были необходимы вода, топливо, пастбища — все, как и сейчас. Нужно было удобное для жизни место. Вот они и находили такие места в долине Каргы. Смотри, Иргит Хаайович, вон там, на возвышенности, похо-

ронен знатный человек. Он был выше всех на этом свете и на том тоже должен быть возвышен.

По словам Саши, монгунтайгинский сезон нам здорово удался.

Накануне отъезда археологов в местном клубе состоялась их встреча с населением. Собралось много народу.

Вначале Саша горячо поблагодарил всех людей, оказавших ему ту или иную помощь. Рассказ его был удивительно интересным. Высказанные в очень доступной и популярной форме научные предположения археолога вызвали любопытство у слушателей, они задали множество вопросов, зачастую выходивших за рамки темы. Разговор шел обо всем — начиная с объяснения некоторых природных явлений и кончая сведениями о династии чингизидов.

В заключение А. Д. Грач сказал, что одна из целей их работы состоит в сохранении каменных изваяний от разрушения, в привлечении к ним внимания общественности. Теперь, когда собран достаточно богатый материал о каменных изваяниях Тувы, можно приступить к созданию в Кызыле собрания каменных статуй — выразительных памятников искусства племен, населявших «Страну Голубой Реки» много веков назад.

...День отъезда. Саше посоветовали ехать через Чараш-

Даш, что по Кадыр-Орукскому перевалу, затем через Шуй — в Кызыл-Мажалык. Цель такой поездки мне стала ясна. Чараш-Даш — Красивый Камень — очень своеобразное местечко с горообразованиями вулканического происхождения. Здесь в каменных осыпях можно было найти красивые разноцветные камни. В то время многие пожилые люди считали, что археология — нечто сродни геологии. Поэтому советовавшие ехать тем путем думали, что Саша просто обязан посмотреть россыпи этих красивых камней.

После отъезда Саши еще долгое время ко мне обращались с вопросами: куда он уехал, надолго ли, когда приедет, над чем сейчас работает? Многие брали его ленинградский адрес, просили почитать письма от него.

Зимой 1960 года Саша сообщил в письме: в скором будущем начнется строительство Саяно-Шушенской ГЭС; при подъеме уровня Енисея центральная Тувинская котловина окажется под Саянским морем; а на дне будущего моря, т. е. в Чаа-Хольской котловине, затрагивая Шагонар, найдутся тысячи наземных памятников древности, относящихся к различным эпохам. «Задача ленинградских археологов, — писал далее Грач, — совместно с тувинскими «спас-ти», т. е. нанести на карту все памятники, находящиеся в зо-

не затопления. Но в начале этой огромной работы следует провести первичную разведку местности, т. е. зафиксировать памятники, по возможности определить классификацию их исторической значимости, выявить новые, ранее неизвестные. Но для подготовки к исследованию памятников зоны требуется два сезона... Чтобы набрать опыт, соответствующие навыки для осуществления исследовательской работы в зоне затопления, предпринимается крупная экспедиция под руководством доктора исторических наук, профессора Михаила Петровича Грязнова в зону затопления Красноярской ГЭС».

Александр Данилович возглавлял один из отрядов этой экспедиции в количестве двадцати человек. Я был приглашен в эту экспедицию. Не дожидаясь моего письменного согласия, Саша сам приехал ко мне и сказал:

— Кроме своей собственной души, возьми еще пятнадцать парней — и поехали в Красноярск!

Пока мы ехали через Саяны, Саша настолько подружился с тувинскими ребятами, что последние ходили за ним по пятам. Расспрашивали Сашу о Ленинграде, о нем самом, его детстве, интересовались научными проблемами и на все вопросы получали подробные ответы. Этому Грач посвящал целые вечера. Час-

то разговоры затягивались до самого утра. Казалось, он уже все рассказал за эти многочисленные вечера, но каждый раз находил что-то новое, заинтересовывал ребят все больше и больше историей их народа.

Местонахождение штаб-квартиры, как в шутку Саша называл наш палаточный городок, было вблизи поселков Краснотуранска и Биря. Место было на редкость удачное: рядом протока Енисея, лес, гора Краснотуранская...

В экспедиции принимали участие также Митя Савинов, ныне преподаватель ЛГУ, Сергей Астахов, теперь сотрудник Ленинградского института археологии АН СССР, Юрий Трифонов, сотрудник Алма-Атинского института истории.

Краснотуранские курганы представляли собой наземные сооружения с глубокими земляными насыпями, вызванными интенсивным почвообразованием. Из кургана среднего размера приходилось выбрасывать многие кубометры земли. И тем не менее ребята, да и сам Саша, с большим энтузиазмом выполняли эту тяжелую работу. Однажды Александр Данилович собрал всех и поделился соображениями.

Здесь, в Минусинской котловине, почвообразование очень интенсивно. Веками на сооружения надувало землю слоями в несколько метров толщиной. Могильная же яма

находится еще глубже. Поэтому при снятии верхнего слоя, как бы «пустой породы», можно использовать самый обыкновенный грейдер. А технология работы выяснится по ходу.

Пригласили грейдериста. Парень, кстати, оказался понятливым, смысленным. Когда трактор прошелся по одной половине кургана, ничего страшного не произошло. Но когда грейдер пополз по второму разу, все напряглись, как струны. Сам Саша сидел в это время рядом с трактористом и где-то в середине насыпи он бешено закричал:

— Стой!

Оказалось, что нож грейдера задел камень. Трактор отвели. Начали откапывать лопатами. Выяснили, что нож задел лишь верхнюю часть могильной камеры — ее крышку.

— Теперь ясно! — радостно воскликнул Саша. — Можно использовать грейдер.

Так впервые в практике археологии Сибири Александр Данилович Грач применил грейдер. Впоследствии он неоднократно предупреждал нас, что использование грейдера возможно лишь здесь, в Минусинской котловине, но не в Туве, где почва представляла собой сплошные камни.

На следующий год экспедиция Грача приехала в Туву для проведения подготовительных работ в зоне затопления Саянского моря. В результате разведывательных работ было

обнаружено около тысячи наземных памятников.

Экспедиционный сезон 1963 года стал началом большой исследовательской работы в Туве. Была создана Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР, во главе с кандидатом исторических наук Александром Даниловичем Грачом.

Это было крупное хозяйство — из пяти отрядов с шестью машинами и большим количеством плавсредств. В составе экспедиции — около ста пятидесяти человек.

По настоянию А. Д. Грача, все руководители отрядов должны были уметь водить машину, моторную лодку, оказывать первую медицинскую помощь, разбираться в геологических пластах, особенно третичного и четвертичного периодов.

Была установлена еженедельная встреча руководителей отрядов, где каждый из нас отчитывался о проделанной работе. Кроме того, сам Грач часто бывал в отрядах, встречался с ребятами, присутствовал при раскопках. Своего метода не навязывал: считал, что сколько археологов, столько методов, но к нарушениям методики раскопки относился сурово.

По инициативе Александра Даниловича, стали традиционными спортивные праздники в субботние дни: соревнования по борьбе, волейболу,

плаванию. Он старался, чтобы у ребят были все условия для работы, отдыха, спорта. И, наверное, в этом здорово помогали летнее солнце, чистый воздух, енисейская вода в сочетании с четко установленным режимом дня.

Нашей работой живо интересовались местные органы власти. Часто нас приглашали на спортивные соревнования, встречи с молодежью и населением. Александр Данилович, как, бывало, в Монгун-Тайге, рассказывал о работе по исследованию истории Тувы, об археологии как науке о древности. На таких встречах, да и просто на улицах, люди задавали самые разные вопросы: о Чингисхане, об Амыр-Сане, о Кангывай-Мергене... Александр Данилович всегда находил ответы. Порой было трудно убедить людей, в том, что, например, «Чингисханова дорога» — это не дорога вовсе, а оборонительные сооружения уйгуров времен нашествия засаянских кыргызов. Но люди часто расставались с Александром Даниловичем довольные.

Часто чабаны, живущие неподалеку от нашего лагеря, приглашали Грача на беседу, которая нередко растягивалась на всю ночь. Чабаны с большим интересом слушали увлекательный рассказ ученого.

В своей последней монографии «Древние скифы Тувы» А. Д. Грач писал:

«Среди многих добрых друзей науки, с которыми нам довелось встретиться за годы экспедиций, особую благодарность хотелось бы выразить людям сурового и благородного труда — тувинским чабанам, в чьих юртах... всегда находил верную дружбу, сердечность и кровную заинтересованность в познании древней истории родной земли...»

Каждый раз вскрытие могильника всеми участниками отряда, ребятами особенно, ожидалось с тревогой, с предвкушением открытия. В неограбленных скифских курганах находилась масса интересных вещей, среди них немало золотых украшений. Но нам всем запомнилась сказанная Грачом русская поговорка: «Не все то золото, что блестит». Однажды на раскопках Алды-Беле, теперь уже знаменитом в науке, нашли тайник с набором бронзовой сбруи, датированной временем ранних скифов.

Таких уникальных находок было много: Демир-Сугская руническая надпись на стеле, Чингинские многоярусные могилы и захоронения с покойниками (повелитель «брал с собой» в потустороннюю жизнь рабов), Саглыньские находки, Аймырлыгские

и Новошагонарские «крокодилы» — гробы с золотыми накладками, Хемчик-Боомские многопогребальные сооружения.

В ходе исследований А. Д. Грач внес в методику археологических исследований новинку: впервые в условиях Тувы был применен аэрометод. Любой археологический объект — городище, курган, грунтовый могильник как продукт деятельности человека — имел очертания, отличающиеся от очертаний объектов природного происхождения. Демаскирующие особенности нарушенного некогда растительно-почвенного покрова позволяли выделить с воздуха объекты, практически неразличимые с земли.

Более ста лет назад В. В. Радловым на Алтайском Пазырыке была обнаружена подкурганная мерзлота. Это явление осталось неизученным. В шестидесятых годах на Саглы мерзлота была обнаружена Грачом. После тщательного изучения Александр Данилович выяснил причину возникновения мерзлоты и пришел к выводу, что она является своего рода «холодильником» и превосходно сохраняет предметы древнего погребального инвентаря из органических мате-

риалов. Грач пошел дальше, поставил вопрос об оживлении микроорганизмов, зерна, пробывших в буграх мерзлоты многие тысячелетия. Это дало положительные результаты.

Кроме стационарных раскопок, Александр Данилович постоянно занимался изыскательскими работами. Для этого он поселился на Хемчик-Бооме, возле устья Хемчика, чтобы разведать Енисейский каньон в Саянах. Он считал, что в Усть-Хемчике есть уникальные памятники интересующего его периода.

В итоге нескольких дней работы в каньоне мы нашли десятки различных курганов, стоянки человека каменного века. Были собраны этнографические материалы, изучены древние оросительные системы.

Наверное, каждый из нас, тех, кого раньше или позже, в зрелом возрасте или подростком, жизнь связала с Александром Даниловичем Грачом, многое мог бы о нем рассказать. Особенно те, кому передал он свою увлеченность наукой и для кого она стала делом жизни.

Как для меня с той весны 1954 года...

РАДОСТЬ ПОЗНАНИЯ СЛОВА

(Воспоминания о С. А. Сарыг-ооле)

В первые годы нашей совместной жизни нам со Степаном Агбановичем нередко приходилось расставаться на неделю, на две. Это были командировки то его, то мои. Но отпуск проводили непременно вместе.

Тогда же, когда выезды Сарыг-оола в Москву были длительными, на полтора-два года, мне приходилось оставлять работу и ехать с ним. Поэтому, что жить один он совсем не умел.

Так, более двух лет Степан Агбанович работал в Москве, при Учпедгизе, участвуя в издании учебников для тувинских школ. Позднее не меньший срок потребовался для работы там же над русско-тувинским и тувинско-русским словарями.

А в 1955 году — новый выезд в Москву. Степан Агбанович решил перейти с третьего курса заочного отделения Литинститута на двухгодичные высшие Литературные курсы.

В первых двух командировках работа его была связана с очень жесткими сроками издательских договоров и о творческом труде даже и думать не приходилось. А когда

он поступил на курсы, то, кроме общих занятий для всех слушателей, стал посещать курсы по изучению русского языка, очевидно, надеялся научиться правильному произношению, но... оно так и осталось «неисправленным», как он выражался, «хромым» на всю его жизнь. Хотя знал он русский не хуже других слушателей, о чем красноречиво говорили его многочисленные переводы с русского на родной язык. В их числе «Мать» Горького, «Полтава» Пушкина, «Мцыри» Лермонтова и другие.

А вот писать по-русски посторонним не мог, стеснялся своих специфических ошибок. Но его письма ко мне, в которых он не боялся прослыть незнайкой, были не только интересны по содержанию, но и довольно грамотны. Конечно, не без тех, забавлявших меня особенностей его ошибок: вместо «милый мой» он писал «вилий вой», вместо «воробей» — «боробей». Имя Маша он писал и произносил с мягким знаком после «ш», над чем я неуместно смеялась; возможно поэтому впоследствии Степан Агбанович изменил мое имя по-своему и стал называть коротко — Мак.

Слов со своеобразными искажениями у него было достаточно, и они меня часто приводили в непомерное веселье. Порой и он смеялся над своим произношением вместе со мной, но иногда это его обижало. Однажды я даже завела словарик этих, милых для меня, искажений. Но он вскоре исчез, наверное, не без участия Степана Агбановича.

Вообще, надо сказать, Сарыг-оол не любил писать письма. На письма читателей, в которых скорее были вопросы, требующие консультации, он обычно не отвечал, а приглашал их на устные беседы, которые были интересны, обстоятельны и своеобразны.

А что касается деловых писем на русском языке (чаще всего это была переписка с писателями из разных республик), то их Сарыг-оол диктовал или же раскрывал содержание требуемых ответов. Я их писала, затем прочитывала ему, а он исправлял, добавлял и вновь просил переписать, чтобы содержание соответствовало его мыслям, и уж тогда подписывался.

В последние 14 лет нашей совместной жизни, когда я уже не была связана своей работой, все время посвящала делам Сарыг-оола. Тем более, что у него все чаще повторялись болевые приступы правой руки и по мере возможности необходимо было ее щадить.

Конечно, я ни в коей мере не могла помогать ему в его непосредственно творческой работе. Правда, одно время пыталась делать записи его сочинений на магнитофон, но прослушав, он отвергал их напрочь, пыталась записывать его речь по-тувински, но и это ни к чему не привело: во-первых, не успевала физически, во-вторых, из-за плохого знания тувинского я делала много всяких искажений и ошибок. Так что помощь моя не дала никаких результатов. На мои дальнейшие предложения помогать, Сарыг-оол сказал мне:

— Никакого толку из твоей затеи не выйдет, потому что я не могу разъединить мысль и работу своей, пусть и больной, руки. Рука моя имеет непосредственную связь с работой моего мозга, а диктовка делает куцей и недосказанной мысль.

Так, претерпевая боль, он продолжал работу над последним своим произведением — романом о 60-ти богатырях: держа авторучку в пальцах правой руки, помогал передвигать ее левой. Словом, писал обеими руками...

Мучительно было смотреть на такую его работу. В сильном раздражении он отодвигался от стола, вставал, принимаясь ходить по комнате; подняв больную руку, растирал сведенные судорогой

пальцы и массажировал все предплечье здоровой левой рукой.

В таких случаях работа прерывалась, порой на длительное время, а иногда даже было необходимо укладывать его в больницу...

Вообще Сарыг-оол был большим и очень добросовестным тружеником в любом деле, но с особой тщательностью относился к Слову. Прежде чем положить на бумагу Слово, он подолгу «рылся» в «запасниках» своей памяти, если же поиски его не удовлетворяли, то ни словарям, ни мне не было покоя, пока он не докапывался до искомого. Это сказывалось еще в большей мере при переводах с русского на родной язык. Иногда он просил меня подобрать синонимы каких-либо фраз или слов по-русски, а сам подбирал подобное на родном и, что скрывать, нередко я оказывалась посрамленной в знаниях своего родного русского перед ним, тувинцем, который всю жизнь считал себя недостаточно знающим русский язык. Его незнание, как я считаю, выражалось скорее в акценте. А он у Сарыг-оола был особенный тем, что смягчал согласные в русских словах.

Работая над переводом какого-либо произведения, он вдруг просил меня сделать экскурс в историю того времени, которое описывалось в переводимом им произведении.

Чаше это было тогда, когда он уставал, и мы шли гулять. Вот во время этих прогулок он и выслушивал мои «лекции», хотя они были порой очень далеки от литературы. Но важнее было то, что он отдыхал от напряженного труда переводчика.

Без всякого преувеличения можно утверждать: Степан Сарыг-оол глубоко любил русский язык, пожалуй, не менее, нежели свой родной. «Русский язык помог мне получить высшее образование,— неоднократно говорил он,— познакомиться с русской и мировой литературой, искусством и вообще культурой, а главное — помог общению с писателями других национальностей, многие из которых стали моими друзьями, переводившими мои произведения на их языки, как и я переводил их на родной. И все это благодаря языку великого русского народа».

Однако, если долго ему не приходилось общаться с тувинцами, он скучал по родному языку. Тогда вдруг начинал говорить со мной по-тувински, но я не умела отвечать на его языке, он у меня был еще беден и коряв. Наверное, смешно было бы слышать нашу беседу постороннему, потому что я отвечала и говорила только по-русски, а он — по-своему. Но мы отлично понимали друг друга, не замечая странности этого общения.

Кроме родного и русского Сарыг-оол знал и монгольский. Этот язык был знаком ему с детства — по общению со сверстниками-монголами, живущими по соседству. Ну и первую грамоту он обрел тоже на монгольском, хотя ему в то время исполнилось уже 20 лет... И позднее, когда доводилось встречаться с монголами, Сарыг-оол бегло беседовал на их языке, читал подаренные монгольскими писателями книги на монгольском.

Вообще у него была тяга к языкам. Одно время он загорелся желанием изучать английский. Мы с ним уже научились строить примитивные фразы, но очередная командировка в Москву, с напряженнейшей там работой, оборвала попытку занятий английским.

Любознательность и чуткость к слову у Сарыг-оола наблюдалась всегда. Где-то в 50-х годах мы отдыхали в Доме творчества в Гаграх. Сарыг-оолу захотелось посмотреть Черноморское побережье, и мы пустились поездом до Батуми, чтобы оттуда морем попасть в Одессу. Одновременно с нами на теплоходе «Россия» оказались знаменитые украинские певцы Гнатюк и Гмыря. С каким любопытством Степан Агбанович вслушивался в их речь и тем более в их пение! А когда мы остались вдвоем, он с восторгом говорил: «Понимаешь, Мак, я все понял, особенно слова прекрас-

ных украинских песен». А я вслушивалась не в их слова, а в саму певучесть речи и мало что поняла.

Но еще больше меня удивил Сарыг-оол, когда мы оказались на улицах Одессы. Рассматривали ее неповторимую красоту и с неменьшим любопытством вчитывались в вывески. Многие из них для меня были непонятны, а Сарыг-оол упорно старался их разгадать. Вот, например, «Идальная» — я решила, что это означает «идеал», наверное, магазин парфюмерии. Но Степан Агбанович расхохотался над моим переводом: «Так это же еда!» Дальше попалась вывеска из огромных букв: «Взуття». Опять же разгадал он, обращаясь ко мне: «Эх ты, это же почти русское слово! Разве ты его не знаешь? Ну, разуть, разуться есть по-русски, а почему же не может быть «взуть»... это значит обувной магазин». Так я еще раз подивилась чуткости к Слову, которой обладал Сарыг-оол.

На съездах писателей, в Домах творчества или просто в многоязычной компании, особенно, если разговаривали на одном из тюркских языков, Сарыг-оол внимательно вслушивался, потом переводил их разговор на русский. Друзья смеялись, весело тормозили его:

— Ну и хитрец же ты, Сарыг-оол! Говоришь, что не знаешь нашего языка, а при тебе

и посекретничать нельзя. Ишь ты, какой тихоня!

Но Сарыг-оол и вправду не знал их языка и пояснял так, что и его родной язык принадлежит к тюркской группе.

Подобные «разоблачения» знания языков случались с Сарыг-оолом и в годы его учебы на Высших литературных курсах, где одновременно обучались писатели более двадцати национальностей.

Как-то Сарыг-оол отдыхал и работал в писательском подмосковном городке Переделкино одновременно с большим другом, известным якутским поэтом Семеном Даниловым. Выйдя на прогулку, друзья встретились со знаменитым турецким поэтом Назымом Хикметом. Он с ними приветливо поздоровался и принялся расспрашивать о разном. Заговорили и о разных языках. Хикмет называл какой-либо предмет по-турецки, Данилов вторил ему по-якутски, а Сарыг-оол по-тувински. Сперва они недоуменно смотрели друг на друга, потом весело смеялись. А прощаясь, Хикмет сказал: «Корни слов в наших языках общие, несмотря на далекие расстояния наших родных краев,— и вздохнув, заключил:— Однако общаться нам помогает язык русского народа, об этом никому из нас нельзя забывать».

Естественно, больше других языков Сарыг-оола интересовал родной. Он постоянно углублял свои знания, особенно когда работал в Тувинском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории — в качестве заведующего сектором языка и литературы. Он многократно участвовал в поездках по сбору и записи фольклора, увлеченно работал со старейшими сказителями в разных районах республики. Конечно же, читал произведения тувинских писателей с глубокой вдумчивостью и если замечал небрежность или искажения, особенно у молодых писателей, то не оставался равнодушным, старался разъяснить им и доказательно убедить и всегда советовал глубже изучать родной язык.

Сарыг-оол любил беседовать с людьми разного возраста, профессии, но для углубления познаний народных говоров ездил во все районы республики, предпочтительно к старикам.

Наверное, не напрасно к Сарыг-оолу обращались многие писатели, ученые, учителя и студенты за разъяснениями каких-либо старинных обычаев, слов или выражений, собранных им и хранимых в «кладовой», как он называл свою крупную голову.

Он с гордостью говорил, что его родной язык, язык малочисленного, но древнего народа, далеко не беден, если с него переводятся произведения на многие другие большие языки, прежде всего, на русский, а также и с русского.

«Это значит, что мой родной язык не онемел, не затерялся — ни в бескрайних степях наших, ни за высокими хребтами величавых Саян и Танды; он поет, говорит и повествует о своем, пусть небольшом, народе...»

Борис ТАТАРИНЦЕВ

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ЗАИМСТВОВАНИИ»

**К 60-летию создания тувинской
национальной письменности**

(Заметки ученого)

В июне нынешнего года отмечается 60-летие тувинской национальной письменности. Хотя история ее создания привлекала и привлекает к себе внимание не только языковедов, но и широкой общественности, в ней есть еще немало «белых пятен».

Целью настоящих заметок является рассмотрение некоторых неясных и вызывающих споры моментов ранней истории тувинской письменности. Она охватывает, главным образом, вторую половину двадцатых годов, когда предпринимались первые попытки создания тувинской национальной письменности.

Первый по времени проект, базирующийся на русской графической основе, был реализован в букваре 1927 года. Следующие два проекта имели латинизированную основу. Один из них был создан в 1928—1929 гг. ламой Лопсан-Чинмитом. Другой создавался в те же годы советскими учеными-языковедами и принял окончательный вид весной 1930 года в качестве основы тувинской национальной письменности.

Однако в статье К. Т. Аракча «Тыва бижикке киирген үлүү» (газета «Шын», 18 апреля 1989 г.) предпринята попытка пересмотреть существующую точку зрения и доказать, что действительным создателем тувинской национальной письменности был лама Лопсан-Чинмит, а языковеды Советского Союза, мол, лишь внесли в его проект отдельные усовершенствования.

У читателя может сложиться впечатление, что К. Т. Аракча едва ли не впервые написал о «ламском» проекте. Между тем, о нем писали многие. Подобная информация содержится в публикациях тридцатых годов, в позднейших научных работах Х. С. Алдыноола, К. Б. Салчака, Ч. Ш. Сата, Н. А. Сердобова, Ю. Л. Аранчына. Всеми ими попытка Лопсан-Чинмита создать национальную письменность оценивалась однозначно — как неудачная. В части публикаций содержался, хотя и в очень кратком виде, анализ причин, по которым ламский проект не привился.

Рассмотрим более подробно обстоятельства появления трех названных проектов тувинской письменности.

Состоявшийся в 1925 году IV съезд ТНРП принял решение о создании тувинской национальной письменности на основе русской графики. 30 августа 1926 года на заседании Политбюро ЦК ТНРП было принято решение «утвердить составленный проект алфавита тувинской национальной письменности», а в 1927 году в Москве вышел в свет букварь тиражом 3000 экземпляров.

Однако руководством ТНРП он был забракован из-за наличия в нем недочетов учебно-методического, стилистического характера. Родилась идея создать тувинскую письменность заново и на этот раз на латин-

ской основе. Осуществление замысла было поручено ламам Чаданского хурэ Лопсан-Чинмиту и Севээну.

Работа над ламским проектом письменности велась весь 1928 год. Как сказано в публикации К. Дондука (журнал «Современная Тува», 1929, № 1), этот алфавит получил удовлетворительную оценку Академии наук СССР и был утвержден Малым Хурадом ТНР. Лопсан-Чинмит написал труд, где содержалась краткая история письма в мире, давалось произношение букв разработанного алфавита, указывалось, с какими соответствиями в других языках они связаны; по-видимому, в этот труд входили и правила орфографии.

Что касается проекта тувинской письменности на латинизированной основе, созданного советскими учеными, то обстоятельства здесь были таковы. Согласно существующей точке зрения, власти ТНР обратились к руководству СССР с просьбой оказать помощь в создании национальной письменности только в конце 1929 года, после VIII съезда ТНРП. Если учесть, что уже в апреле 1930 года их просьба была выполнена (проект письменности получил одобрение), то может возникнуть вопрос, реально ли было за столь короткий срок решить проблему создания письменности, тем более применительно

к языку, который в то время был еще относительно слабо изучен?

Примерно так же ставится вопрос и в статье К. Т. Аракча. Он считает, что советские ученые, не успевая за столь короткое время создать свой проект письменности, просто-напросто воспользовались готовым алфавитом Лопсан-Чинмита, который, таким образом, и выдали за свой.

На самом же деле руководство ТНР примерно в то же время, что и к ламам, обратилось к СССР с просьбой о создании письменности на латинизированной основе. В ответ было получено согласие, и соответствующим научным учреждениям СССР, а затем и конкретным ученым были даны задания на этот счет. Как сказано в монографии М. И. Исаева «Языковое строительство в СССР» (М., 1979, с. 111), уже «в 1928 году видными советскими учеными Е. Д. Поливановым и Н. Н. Поппе были созданы проекты тувинского алфавита» на основе единого новотюркского алфавита.

Н. Н. Поппе представлял в этом деле АН СССР, а Е. Д. Поливанов — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Проект Поппе был опубликован в 1929 году в его статье «Заметки по фонетике танну-тувинского языка в связи с вопросом об алфавите». По сути дела это

был уже тот алфавит, который в дальнейшем и составил основу тувинской национальной письменности на латинизированной основе.

Таким образом, задолго до письма ЦК ТНРП в ЦК ВКП(б) с просьбой об оказании помощи в создании национальной письменности (1929 г.) работа в этом плане в научных учреждениях СССР уже велась. Письмо же это, судя по всему, лишь ускорило завершение начатой работы.

К. Т. Аракча в качестве обоснования своей точки зрения приводит высказывание одного из оппонентов на защите Пальмбахом в 1941 году кандидатской диссертации «Опыт изучения тувинской письменности в связи с условиями образования и развития национального литературного языка». Этим оппонентом был известный языковед-тюрколог С. Е. Малов. К сожалению, перевод цитаты из его выступления дается в статье К. Т. Аракча не полностью, а с пропусками, что в определенной мере меняет смысл высказывания. В этой публикации не приводится и то место из диссертации Пальмбаха, которое вызвало возражение оппонента.

А. А. Пальмбах, в частности, писал: «Среди попыток феодально - теократических кругов сорвать дело создания национальной письменности и тем самым задержать культур-

ное развитие страны, небезынтересно отметить проект тувинской письменности, составленный одним из крупных церковников — старшим ламой Чадаанского хурэ Лопсаном Чинмитом. В своем проекте он ориентировался на традиционные орфографии западноевропейских языков: вводил многобуквие для обозначения одного звука, копировал другие особенности западноевропейских орфографий...»

На это С. Е. Малов реагировал следующим образом: «В одной из первых глав диссертации Вы обвиняете одного почтенного ламу..., который до введения латиницы предложил свой проект алфавита. Вы его порицаете за двухбуквие и трехбуквие и считаете, что он имел в виду задержать развитие страны. Мне же хотелось бы поставить ему памятник за то значение, которое он имеет в истории тувинского алфавита. Какой-то захудалый лама в монастыре составляет проект алфавита, а вы обвиняете его за двухбуквие! Посмотрите крымскую, ногайскую, кумыкскую, ойротскую азбуку — там двухбуквие!» (Выделенные места опущены при цитировании в статье К. Т. Аракча).

Каков же вывод? В своей диссертации А. А. Пальмбах определенно говорил о ламском проекте как об особом, не тождественном тому, который был разработан в СССР

и принят в качестве национальной письменности в 1930 году, и С. Е. Малов как раз в этом плане и не возражал диссертанту. Ведь согласно его словам, лама «предложил свой проект алфавита до введения латиницы», т. е. тувинской письменности. Отсюда никак не следует, что именно ламский проект послужил основой для будущей национальной письменности.

А. А. Пальмбах критикуется оппонентом за то, что он слишком жестко подходит к труду Лопсан-Чинмита. С. Е. Малов возражает должное ламе за саму попытку: «Какой-то захудалый лама в монастыре составляет проект алфавита...»

Надо однако сказать, что приводимое высказывание не точно в деталях. Лопсан-Чинмит не был «захудалым ламой», он принадлежал к числу наиболее образованных служителей ламаистского культа в Туве и составлял свой проект не только в стенах монастыря: известно, что в 1928 году он был вызван в Кызыл для работы над алфавитом. Надо также отметить, что «двухбуквие» отмечалось С. Е. Маловым применительно к некоторым алфавитам тюркских языков, носители которых к тому времени уже перешли с латиницы на письменность с русской графической основой.

Если говорить о статье К. Т. Аракча в целом, то в ней не приводится сколько-нибудь

серьезных доводов в пользу его точки зрения об авторстве проекта тувинской национальной письменности. Доказательства строятся на очень шатких основаниях, что мы уже видели выше, а в некоторых случаях доказательств вообще нет. Утверждается, например, что на указанной выше статье Поппе сказались влияние идей Лопсан-Чинмита, но каких идей и в чем именно оно проявилось, не уточняется. Подозревать крупного ученого в том, что он «скрытно» использовал идеи Лопсан-Чинмита, у нас едва ли больше оснований, чем считать, что советские ученые за недостатком времени присвоили ламский алфавит и выдали его за свой, как это явствует из статьи К. Т. Аракча.

Возникает несколько вопросов. Почему несмотря на то, что ламский проект был одобрен Малым Хуралом (по-видимому, в конце 1928 года) и Политбюро ЦК ТНРП (3 февраля 1929 года), он фактически так и не был введен в действие? Какова была судьба тех экземпляров ламского проекта, которые, по решению Политбюро, были отправлены с представителем КИМа Мачавариани в СССР для рецензирования в Академии наук и последующего тиражирования? Какова была оценка этого труда?

Пока на эти вопросы трудно дать исчерпывающие

ответы. Но думается, что оценка была, как минимум, неоднозначна. Судя по ранее приводимой публикации К. Дондука, в АН СССР проект алфавита был оценен положительно. Но из монографии Х. С. Алдын-оола по методике тувинского языка узнаем, что экземпляр ламского алфавита взял с собой Х. Н. Даржаа, учившийся на временных курсах КУТВа в 1929—1930 гг. Он показал этот экземпляр А. Пальмбаху и В. Москалеву (одному из авторов проекта тувинской национальной письменности), которые не приняли проект, дав ему весьма критическую оценку.

Одним из недостатков ламского проекта было, очевидно, то, что он не был основан на едином новотюркском алфавите (НТА), тогда как VIII съезд ТНРП принял решение о создании тувинской письменности на основе НТА. Так, в письме ЦК ТНРП в ЦК ВКП(б) сказано: «VIII съезд... поручил ЦК ТАРП [Тувинской аратской революционной партии] обратиться за помощью в ЦК ВКП(б) в деле выработки тувинской письменности, в основе которой должен лежать латинизированный новотюркский алфавит, введенный у тюркских народов СССР...» Далее обращает на себя внимание следующее положение: «Тува не располагает никакими силами для того, чтобы хоть как-то приступить к раз-

решению языковой проблемы», и это положение явно отражает разочарование в предпринимаемых до сих пор попытках собственными силами создать национальную письменность.

Впервые тюркская латинизированная письменность была разработана применительно к азербайджанскому языку в начале двадцатых годов. На состоявшемся в Баку Первом Тюркологическом съезде (1926 г.) было принято решение распространить ново-тюркский алфавит на другие тюркские языки народов СССР. В 1927 году была осуществлена унификация этого алфавита с целью улучшить взаимопонимание носителей тюркских языков и облегчить их изучение.

Основные особенности НТА — экономичность (отрицание многобуквенного обозначения звуков), взаимное соответствие звука и буквы (каждой фонеме соответствует только одна буква и наоборот), интернациональный характер алфавита, выражающийся в сохранении по возможности международных чтений латинских букв. Кроме них, в НТА входили отдельные буквы, заимствованные из русского алфавита или восходящие к ним. Так, знак ь, означающий «ы», восходил к русской букве ы. В едином ново-тюркском алфавите довольно заметное место занимало ис-

пользование диакритических знаков: «хвостиков», перечеркиваний, «поясков» (как, например, у буквы ө, которая сохраняется и в современной тувинской графике).

Что же представлял собой ламский проект латинизированной письменности и в частности алфавит? Если даже судить по тому дефектному экземпляру труда Лопсан-Чинмита, который перевел на тувинский язык с монгольского К. Т. Аракча, то становится очевидным, что этот проект составлялся на иной, чем НТА, основе. В рукописном фонде ТНИИЯЛИ сохранились экземпляры ламского алфавита с примерами слов (орфограмм). Но имеющиеся материалы довольно скудны, в них мало связных текстов, а некоторые специфические знаки встречаются лишь в отдельных словах и орфограммах; к тому же их сложно прочесть, ибо в отличие от простой и ясной национальной письменности, ламская выглядит как шифр, требующий определенных усилий, чтобы в нем разобраться. К сожалению, из-за недостатка здесь места мы лишены возможности привести конкретные примеры сопоставления обоих алфавитов; к тому же это уже является предметом не популярных заметок, а строгого научного анализа.

Такой анализ был мною сделан в докладе, прочитанном на заседании ученого со-

вета ТНИИЯЛИ 9 июня 1989 года и одобренном им. Отметим только, что в целом ламский проект тувинской письменности представляет собой особое, достаточно специфичное явление. Оно в корне отличается от проекта, выполненного на основе НТА и легшего в основу тувинской национальной письменности.

Главное, что сближает оба проекта — опора на латиницу. Это и создает обманчивое впечатление их большого сходства и чуть ли не тождества, хотя в реальности они весьма и весьма различны. Обстоятельства, в которых создавались оба проекта, свидетельствуют в пользу самостоятельности каждого из них. Но и только.

В нашем распоряжении оказалась информация, ранее нам не известная и проливающая дополнительный свет на историю создания тувинской письменности.

Эта информация содержится, в частности, в книге О. Мэнхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву» («Reise ins asiatische Tuwa»), изданной в Берлине в 1931 году. Ее автор побывал в Туве летом 1929 года и описал обстановку в ней по состоянию на это время. Для нас существенно то, что О. Мэнхен-Хельфен уделил внимание вопросу создания письменности и даже встречался и беседовал с ламой Лопсан-Чинмитом. Тот сообщил путешественнику, в частности, что он познакомился с латинскими буквами через ламу, ранее долго жившего в Сиккиме и Ладакхе (часть территории Гималаев, входившей в сферу английского влияния).

В книге Мэнхен-Хельфена сказано также, что создание письменности было поручено правительством ТНР известному языковеду Поппе, проект которого признавался хорошо продуманным и учитывающим своеобразие тувинского языка, но тем не менее сначала он был отклонен. Считалось, что Поппе придумал слишком много обозначений (имелись в виду, вероятно, буквы с диакритическими знаками), тогда как заказчикам было желательно, чтобы букв было не больше, чем в обычной европейской пишущей машинке. В результате было отдано предпочтение проекту алфавита, составленному ламой Лопсан-Чинмитом, потому что этот проект обходился употребительными латинскими буквами.

О. Мэнхен-Хельфен, таким образом, четко указал на существование двух различных проектов тувинской письменности на латинизированной основе. Из его работы явствует также, что в 1929 году был такой момент, когда алфавиту Н. Н. Поппе (основанному на НТА) предпочли алфавит, созданный Лопсан-Чинмитом.

В дальнейшем, однако, в связи с изменением политической обстановки в ТНР, ее руководство вновь обратилось к идее создания письменности на основе НТА (решения VIII съезда ТНРП), что и было осуществлено советскими учеными-языковедами.

НА X СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

(Краткий отчет)

X съезд писателей Тувинской АССР состоялся 6 октября 1989 года. С основным докладом выступил К. К. Кудажи.

Он охарактеризовал общее положение в литературе Тувы. За пять лет вышло 32 книги членов Союза писателей и 51 — молодых авторов. В республике побывали гости из ГДР, Монголии, ЧССР, США, а также алтайские, хакасские, бурятские, удмуртские писатели. Обратившись к прошлому тувинской литературы, докладчик дал критическую оценку «Слову арата» С. Тока и пьесам этого же автора «Тонгур-оол» и «Осуществленная мечта». Первым романистом Тувы в докладе назван М. Б. Кенин-Лопсан.

Внимание участников съезда были предложены еще пять докладов.

К. Черлиг-оол сделал анализ прозы. Были рассмотрены произведения С. Сюрюн-оола, М. Кенин-Лопсана, Д. Сарыкая, Э. Донгака, В. Монгуша, А. Даржая, М. Эргепя, а также путевые очерки и рассказы для детей.

О. Сувакпиг выступил с анализом сборников поэзии М. Олчей-оола, Н. Куулара, А. Даржая, Е. Тановой, С. Молдурга, В. Серен-оола, К. Черлиг-оола, А. Ховалыг, И. Иргита, Ч. Кара-Куске, А. Уержаа.

В. Серен-оол рассмотрел пьесы авторов, участвующих в работе творческого объединения драматургов «Чалым-Хая», поставленные и ожидающие постановки на профессиональной и самодеятельной сцене произведения Ч. Ондара, А. Емельянова, М. Рамазановой, А. Даржая, Е. Тановой, К. Кудажи, ряда молодых авторов. Нужны пьесы на темы экологии, охраны природы, связанные с нравственными проблемами молодежи, радиопьесы, комедии, пьесы для детей.

З. Самдан говорила о проблемах критики и литературоведения. Отметила, хотя и без конкретного анализа, пассивность критики, корыстность и зависть, круговую поруку, писательские амбиции. Нужна новая история тувинской литературы, переоценка многих произведений. В читательской среде отмечены элементы снобизма и национального нигилизма. Необходимо готовить кадры критиков.

Доклад **М. Хадаханэ** о творчестве русских и русскоязычных авторов, работающих в Туве, будет приведен ниже.

36 человек записалось для выступлений в прениях. Выступили 16. Приводим некоторые выступления в кратком изложении.

А. Калзан. Среди молодежи в республике усиливаются националистические проявления. Многие не работают. В Тоджинском заповеднике орудут приезжие, курорты Тувы находятся в подчинении Красноярска, это создает дополнительные трудности. В печати были интересные выступления М. Кенин-Лопсана, Н. Куулара, А. Ондара по нравственным проблемам. В литературе вновь вышла вперед поэзия, появилась новая волна — А. Уержаа, Н. Куулар, И. Иргит. Координационный совет по литературно-художественной критике, несмотря на громкое название, работает по-старинке.

М. Эргеп. Члены Союза писателей и его руководство в республике, конкретно К. Кудажи и А. Даржай, слабо работают с авторами. Москва замечает и печатает, а в «Улуг-Хем» не попасть. Плохо воспринимается критика: мои выступления в молодежной газете и по радио вызвали дружный отпор.

Ю. Аранчын. Нужно сохранить памятники культуры. Требуются переиздания «Истории Тувы» и крупных научных трудов на тувинском языке. Тувинская литература создавалась коллективно. Нельзя подходить односторонне к историческому прошлому, все охаивать. Нужно подойти объективно, доказательно, взвешенно, работать с архивами.

Д. Куулар. Многие доклады слабоваты. Нельзя бездоказательно критиковать первых тувинских писателей — основоположников литературы, наклеивать новые ярлыки и приписывать им то, в чем они неповинны. Кто может доказать, что в «Пробуждении» О. К. Саган-оола — «одни голые лозунги»? Не дано оценки произведениям «Плач старика» А. Даржая, «Коновязь» Ш. Куулара. Не согласен с высказыванием о национальном нигилизме в докладе З. Б. Самдан.

М. Черноусова-Сарыг-оол ставит вопрос о создании литературного музея в Кызыле с тем, чтобы передать в его фонды книги с автографами, рукописи, личные вещи народного писателя Тувы С. А. Сарыг-оола.

М. Татаринцева. Критиков в республике мало, соответствующий сектор ТНИИЯЛИ в основном занят изучением фольклора. Чаще сами писатели и читатели выступают с критическим разбором и оценкой произведений. Молодежь мало читает, тонок «культурный слой». В других регионах страны здание библиотеки — лучшее в городе, а в наш читальный зал или библиотеку не хочется идти. Отсюда бездуховность молодежи. Повинен в ней и низкий уровень преподавания в школе. «Русские песни в Туве» — этот мой труд не находит поддержки в издательстве и книготорге.

В перестройке жизни нашего общества, ее обновлении, в гармонизации межнациональных отношений огромна роль творческой интеллигенции, — сказал первый секретарь Тувинского обкома КПСС **Г. Ч. Ширшин.** Главная задача литературы — способствовать правильному осмыслению истории своего народа. К острым проблемам истории и современности следует относиться

ся очень взвешенно, объективно. Нельзя все рисовать черной краской, охаивать свою историю — кощунство. Далее он рассказал о темпах развития республики и планах на будущее, о необходимости издания детской газеты, пожелал творческих успехов и плодотворного сотрудничества.

Съезд писателей Тувы избрал новый состав правления творческого союза. Его председателем избран А. А. Даржай, ответственным секретарем — К. Ч. Черлиг-оол.

Мария ХАДАХАНЭ

РУССКИЕ И РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПИСАТЕЛИ В ТУВЕ

(Доклад на X съезде писателей республики)

Как Енисей образуется от слияния многих больших и малых речек и ручейков, так и литературный процесс формируется из творчества писателей разного масштаба и дарований.

Отряд русских писателей в Туве складывался в 50-х: В. Ермолаев, М. Пахомов, Н. Сердобов, С. Козлова, А. Емельянов, П. Босенко. Позже подключились Г. Принцева, Ю. Вотяков, М. Рамазанова, Е. Антуфьев, А. Шкоркин, А. Захаров, А. Сапелкин, И. Дубникова. Русскоязычные — Э. Цаллагова, Л. Санчай, И. Иргит, С. Баир, К. Лопсан, В. Кан-оол, Э. Мижит, С. Ондур, Е. Ондар.

Взаимодействие, взаимовлияние осуществляется на самых разных уровнях социальной проблематики, стилей, жанров. Результатом межнационального общения стало то, что все больше появляется произведений писателей одной национальности о жизни другого народа. Изображение инонациональной действительности стало распространенным явлением, выражает духовную близость двух народов.

В последние годы изданы роман В. Бузыкаева «Родительский день», книга сатирической прозы В. Тимофеева «Девятый сон Цыряпкина», коллективный сборник прозы и стихов «Исток-2», книга стихов А. Емельянова «Судьба», в театре поставлена его же драма «От мира не уйти».

Русские авторы ярко отражают своеобразие национального тувинского уклада жизни, в их произведениях заметны интернациональный пафос и желание передать и национально особенное. Эта традиция идет от русской советской литературы: Н. Тихонова, П. Лукницкого, Т. Семушкина, М. Ошарова, П. Скосырева, А. Бека, Г. Федосеева, А. Коптелова, Н. Шундика... В то же время на русскую прозу в Туве заметно влияют Ч. Айтматов, Ю. Рытхэу, а также тувинские писатели.

Четвертая из книг М. Пахомова — «19-й перекресток» — издана в 1986 году. Михаил Иванович в Туве с 1917 года. Своими повестями-хрониками он

пополнил историко-революционную тему в тувинской литературе, рассказал о Туве 20—30-х годов как живой свидетель исторических событий, знаток быта тувинцев. Вместе с Н. С. Сердобовым заложил определенные традиции. Однако в его произведениях встречаются растянутость, описательность, иногда — сентиментальность и красоты стиля, сказывается недостаток языковой культуры. Опытный и внимательный редактор может помочь от этого избавиться.

Роман В. Бузыкаева «Родительский день» — раздумье о современности. Герой Михаил Власов — ветеран войны, его внучка Уля — журналистка. Они обращаются к прошлому, к памяти, отрицают беспамятство, утрату корней, утверждают вечную связь с прошлым, без которого нет будущего. Роман-миф пронизан философскими размышлениями. В нем затронуто множество тем. Иногда это желание автора высказаться сразу по всем вопросам мешает, дробит повествование, уводит от магистральной темы, — о чиновниках, вешизме: «богаты стали добром, да оскудели душой», «доброта стала не в ходу». Упоминание о кызылской саже как дань экологии, общество «Память», обличение неговистов — не слишком ли много для одного романа? Нелегко автору дается сочетание исторического материала с современностью, иногда обширные книжные знания превалируют над лично-чувственным восприятием жизни. Не очень удался Оюн Баир, получился идеальный герой-схема. Афганская тема — на уровне газетной публицистики. Есть герои-функционеры: верность или подлость. Наиболее убедителен образ М. Власова. Он думает о себе, своем поколении, об утрате духовных корней. Сложная композиция в романе: уход в прошлое на сто лет — во время восстания 60 богатырей и первых русских поселенцев-староверов (автор обладает развитым историческим воображением). Здесь звучат диалог Смерти и Памяти людской, голоса казенных богатырей, внутренние монологи героев. Местные сибирские словечки утешают условную манеру повествования. Заметно влияние Ч. Айтматова и А. Черкасова.

Проблема героя, становления человеческой личности всегда вечна и нова — на перелулье, в смятении, экстремальной ситуации и в обыденной жизни.

А. Емельянов — автор шести поэтических книг, в Туве живет 34 года, печататься начал с 1963-го. Герои его стихов — люди труда: доярки, чабаны, строители, шоферы, телефонистка и библиотекари — конкретные люди, реальные, а не поэтические символы:

«Опять лечу в проворном ГАЗике.
А ну, водитель, поднажми!
Мечтаю, как о лучшем празднике,
о встречах с новыми людьми».

Его стихотворение «Что такое Тува?» стало своеобразным поэтическим символом республики. Он сумел просто и емко передать особенности пейза-

жа и уловить дух народа. Его поэтическая публицистика пронизана философским осмыслением жизни, нравственным максимализмом:

«А что ты сделал? Что ты смог?
Что к Человеку ты прибавил?»

Стихи отличаются спокойной силой, богатством чувств. Тува дарит ему свежие образы. Герой не отделен от автора, есть высокий проповеднический дух: «Есть у души свои законы», «Непримиримость», «Справедливость», «Со-страдање». Рефреном проходит: «Не изменяйте совести своей». Сильно звучит и сегодня цикл 1962 года «Конец Панюшкина». Мешают назидательность, излишняя прямолинейность, дидактика.

Пьеса А. Емельянова «От мира не уйти» рассказывает о старообрядцах Каа-Хема, в ней перемежаются сцены прошлого и настоящего Малого Енисея. Непростые судьбы монашки Досифеи, матери Горгонии, учительницы Насти, Агриппины. Ярко звучит живая сибирская речь, частушки, пословицы, песни — это сцены народной жизни. Сейчас проблемы религии рассматриваются в новом свете: «у каждого должен быть свой бог в душе». Слова обличения: «все в грехах, кругом пьянство, ложь, прелюбодеяние, обман, семьи рушатся, молодежь не хочет трудиться» — звучат актуально. В центре пьесы — морально-этические проблемы: как жить на земле по совести. Атеистическая направленность иногда прямолинейна, не везде удалось достигнуть психологизма.

Шестая книга стихов С. Козловой вышла в 1982 году, после этого отдельных изданий нет. В альманахе «Улуг-Хем» за пять лет появились «Рейс» (журнальный вариант), крупный цикл «Дороги. Люди. Города». Ее поэзия — дар интернационального общения: «Азией в сердце давно принята я каплею кровной...» Любопытна в ее творчестве тематическая перекличка с тувинскими поэтами — поэма «Высокий порог» с «Маленьким учителем» М. Кенин-Лопсана, а в «Сухой лиственнице» широким потоком тувинский фольклор — от частушки до заклинания. Орнаментальность предстает неожиданным восприятием, окраской образа: «ветров горловое пение», «отар живое просо», «войлок туч густой», «глядит на месяц, степной, раскосый» и даже «я — Тува: мои плечи — скалы, мои косы — извивы рек»...

Поэтическая публицистика — трудный и неблагодарный жанр. Ее стихи и поэмы полны живыми конкретными людьми, их судьбами — «Кавалерист-девица», «Мак», «Долг», «Доящая и Луч». Женские судьбы, часто трудные, написаны с чувством. Излишне растянуты, тяжеловесны «Люди честного имени» — от декабристов до наших дней; тема преемственности поколений, но отсутствие сюжета, обрывочность, прозаизмы, напор голых идей снижают эстетическое воздействие. Больше удаются натурфилософские стихи: аромат багульника и полыни, пыльный ветер, цепкий караганник, трагические мотивы утрат, потерь, ухода, возврата, стихи о материнстве и «зверинный» цикл о волчице, сарлыках, лисице. Как и прежде, влечет героическая тема, эпи-

ческий жанр. С. Козлова пишет о том, что пережила, увидела в жизни с ярким гражданским темпераментом. Много сил она отдала переводам с тувинского, редактированию, литобъединению «Исток».

Е. Антуфьев лаконичен, склонен к афоризмам, в борениях с самим собой и ложью отношений, в беспокойных тревожных стихах боль и горечь. Тема беды, преодоления проходит как главная:

«Зло рядом — лишь наклонись,
а до добра — шагать».

Во многих стихах витает угрюмый дух отрицанья (Ю. Кузнецов). Иногда игра интеллекта заслоняет живое чувство, проявляется сделанность, нарочитость ради ударной концовки, сознательное конструирование. Отсюда холод рационализма, потеря тепла и живой боли. В «Письме в никуда» в № 25 «Улуг-Хема» стихи важнее аморфной прозы: «Тупик», «Скорая помощь».

Хочется отметить плодотворность поисков осетинки Э. Цаллаговой. Ее лирическая героиня — гордая, страстная, есть своя романтическая интонация, голос, привлекательно решение интернациональной темы, не ходульное, а теплое и лиричное. Рукопись сборника рекомендована к печати давно, но не издана до сих пор.

Явно недооценено изящество образов Г. Принцевой. Две рецензии, положительная и отрицательная, решили судьбу сборника. Гуманизации общества нужна тонкая умная поэзия, а коммерческие издательские резоны — пойдут или не пойдут — мешают развитию литературы.

Хотелось бы особо сказать о русскоязычных поэтах: тонкий психологизм В. Кан-оола, белый стих С. Ондур, жажда новизны И. Иргита, лирические миниатюры — как бы стихотворения в прозе — С. Баира, острота душевных борений Л. Санчай. Они по-русски пишут очень тувинские стихи, не теряя ощущения национальной образности. Недоверия и пренебрежения здесь быть не может. Они не уходят от родной культуры, а приносят новые краски. Русский язык стал средством самовыражения у Ч. Айтматова, Ю. Рытхэу, О. Сулейменова, Г. Ходжера, В. Санги, А. Кима: на стыке двух культур, как правое и левое крыло птицы. Как при этом меняется структура художественного образа!

Именно новые средства выразительности Э. Мижита, тогда еще первокурсника Литературного института имени А. М. Горького, привлекли в мае 1989 года «Литературную газету» — «Мысль», «Роса на камне»:

«Какая-то мысль
стрелой пронзила мой мозг.
И я потянулся к бумаге,
и рука дрожала при этом,
словно была оперением
этой стрелы».

Сопоставляются юла и Вселенная, слово поэта и стоны роженицы, мысль поэта и волна прибой.

«Внимание!
Смертельный помер!
На манеж выходит поэт,
чтоб пройти по канату стиха
без страховки,
балансируя при помощи пары метафор
и жонглируя рифмами, стопами, тропами...»

Он видит мир широко, интеллектуально. Переливы мысли прихотливы, ассоциативны, придают особую энергию стихам. Хорошо начал молодой поэт.

Художественный перевод — вид литературной взаимосвязи и равноправный литературный жанр, обладающий творческой силой.

На русском языке за последние годы вышли три сборника А. Даржая — «Щедрый очаг», «Пришла пора», «Зерна добра» (1989 г.), «Камешки в воде» К. Черлиг-оола (1986), «Почерк любви» В. Серен-оола (1988 г.); из прозы — том в серии «Сибирский рассказ» в Новосибирске, «Улуг-Хем неугомонный» К. Кудажи в переводе А. Китайника в Москве и Новосибирске, роман «Настигающий птицу» М. Кенин-Лопсана в 1987 году переиздан в Москве; вышли также «Путешествие» Л. Чадамба, «Волшебный Одутен» М. Эргепа, «Свет над зимовьем» К. Чамьяна (1988 г.).

Издания в центре, к сожалению, случайны, благодаря настойчивости авторов или переводчиков. Рецензий на книги тувинских писателей в центральной прессе не встречается, даже очерк о Туве последний раз был в «Юности» в 1984 году, и неудачный. Хороший номер посвятили нашей республике «Сибирские огни». Удивительно, что журнал «Дружба народов» никак не замечает тувинской литературы. В результате до сих пор на русском языке нет хорошего издания «Избранного» С. Пюрбю, Ю. Кювзэгеша (имеются в виду центральные издательства).

Прибавились новые переводчики: И. и Э. Фоянковы, Л. Дымова, В. Гордеев, А. Смольников, И. Слепнев, В. Евпатов, Н. Карпов, Т. Весслова, А. Плитченко, В. Бояринов, А. Парфентьев, А. Романов, М. Головенчин, включились местные русские авторы. Удачными можно назвать переводы Н. Карпова и Т. Веселовой в книге К. Черлиг-оола «Камешки в воде»: удалось передать романтически-нежное своеобразие поэта, найти ритм, тональность, настроение. Более точную, близкую поэзии А. Даржая интонацию удалось найти И. Слепневу.

Но не обошлось у разных переводчиков снова без «дубравы», «аргамака», «отавы», «окосема», «реченьки», «полюшка», глаз, «как две черемухи», оборотов типа «одрях отец». То мелькнет есенинский «ветер-бродяга», то «месяц-табунщик». Ритм часто сбивается на коварной двойной гласной в названиях и именах, не очень удаются переводы песен и пословиц. С грустью встретишь нелепые выражения вроде «преданная, как журавль, жена», или

«на меня ты посмотрела, как глухарка на снегу». Конечно, возникает нежелательный комический оттенок: то, что бывает свежо на одном языке, на другом порой выглядит плоско. Или рифма «табун-трибун» задевает несоответствием.

Неуклюжие, тяжеловесные обороты встречаются в публикациях «Улуг-Хема»: где еще можно услышать, например, «рыдания коня»? Вообще в стихах часто плачут — то «петли дверные навзрыд», то «теперь мои песни — глухое рыдание»... «и сегодня с ума сходят кони в Туве» (?), «и ветераны битв в веснушках пороха» — тоже странно, «первый снег — невесты вуаль» — сусально, конфетно, «дрожа от хохота упругими губами» — вот уж поистине «познай — таинственный шаман»! — все возможно по прихоти переводчика, не только москвича, но, к сожалению, и местного.

С 1946 года вышло в свет 25 номеров альманаха «Улуг-Хем» на русском языке. По существу для русского и иноязычного читателя это — литературное зеркало республики. Через альманах прошли четыре поколения, все наиболее значительные произведения тувинской литературы.

С 1984 года он стал выходить ежегодно. Это позволило шире печатать переводы с тувинского, произведения русских и русскоязычных авторов. Альманах стал интереснее, содержательнее. Появились разделы: для маленьких читателей, сатира и юмор, очерк, критика, новые имена, из литературного наследия, наши юбиляры. Заметные публикации: «Сын Чагытая» В. Кан-оола, «Труды и годы» Б. Камалиева, проза Л. Батуриной, «Родословная» А. Захарова, «Одна сотая доля процента» П. Восенко, пьеса К. Емельянова «Гауптвахта», стихи Н. Куулара, Ю. Вотякова, Ф. Потылицына, И. Иргита, А. Ховалыг, Л. Санчай.

Чего не хватает «Улуг-Хему»: он собирается стихийно, самостоком, нужен социальный заказ, в первую очередь, на философскую публицистику; воспоминания следует вводить в русло, часто они случайны. Не всегда требователен отбор, разовая публикация — и автор исчез. Гул перестройки в стране мало слышен у нас в альманахе. Наше общество больно жестокостью, бездушием, равнодушием, потерей нравственных идеалов, бездуховностью, вещиизмом, всеядностью, апатией. Нужно возродить веру в добро, восстановить связь времен, сохранить лучшие народные традиции. Площадь альманаха мала — 10 печатных листов, тратить ее следует разумно, планировать номера. Шире привлекать ученых, социологов, экономистов. Нужна народная публицистика: опросы, анкеты библиотекарей — что читают? — медиков, учителей.

Мешает провинциализм: узкий круг общения, тематики; нет свежего взгляда, каждый пишет, как может. Отсюда и малохудожественность, порой граничащая с графоманством, и подражательность моде, дурная литературщина, мелодраматизм, отсутствие серьезности тем, бытопись...

Некоторые организационные вопросы. Книжки В. Бузыкаева, В. Тимофеева выходят без предварительного обсуждения, неизвестно, проходят ли ре-

цензирование в стадии рукописи. Отсутствует влияние критики и встреч с читателями. Хочется, как гоголевской невесте нос одного жениха с дородностью другого и любезностью третьего, соединить знание жизни одним автором с литературным талантом другого... А каждый должен иметь собственное лицо. Как верно заметил Л. Н. Гумилев, «общество, состоящее из людей, имеющих индивидуальность, гораздо устойчивее, чем из обобщенной массы».

Наши юбиляры

Поэт, прозаик, драматург Екатерина Дуктуг-ооловна Танова родилась 27 марта 1930 года в с. Суг-Аксы Сут-Хольского района в семье арата-скотовода. Окончила Кызылский педагогический институт, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Работала учительницей, журналистом республиканских газет и радио, директором Тувинского музыкально-драматического театра, преподавателем педагогического института. Кандидат исторических наук.

Первые стихи Е. Д. Тановой появились в печати в 1952 году. Автор сборников стихов и поэм «Ручеек» (1964), «Песня Хемчика» (1971), «Херелмаа» (1978), «Верб в цвету» (1974), «Мир детей» (1989), а также книги рассказов для детей «Две двойки». В 1976 году вышла в свет книга «Повесть о моем брате». Издан однотомник избранных произведений «День Хемчика» (1980). В альманахе «Улуг-Хем» опубликованы ее повести «Судьба матери», «Весна суровых лет».

На сцене Тувинского музыкально-драматического театра поставлена пьеса «Волшебная стрела», идет работа над постановкой рок-оперы «Лесничиха», по сценариям Е. Тановой осуществлены несколько телеспектаклей для детей.

Многие стихи Е. Д. Тановой положены на музыку и стали популярными песнями.

Перевела на тувинский язык ряд произведений классиков мировой и советской литературы.

* * *

Один из первых тувинских ученых литературовед и критик, член Союза писателей СССР Антон Коваевич Калзан родился 5 апреля 1930 года в Каа-Хемском районе в семье арата-скотовода. Окончил Ленинградский государственный университет. В 1962 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Становление тувинской драматургии».

Работая в секторе литературы и фольклора ТНИИЯЛИ, преподавателем Кызылского государственного педагогического института, А. К. Калзан написал ряд научных трудов, статьи, посвященные исследованию истории тувинской советской литературы, по творчеству отдельных писателей. А. К. Калзан — автор книги «Жизнь и литература» (1980), учебника «Тувинская литература» (1987). Изданы написанные в соавторстве книги «О литературе» (С. Сарыг-оол, А. Калзан: 1955), «Тувинская литература. Краткий очерк» (Д. Куулар, А. Калзан и др.: 1964), «Краткий очерк тувинской советской литературы» (М. Хадаханэ, Д. Куулар, А. Калзан: 1975).

А. Калзан является составителем и автором предисловий многих сборников сказок, пословиц и поговорок, загадок, а также учебных программ по тувинскому фольклору и литературе, «Русско-тувинского словаря для учащихся». Перевел на тувинский язык повести Н. В. Гоголя, «Золотой ключик или приключения Буратино» А. Н. Толстого.

* * *

Поэт, прозаик, драматург Черлиг-оол Чашкынмаевич Куулар родился 10 декабря 1940 года в селе Хорум-Даге Дзун-Хемчикского района. Окончил Кызылский педагогический институт. Работал учителем, научным сотрудником ТНИИЯЛИ, заведовал отделом республиканского центра народного творчества и культурно-просветительской работы. В настоящее время ответственный секретарь правления Союза писателей Тувы.

Стихи начал писать с шестидесятых годов. Автор сборников стихов «Мой конь» (1975), «Время» (1978), «Камешки в воде» (1983), «Предраассветные зори» (1988) на тувинском языке. Сборник стихов «Камешки в воде» издан в переводе на русский язык в Москве (1986). В 1985 году вышла книга прозы «Мелодия гор». В настоящее время готовится к печати вторая книга прозы. Пьеса «Мутный колодец» готовится к постановке.

Активно выступает как критик, литературовед-фольклорист. Участвовал в составлении сборника тувинских легенд и преданий «Девичья скала», сборника тувинских сказок «Арзылан-Мерген» и сборника статей «Тувинское устное народное творчество», написал множество статей и рецензий.

Перевел на тувинский язык произведения С. Есенина, К. Симонова, М. Кильчицакова, пьесы «Занавески» М. Ворфоломеева (совместно с А. Даржаем), «Лоокуут и Нюргухун» Т. Сметанина, поэму С. Козловой «Кавалерист-девица».

Правление Союза писателей Тувинской АССР, редколлегия альманаха „Улуг-Хем“ сердечно поздравляют и горячо приветствуют наших юбиляров Екатерину Дуктуг-ооловну Танову, Антона Коваевича Калзана, Черлиг-оола Чашкынмаевича Куулара и желают им доброго здоровья, долгих лет жизни, плодотворной творческой работы на благо многонациональной советской литературы.

Содержание

ПРОЗА

<i>Александр Даржай.</i> Без роду, без племени. Тарзан. Рассказы. Переводы автора	3
<i>Куулар Черлиг-оол.</i> Потерялся ягненок. Перевод <u>М. Хадаханэ.</u> В пору тайменных игр. Перевод <i>И. Дубниковой.</i> Красная соль. Перевод автора. Рассказы.	16
<i>Григорий Кравченко.</i> Нойская трагедия. Воспоминания партизана	29
<i>Монгуш Эргеп.</i> Первые встречи. (Быль). Перевод автора	34
<i>Монгуш Кожелдей.</i> Крутые дороги. (Рассказ). Перевод <i>М. Хадаханэ</i>	36

К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

<i>Иван Туренко.</i> Это было вчера... (Повесть, журнальный вариант)	54
--	----

ПОЭЗИЯ

<i>Кызыл-Эник Кудажи.</i> Отчий край — Чээнск. Река Барык. Дус-Даг. Сан Сури. Кинжал и рог. Переводы <i>В. Гордеева</i>	64
<i>Николай Куулар.</i> Белый жеребенок. Перевод <i>В. Зуева.</i> Огонь памяти. «Я шел по тропинке чудесного сна...». Переводы <i>А. Полануера.</i> «Будильник», «Я застыл и слова не идут из меня...», «Лотос-облако». Переводы <i>А. Макарова</i>	67
<i>Владимир Серен-оол.</i> Из Ленинградской тетради. (Восьмистишия). Перевод <i>А. Романова</i>	70
<i>Светлана Козлова.</i> С грустью — о праздниках. Как можно умереть	71
<i>Чургуй-оол Доржу.</i> «Мне сказали...» Перевод <i>Г. Принцевой</i>	73
<i>Антон Уержаа.</i> Печальная песнь о скакуне лунной масти. Родной реке Алаш. Переводы <i>К. Емельянова</i>	74
<i>Галина Принцева.</i> Холодное лето. «Ночь февраля...»	76

<i>Людмила Санчай</i> . Идеал. Не жалейте меня. Разноцветные облака	77
<i>Эмма Цаллагова</i> . Из цикла «Друзьям». «А на этой земле — только я и разлуки...». На волоске надежды. «Неужто все...». Ничего я не забыла...» Дым утрат	79
<i>Зоя Намзырай</i> . Абхазия. Перевод <i>Г. Принцевой</i> . Магнолия дружбы. Женщины Гулистана. Озеро Рица. Переводы <i>Э. Цаллаговой</i>	85
<i>Юрий Вотяков</i> . Красные листья. (Триптих). За поворотом дней, вдали...»	89
<i>Эдуард Мижит</i> . Юла. Отражение. Начало. Прости. Путь мысли. Препарирование. Полнолуние в мае	91
<i>Федор Потылицын</i> . Песня ямщика	95
<i>Артык Ховалыг</i> . Мой Ак-Хем. Сила рук. Переводы <i>К. Емельянова</i>	96
<i>Михаил Дуюнгар</i> . Все чаще снится мама. Мелодия нашей молодости. Переводы <i>К. Емельянова</i>	97
<i>Евгений Антуфьев</i> . Черемуха. Баллада о собаке	99
<i>Зоя Амыр-Донгак</i> . Искорка надежды. Одиночество. Зажгу огонь. Переводы <i>И. Дубниковой</i>	100
<i>Любовь Батурина</i> . Каждый новый день сердцем праздную. Пишет брат... Причитание. Молодость звонкая...	101
<i>Инна Дубникова</i> . Сын. Верлибры	103

ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

<i>Окан-оол Намчылак</i> . «Несерьезный» класс. (Рассказ)	105
<i>Нил Чемезов</i> . Расческа. (Рассказ)	111
<i>Алексей Куулар</i> . Кто кого проучил? (Сказка)	118
<i>Хугбек Ак</i> . Иржи. (Рассказ)	121
<i>Александр Шоюн</i> . Художник. Перевод <i>Г. Принцевой</i> . Первая книжка. Сугроб. Переводы <i>А. Шевченко</i> . Тарбаган. Перевод <i>Н. Голя</i>	125
<i>Чооду Кара-Куске</i> . Капля. Я — сам! На уроке географии. По ягоды. Переводы <i>А. Захарова</i>	126

САТИРА И ЮМОР

<i>Михаил Филипченко</i> . Ночные дебаты. (Юмореска)	130
<i>Анатолий Табачников</i> . «Сжал, зажал, прижал...», «Вынужденный свист». (Юморески)	133

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Маргарита Татаринцева</i> . Об одной неопубликованной рукописи. (Страницы творчества <i>И. Г. Сафьянова</i>)	137
--	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Иргит Самбу</i> . С той весны. (Очерк)	145
<i>Мария Черноусова-Сарыг-оол</i> . Радость познания слова. (Воспоминания о С. А. Сарыг-ооле)	154

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Борис Татаринцев</i> . К вопросу о так называемом «заимствовании». К 60-летию создания тувинской национальной письменности. (Заметки ученого)	160
--	-----

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

На X съезде писателей Тувы. (Краткий отчет)	167
<i>Мария Хаданэ</i> . Русские и русскоязычные писатели в Туве . . .	169
Наши юбиляры	176

*на 1 стр. обложки
слайд фотохудожника
А. Л. Фурманова.*

УЛУГ-ХЕМ № 26

**Литературно-
художественный
альманах**

Художественный редактор
М. Ч. Чооду.

Технический редактор
А. А. Чернова.

Корректор
А. С. Казанцева.

Сдано в набор 1.09.89. Подписано к печати 12.02.90. ТС 00089. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсет. № 2. Гарнитура литературная и журнальная. Печать высокая. Физ. печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 10,7. Усл. кр.-отт. 11. Уч.-изд. л. 10,29.

Цена ~~50 коп~~ Тираж 2000 экз.

Заказ 2263. ТП 1990 г.

Тувинское книжное издательство, 667000
Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография Госкомиздата Тувинской
АССР, 667000 Кызыл, ул. Щетинкина
и Кравченко, 1.

36-00

65 коп.

КЫЗЫЛ

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО